

ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART

4
2020

ART

12+

Журнал «Арт»

ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART

Акценты

Четвёртый номер журнала открывает рубрика «Коми в Коми». Здесь уже традиционно размещены статьи краеведческого характера. Читателю будет интересно узнать, что на месте нынешней столицы Республики Коми когда-то плескалось Сысольское море, в котором водились плезиозавры. Об этом, и, вообще, об истории поселений на месте будущего Сыктывкара – от плезиозавров до Стефана Пермского – написано в статье учёного-историка Игоря Жеребцова «Когда Сыктывкара не было. В этом же разделе – интереснейшая статья Любови Ануфриевой «Сердце плачет и поёт», посвящённая замечательному коми писателю Вениамину Чисталёву и выставке, открывшейся в Литературном музее к его 130-летию юбилею.

Раздел «Литература сего дня» начинается с цикла новых рассказов Владимира Сумарокова «Душная ночь». Читателю предлагается погрузиться в глубины ироничных рефлексий автора, где-то посмеяться вместе с ним, а где-то и задуматься о бренности нашего бытия. Стихи Елены Афанасьевой порадуют коми читателя, владеющего коми языком. Тонкий лиризм в гармоничном сочетании ароматов леса, воды и лёгкой грусти по уходящей в прошлое родине – вот основные мотивы стихотворений этого поэта. Алексей Попов продолжает свою повесть «Оти гоҗся лунӧ». Любителям интеллектуальной фантастики предлагается небольшая повесть (или большой рассказ) нашего автора Игоря Зоткина «Испытание временем». Повествование захватывает буквально с первых предложений – этот головокружительный сюжет, достойный голливудской экранизации, не оставит читателя равнодушным. Журнал представляет дебютную подборку стихов талантливого поэта Александра Герасименко «Я вновь с тобой, родимая глубинка...». Кажется, все поэтические образы, темы, рифмы кочуют в литературных текстах тысячи лет, и ничего нового уже быть не может. Но вот появляется Александр Герасименко, и открывается новая поэтическая реальность. Это стихи, которые читаешь с удовольствием.

В разделе «Экология культуры» читатель познакомится со статьёй Марины Щербининой об экологических проектах Юлии Печниной и с её коллекцией графики на страницах журналов мод.

*Павел Лимеров,
главный редактор.*

АРТ

12+

Содержание

Коми в Коми

И. Жеребцов. Когда Сыктывкара не было	4
А. Игнатов. Коми язык как ключ к пониманию ойконима «Москва»	23
Л. Ануфриева. Сердце плачет и поёт	26
П. Романова. Эра Сыктывкарского ЛПК	36

Литература сегодня

В. Сумароков. Душная ночь. <i>Рассказы</i>	49
Е. Афанасьева. Төв йылын тиральсь турун сі. <i>Кывбуръяс</i> ...	78
А. Попов. Ӧти гожся лунӧ. <i>Повесьт</i>	88
А. Герасименко. «Я вновь с тобой, родимая глубинка...» <i>Стихи</i>	119
И. Зоткин. Испытание временем	134

Ы

А. Палева. Мырпома эрд.....	165
А. Забоева. Кызди петук тайкӧ шыдӧ эз веськав.....	166

Экология культуры

М. Щербинина. Экологический вектор Юлии Печониной	169
---	-----

Сыктывкар, 2020

АРТ

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал

Республикаса литература,
публицистика, история,
культурология да
художественной журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год
на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению
реализации социально значимых проектов
осуществляется при государственной поддержке
Администрации Главы Республики Коми.

Журнал издан при поддержке Министерства
национальной политики Республики Коми.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики
Республики Коми, МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Нина Новикова.

Главный редактор – Павел Лимеров.

Главный бухгалтер – Татьяна Леончик.

**Зав. отделом по основным направлениям
деятельности** – Татьяна Логинова.

Художественный редактор – Юрий Лисовский.

Журнал «Арт»

Зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Республике Коми.
Регистрационный номер
и дата принятия решения
о регистрации: серия
ПИ № ФС77-35079
от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 4 (92) 2020 г.

Дата выхода в свет: 01.12.2020.

Руководитель редакции:

Новикова Н. М.

Главный редактор:

Лимеров П. Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки
и заставок использованы работы
(©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:

167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229,
каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru,
www.artlad.ru

**Отпечатано в ООО «Коми
республиканская типография»**

с электронных носителей
заказчика в полном соответствии
с качеством предоставленных
материалов. Подписано к печати по
графику – 24.11.20. Фактически –
24.11.20. Формат: 70x100 1/16.
Печать офсетная. Усл. п. л. 15,48.
Адрес типографии: 167982,
Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:

П4453 по каталогу «Почта России»

Все права на материалы, опубликованные в
номере, принадлежат журналу «Арт».
Перепечатка без разрешения редакции запре-
щена. При использовании
материалов ссылка обязательна.
Присланные материалы не рецензируются и
не возвращаются.

Материалы, не опубликованные
в журнале, редакция не рецензирует
и не возвращает авторам. Публикуя
материал, редакция не обязательно
поддерживает точку зрения автора.

Коми в Коми

Игорь ЖЕРЕБЦОВ

Игорь Любомирович Жеребцов родился в 1960 г. в Сыктывкаре. Окончил исторический факультет Сыктывкарского госуниверситета, с 1983 г. работает в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. С 2011 г. – директор института. Один из ведущих учёных-историков Российского Севера. Опубликовал более 300 научных работ, в том числе более 30 книг. Плотно ведёт популяризаторскую работу, опубликовал 17 научно-популярных книг, руководил изданием краеведческого журнала.

Когда Сыктывкара НЕ БЫЛО

От химер Сусольского моря –
к обезьянам пальмовых рощ,
из субтропиков – в ледники

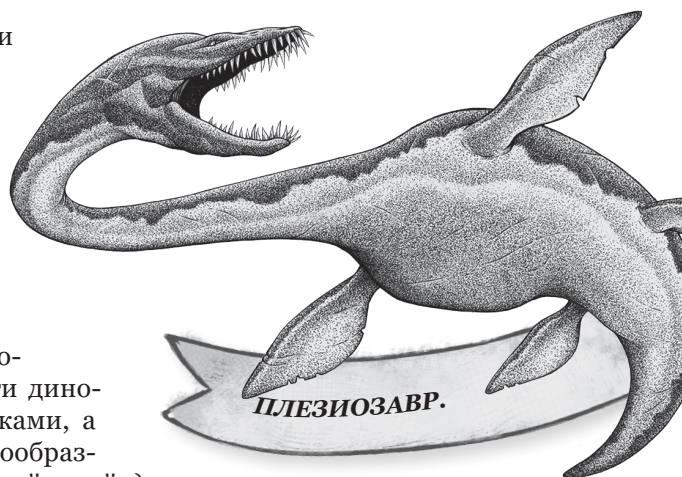
Все понимают, что в давние времена не было ни Сыктывкара, ни Усть-Сусольска, ни даже маленького погоста в устье реки Сусолы. Сложнее уложить в голове, что когда-то не было и устья Сусолы – потому, что не существовало ни реки Сусолы, ни реки Вычегды, в которую она впадает, ни даже земли, по которой эти реки текут. Невообразимо давно (600 миллионов, а может быть, даже более миллиарда лет назад!) в этой части земного шара располагался Палеоуральский океан. Прошли многие миллионы лет, соединялись и разделялись блуждавшие по планете континенты, формировались горные системы, меняя контуры водных пространств. Десятки миллионов лет формировавшиеся Уральские горы тянулись ввысь со дна океана, пока, наконец, не вознеслись над водной гладью, достигнув своего максимального размера примерно 230–240 миллионов лет назад. Тот Урал был не чета нынешнему – высокогорный хребет, устремлявшийся в небо до 5–7 километров (его современная главная вершина не дотягивает и до 2). Разделённый на части вздыбившимися

над морской пучиной древнейшими горами-островами, Палеоуральский океан канул в более чем далёкое прошлое, а на смену ему пришли моря.

Одно из них, существовавшее примерно 165 миллионов лет назад, геологи называют Сысольским. Там, где миллионы лет спустя поднялась суша и потекли реки Сысола и Вычегда, господствовали морские разновидности динозавров, питавшиеся рыбой, моллюсками, а при случае и другими ящерами. Разнообразные плезиозавры («ящеры с лебединой шеей»), существовавшие тогда на планете, имели размеры от 1,5 до 15 метров. Например, у эласмозавра шея была длиной 7-8 метров, туловище и хвост – по 2,5 метра. В Сысольском море водились плезиозавры, достигавшие 3,5 метров. По крайней мере, так можно судить по их останкам (позвонкам), найденным геологами близ деревни Каргорт села Ыб Сыктывдинского района. Там, на берегу Сысолы, в геологических слоях так называемого «юрского периода» (190–140 миллионов лет назад, время расцвета динозавров), обнаружилось настоящее «кладбище» морских рептилий, упокоившихся на тогдашнем морском дне.

Кроме плезиозавров, морские воды над будущим Сыктывкарком бороздили ихтиозавры («рыбоящеры»), похожие на больших рыб или дельфинов. Они вообще-то могли достигать в длину до 13 метров, но «наши» ихтиозавры (в отличие от «ихних», южных) были помельче – от 4,5 до 7,5 метров, треть из которых (1,5 – 2,5 метра) приходилась на голову. Все эти рептилии, вероятно, добрались до северных вод из Вятско-Камского и других морей Поволжья, с которыми Сысольское море соединялось на юге. (Если Сысольское море – «наследник» северного океана, то Поволжские моря – «потомки» океана Тетис, остатком которого является нынешнее Средиземное море). Главным морским хищником той эпохи был похожий на большого крокодила тилозавр, но пока что останки этого вида динозавров на сысольском «кладбище динозавров» не найдены. Возможно, тилозавры и не добирались до Сысольского моря, предпочитая более тёплые морские воды, заполнявшие Русскую равнину. (К слову, в ещё более северном, чем Сысольское, Печорском море следов древних ящеров пока вообще не обнаружено, хотя эти моря тоже соединялись между собой).

Кроме динозавров, водились в наших морских глубинах дальние родственники современных акул – химеры, а также древнейшие головоногие моллюски (аммониты и белемниты), прятавшие себя от съедения в раковинах разнообразные одноклеточные организмы и, возможно, морские ежи.

Химеры – глубоководные рыбы длиной от 6 сантиметров до 2 метров довольно причудливого вида: с круголобой головой, завитком острых, как ножовочное полотно, зубов, коротким телом, резко сужающимся к длинному с нитевидным кончиком хвосту, и длинным шипом на спинном плавнике.

Белемниты были похожи на современных кальмаров, с торпедообразной формой тела, и так же, как и кальмары, плавали хвостом вперёд, причём довольно быстро. В длину могли достигать до 3 метров (но обитатели Сысольского моря были, скорее всего, раза в 2-3 меньше). В наследство от белемнитов нам достались так называемые «гуль чунь» (или «чёртовы пальцы») – их окаменевшие внутренние раковины-ростры (самая прочная, задняя часть скелета, можно сказать, хвост), похожие на наконечник стрелы, длиной 15–20 сантиметров. Из-за их причудливого вида суеверные люди приписывали им мистические и лечебные свойства, использовали в качестве оберегов. Наиболее красивые из «чёртовых пальцев» ювелиры используют вместо самоцветов.

Аммониты, в отличие от соседей-белемнитов, вели, так сказать, весьма неспешный образ жизни, обитали в раковинах диа-

метром от 1 сантиметра до 2 метров (обычно – от 2 до 40 сантиметров) и толщиной от долей миллиметра до 1 сантиметра (у самых крупных моллюсков).

Самым красивым раковинам аммонитов тоже приписывались магические и лечебные свойства. Век динозавров закончился примерно 65 миллионов лет назад; вымерли и аммониты с белемнитами. Воды Сысольского моря и всех остальных морей-океанов (а в пучине морской тогда на-

ходилась территория всей нынешней Республики Коми, вся Русская равнина, да и 40 процентов всей Евразии) надолго оказались во владении рыб, моллюсков-устриц, морских гребешков, мидий и прочей мелкой морской живности.

30–40 миллионов лет назад началось поднятие земной коры, и море постепенно отступило. Вновь начали расти Уральские горы, до того на протяжении 200 миллионов лет под воздействием солнца, воды, ветра и перепадов температуры постепенно разрушавшиеся и почти исчезнувшие (от бывшего высокогорного Урала, считают геологи, осталось сегодня лишь несколько плоских горных вершин – невеликое наследие древнего «северного Памира»). Вслед за вторым пришествием Уральского хребта поднялась и суша к западу от него – та самая, где сейчас располагается Республика Коми и её столица Сыктывкар. Землю покрыла растительность, появились звери и пти-

цы – однако и животный, и растительный мир разительно отличался от современного. В те стародавние времена в наших краях было очень тепло. По-настоящему высоких гор в Евразии ещё не существовало, поэтому воздушные течения, не встречая препятствия на своём пути, переносили тепло из тропиков в высокие широты, на север.

Как ни странно представить себе это привыкшему к прохладному климату и тайге современному жителю Сыктывкара, тут были тогда субтропики, шумели широколиственные леса и пальмовые рощи, в которых обитали поначалу лишь небольшие животные. Много позже здесь появились саблезубые тигры, слоны, носороги, бегемоты, жирафы и другие столь же удивительные звери. Да что там широта Сыктывкара: даже за Полярным кругом на побережье нынешнего Северного Ледовитого океана (который совсем не был тогда ледовитым), человек мог бы наслаждаться пением субтропических птиц, поедая сорванные с дерева бананы, – но людей тогда ещё не существовало...

До их появления должны были пройти тысячи тысячелетий, в течение которых новые взметнувшиеся ввысь горы (Альпы, Пиренеи, Гималаи, Памир и другие) перекрыли приток тёплого южного воздуха на север. Из-за постепенного похолодания неузнаваемо изменился растительный мир – настало царство тайги. Ушли далеко на юг бегемоты, обезьяны и страусы. Их сменили другие виды животных, более приспособленные для обитания в хвойных лесах. Однако наступление холода продолжалось. Северный Ледовитый океан стал воистину ледовитым. Двигавшиеся с севера ледники неоднократно многометровым слоем на тысячелетия покрывали почву, уничтожая всё живое. В последний раз оледенение на территории современного Сыктывкара происходило 25–10 тысяч лет назад. Наконец ледяной панцирь, сковывавший землю, навсегда отступил, дав возможность существовать растительному и животному миру. Но долго ещё жизнь текла в этих местах без влияния человеческого разума.

Древние первопроходцы*

Если на территории современной Республики Коми первые люди появились не позднее, чем 36 тысяч лет назад, то на землю Присыктывкарья нога человека ступила многими тысячелетиями позже. Дело в том, что в глубокой древности люди старались селиться в естественных укрытиях – пещерах, под каменными навесами («крышами» из скал). Когда животные, на которых они

---

*Автор искренне признателен к.и.н. В. Н. Карманову за консультации и уточнения по современной датировке археологических памятников каменного и медно-бронзового века.

охотились, объедали всю растительность в округе и в поисках новых пастбищ уходили в другие места, племя снималось с места и, собрав нехитрые пожитки, двигалось за ними, чтобы не остаться без пищи. А там, на новых землях, приходилось искать иные пещеры, поскольку строить дом или подобное ему жилище человек ещё не научился. А где, как не в предгорьях, человеку было искать подходящие для обитания пещеры? Неудивительно, что и на север древние люди шли вдоль гор, которые много позже стали называться Уралом, поэтому самые древние в нашей республике стоянки обнаружены в Приуралье, в бассейне Печоры.

По мере того как развивался человек, изменялись его поселения, усложнялись орудия и жилища. Потребность в более эффективной охоте для увеличивавшегося населения, опасность нападений со стороны чужаков, норотивших захватить охотничьи угодья, требовали нового, более совершенного оружия; появились лук и стрелы. Для того чтобы охотиться вдали от гор, нужно было изобретать новые укрытия от непогоды. На смену старым орудиям труда приходили новые, позволявшие строить жилище, изготавливать необходимое вооружение и более удобную одежду. Были изобретены простейшие средства передвижения и перевозки (лыжи, сани и лодки). Немалую роль сыграло и то, что примерно 5-6 тысяч лет назад климат стал заметно теплее по сравнению с прошедшими временами, комфортнее для жизни; средняя температура воздуха была даже немного выше, чем сегодня. Именно тогда и начал окончательно формироваться привычный нам сегодня растительный и животный мир нашего края. Всё это вместе позволило сделать решительный шаг в освоении территории, лежавшей вдали от Урала. Люди, покинув берега Печоры, двинулись на запад, в бассейн Вычегды, открыв для себя новые угодья, богатые зверем, птицей и рыбой, грибами, ягодами и прочими лесными дарами. Неспешно осваивая новые земли, эти Колумбы Каменного века постепенно добрались и до устья реки Сысолы.

Первые следы пребывания человека в Присыктывкарье обнаружены в урочище Сыктывдинъяг на правом берегу Вычегды, у юго-западного берега озера Эньты. (Озеро Эньты расположено на месте старого русла реки Вычегды; когда в эти места пришли первые люди, здесь ещё текла река). Примерно в 2 километрах от современного посёлка Седкыркещ в VII тысячелетии до нашей эры (т. е. от 8 до 9 тысяч лет назад) появилась небольшая стоянка древних людей, вошедшая в историю как поселение Эньты III. Следов от пребывания первопроходцев осталось немного: лишь остатки наземного четырёхугольного жилища площадью около 6 квадратных метров, вероятно, шалаша или чума. Возможно, это была летняя лёгкая переносная постройка. Можно предположить, что люди оставались тут не слишком долго, только в тёплый сезон: рыбачили, охотились, собирали съедобные растения... Что с ними произошло, куда они направились дальше, мы, увы, никогда не узнаем.

Однако само место, расположенное не столь уж далеко от впадения Сысолы в Вычегду, оказалось весьма привлекательным для древнего человека, и на протяжении 6 последующих тысячелетий там продолжали время

от времени селиться люди. По крайней мере, археологи обнаружили ещё 9 разновременных следов их пребывания на вычегодских (нынешних эньтйских) берегах. Это неудивительно: поскольку реки и в те незапамятные времена, и ещё тысячелетия спустя служили на крайнем Северо-Востоке Европы главными путями передвижения, то пришельцы, откуда бы они ни шли (с юга по Сыsole, с запада по нижней Вычегде или с востока по верхней Вычегде), никак не могли миновать перекрёсток многих дорог – район устья Сысолы.

Следующие обитатели Сыктывдиньяга в I половине VI тысячелетия до н. э. оставили после себя, казалось бы, всего ничего – несколько кремневых изделий да обломки глиняной (керамической) посуды. Однако этим кусочкам керамики нет цены, ибо они – самые древние на Европейском Северо-Востоке свидетельства того, что здесь стали лепить из глины с разными примесями (для прочности) посуду для приготовления и хранения пищи, украшать её узорами (орнаментом) и обжигать на костре; иногда сосуды красили охрой. (Этим, кстати, занимались женщины; удел мужчины – охота на лося, северного оленя и прочую живность да рыболовство). Так что именно древним жителям Присыктывкарья принадлежит пальма первенства во внедрении этого новшества, заметно упростившего ведение домашнего хозяйства. Как это случилось – благодаря ли общению с представителями иных племён, время от времени забредавшими сюда из более южных регионов (где керамика появилась значительно раньше), или же потому, что сами обитатели стоянки Эньты V явились сюда из тех дальних краёв, принеся с собой навыки работы с глиной, мы не знаем. Однако же совершенно точно, что изготавливалась посуда именно здесь, на месте жительства, поскольку была в ту эпоху весьма хрупкой и путешествий не выдерживала.

Во II половине VI тысячелетия до н. э. люди устроились в Сыктывдиньяге несколько более основательно: археологи нашли здесь стоянку (Эньты I) с 1 или 2 жилыми постройками, в которых имелись очаги. Они, как правило, располагались в центре, были углублены в землю и обложены камнями, чтобы предохранить внутреннее убранство постройки от случайного воспламенения. А это значит, что здесь можно было жить не только летом, но и зимой: согреваться от холода, готовить пищу, сушить одежду. Но самое интересное – это найденные на поселении глиняные фигурки людей, животных или птиц. Изготовление этих фигурок, украшений (весьма скромных каменных подвесок с просверлёнными в них отверстиями), нанесение узоров на посуду говорит о развитии внутреннего мира человека, формировании его представлений о красоте. Фигурки, наверное, использовались и в каких-то магических обрядах, которые проводились людьми в надежде, что это поможет удачной охоте. Для этого же люди сжигали часть своей добычи, как бы «делясь» ею с природой, «присылавшей» охотнику оленей, лосей, бобров, уток...

«Демографический взрыв» в Каменном веке

Первая половина V тысячелетия до н. э. ознаменовалась в районе впадения Сысолы в Вычегду не иначе как демографическим взрывом: тут существовало целых 5 поселений. 4 из них с остатками жилых построек (от 1 до 5) по-прежнему располагались возле нынешнего озера Эньты (Эньты I, III, IV и VI). Примечательно, что одно из них, покрупнее остальных, располагалось там же, где тысячей лет раньше останавливались первооткрыватели Сыктывдиньяга (Эньты III), да и обитатели поселения Эньты I тоже облюбовали место, где до них селились люди. Жилища представляли собой солидные постройки площадью от 60 до 100 квадратных метров, с двускатной крышей и очагом. На одних поселениях располагались землянки или полуземлянки, углублённые в почву на разную глубину, на других – полностью наземные постройки, в основном прямоугольной формы, но некоторые выстроили себе пятиугольное или округлое жилище. Были даже «двухкомнатные» постройки с двумя выходами. Быт становился более оседлым и разнообразным.

Благодаря исследованиям археологов мы знаем, что в I половине V тысячелетия до н. э. человек обжил ещё одно место на правом берегу Вычегды, расположенное примерно в 1,5 километрах от современного посёлка Седкыркеш вблизи заболоченного озера Ваднюр (это озеро, как и Эньты, возникло гораздо позже на месте старицы, т. е. старого русла Вычегды; во времена, о которых мы рассказываем, здесь ещё текла река). Учёные назвали эту стоянку Ваднюр VI. Увы, именно по территории, где располагалось это древнее селение, в середине XX века проложили грунтовую дорогу из Седкыркеша в посёлок Трёхозёрка, и археологам мало что удалось там обнаружить. А жаль: на Ваднюре VI имелось по меньшей мере 8 жилищ. Если бы все они существовали одновременно, то по тем временам это был целый мегаполис! Однако, скорее всего, между появлениями в Ваднюре VI разных жилищ пролегли столетия. Вероятно, здесь периодически в течение зимнего сезона жили в одном-единственном жилище большие семьи. Потом люди уходили, а через века на их место приходили другие. В конце V тысячелетия до н. э. в этих местах появилось 5 новых поселений (Ваднюр I, II, III, IV и V).

Вполне возможно, что люди жили тогда и в других местах, по соседству с обнаруженными поселениями – например, в районе урочища Белый Бор и озера Койты, где было найдено орудие труда древнего человека (кремневый скребок). К сожалению, самой стоянки или поселения, где несколько тысяч лет назад мог бы жить его владелец, обнаружить не удалось; не представляется возможным и определить, когда изготовлена эта находка (вполне вероятно, что она могла относиться и к гораздо более позднему времени).

Древние жители Присыктывкарья пользовались разнообразнейшими кремневыми ножами и скребками, а также наконечниками стрел, копий и

дротиков, проколками и многим другим. И качество орудий труда и оружия куда лучше, чем раньше: использовались различные породы камня, заметно улучшилась техника его обработки, изделия шлифовали и полировали. В более тёплых регионах планеты в ту эпоху человек приручал животных, держал домашний скот, начинал возделывать землю и выращивать на ней зерно – словом, в хозяйстве произошёл настоящий переворот, революция. А обитатели нашего края по-прежнему вели охотничье-рыболовческое хозяйство, занимались сбором грибов, ягод и других съедобных растений.

На каком языке они общались между собой, предлагая отведать клюквы или свежепойманой рыбки, прося глоток воды? Никто не сможет точно ответить на этот вопрос, однако известно, что предки коми, венгров, финнов, эстонцев и ещё нескольких народов говорили тогда поначалу на одном, общем для всех языке – уральском, ставшем основой для многих современных языков. Не исключено, что этим языком пользовались и тогдашние обитатели Присыктывкарья.

От камня – к металлу

В III тысячелетии до н. э. человек научился плавить медь и изготавливать из неё оружие и орудия труда, и Каменный век сменился Меднокаменным. Секреты работы с металлом дошли до северян из дальних южных стран, где изделия из меди появились гораздо раньше. Медный самородок раскаляли в костре и ковали, придавая металлу желанную форму. Потом медь стали добывать из руды на открытых очагах, выплавляя её в глиняных сосудах (тиглях) с помощью древесного угля. Впрочем, в нашем крае использовали не руду (для этого нужно было бы найти её месторождения), а пускали в дело привезённые издалека и высоко ценившиеся медные слитки или сломанные вещи. Знающие работу с металлом мастера пользовались большим уважением; сородичи полагали, что без помощи магии дело это не обходится...

Эпоха не случайно называлась не «медным», а «меднокаменным веком»: несмотря на наступление эпохи металла, медных изделий было очень мало, и жители приустьсысольских поселений продолжали пользоваться для охоты, рыболовства, изготовления одежды и посуды в основном каменными и костяными орудиями. Поселений, к слову сказать, в Присыктывкарье существовало восемь. Находились они, как и в Каменном веке, на правобережье Вычегды, в уже знакомых нам местах: 3 у Эньты (Эньты II, IV и VII) и 5 возле Ваднюра (Ваднюр I, II, III, IV и V).

В поселениях располагались слегка углублённые в землю прямоугольные жилища с 1 или 2 входами. Крыша держалась на вкопанных в землю столбах. В самом доме, если позволяло место, или рядом с ним обитатели

устраивали хозяйственные ямы для хранения продуктов (погреб, как сказали бы мы сегодня). Сколько было жилищ в поселениях, точно сказать мы не можем. Археологам удалось раскопать где 3, где 4, где 9, а в Ваднюре I – 21 жилище (конечно, вряд ли они существовали одновременно). Вполне вероятно, что постепенно менявшая своё русло Вычегда смыла часть поселений. Одно из жилищ Ваднюра I занимало площадь около 70 квадратных метров. В нём находилось целых 6 очагов, и обитатели, чтобы не задохнуться от дыма, установили 3 вентиляционные трубы, по которым дым от очагов выходил за пределы дома. А в поселении Эньты II археологами было раскопано только одно-единственное жилище, но его площадь составляла почти 85 квадратных метров.

Во II тысячелетии до н. э. люди научились изготавливать здесь изделия из бронзы (сплава меди с оловом или мышьяком); Меднокаменный век сменился Бронзовым веком. В Бронзовом веке люди продолжали жить почти во всех основанных ещё в Меднокаменном веке поселениях правобережья Вычегды (перестало существовать только поселение Эньты VII), но, главное, наконец-то обжились и в 2 местах на левом берегу реки: появились поселение на территории современного посёлка Красная Гора и стоянка на территории нынешнего местечка Лемъю (по этим современным населённым пунктам древние поселения и получили от археологов свои названия). Именно на поселении Красная Гора археологи раскопали замечательный предмет – бронзовый топор (кельт), изготовленный примерно в XIII–XII веках до н. э. Впрочем, несмотря на отсутствие упоминания «камня» в названии новой эпохи, металлические орудия по-прежнему заметно уступали по распространённости каменным и костяным. К примеру, на стоянке Лемъю найдены только каменные орудия труда (заметим, впрочем, что это не означает, будто их у обитателей Лемъю вообще не было: металлические изделия, в силу их редкости, даже сломанные, никогда не выбрасывались, а пускались на переработку).

Использование медных и бронзовых изделий, конечно, позволило заметно облегчить труд обитателей Присыктывкарья. Однако металла было слишком мало для того, чтобы оснастить ими всех. Между тем рост населения требовал большего количества пищи, а в условиях присваивающего (охотничье-рыболовческо-собираательского) хозяйства с увеличением добычи пропитания в одних и тех же местах рано или поздно возникают проблемы: истребляемое во всё больших количествах поголовье зверя, птицы, рыбы не успевает восстанавливаться; растительные дары леса тоже безграничны.

Конечно, в сравнении с позднейшими временами плотность населения Присыктывкарья, несмотря на прирост, оставалась весьма низкой, однако и состояние оружия и орудий труда оставалось невысоким, а это непосредственно влияло на состояние охоты и рыболовства – повысить её результативность с прежним инвентарём было невозможно. А тут ещё вмешались глобальные изменения климата: в I тысячелетии до н. э. в наших краях ощутимо похолодало. Мало того, что зимой человеку понадобилось больше дров для отопления жилища, да и сами жилища следовало строить более основательными и тёплыми.

ми. Значит, надо было рубить больше деревьев (для строительства и на дрова), а попробуйте сделать это каменным топором (медных и бронзовых было маловато). Стали преобладать холодные летние сезоны, а это вызывало дополнительные трудности: например, даже небольшое снижение среднегодовой температуры воды негативно воздействует на популяции речных рыб, что приводит к проблемам с рыболовством.

Всем хорошо известно и то, что капризы природы (слишком холодное, слишком влажное, слишком жаркое и сухое лето) заметно уменьшают возможность человека воспользоваться её растительными дарами: порой за целый сезон толком ни грибов, ни ягод не соберёшь. Сегодняшний житель Сыктывкара посетует немного да и махнёт рукой – и без того есть чем питаться. А тысячелетия назад от урожая грибов и ягод непосредственно зависела жизнь людей. К несчастью для них, природные «капризы» в период изменчивости климата случались нередко.

В результате всего этого возникла нехватка еды, наступал голод, повышалась смертность населения. И когда все доступные уголья в ближних и дальних окрестностях поселений были освоены охотниками, рыболовами и собирателями до такой степени, что истощились едва ли не полностью и не могли обеспечить население ни животной, ни растительной пищей не только для прироста, но даже для поддержания его численности на прежнем уровне, оставался единственный выход: бросить всё и уходить в поисках пропитания в другие, далёкие края. Вполне возможно, что именно это и произошло в Присыктывкарье в ту эпоху.

Вероятно, именно с похолоданием и вызванными им последствиями в I тысячелетии до н. э. перестали существовать все без исключения поселения у Эньты и Ваднюра и поселение Красная Гора. Сохранилось население только на стоянке Лемъю. Местным жителям понадобились более совершенные инструменты, оружие и орудия труда, причём такие, чтобы материал для их изготовления был бы не редкостью, как медь и бронза, а буквально «валялся бы под ногами», как камень.

Спасительный переворот произошёл в VIII веке до н. э. – жители Присыктывкарья впервые увидели железные изделия, привезённые из других мест, а затем, очевидно, и сами научились выплавлять железо. Наступила новая эпоха – Железный век. Поскольку месторождений болотной железной руды в наших краях было немало, то местные мастера имели возможность добывать материал для работы и изготавливать невиданные ранее вещи –

ножницы, щипцы, клещи и многое другое, без чего люди, особенно занимавшиеся каким-нибудь ремеслом, вскоре уже не могли обходиться. По мере развития металлургии человек стал меньше пользоваться каменными орудиями, хотя ещё не отказался от них полностью. Для изготовления оружия и орудий труда широко употреблялись кость и дерево. В Лембю люди жили, вероятно, до середины I тысячелетия н. э., потом ушли и отсюда, чтобы больше уже не возвращаться.

Их исход и очередное запустение Присыктывкарья можно предположительно связать с влиянием Великого переселения народов, начавшегося в середине I тысячелетия н. э. В конце IV – VI веках на Европейский Северо-Восток вторглись кочевники-скотоводы с юга, добравшиеся сюда из степей Южного Зауралья через Прикамье. Судя по тому, что их причудливые захоронения в виде курганов остались и на Сыsole, и на Выми, и в бассейне верхней Вычегды, эти кочевники, направляясь с Сысолы на Вычегду и Вымь, несомненно, прошли через земли вокруг устья Сысолы. Закованные в кольчуги, потрясавшие мечами, боевыми топорами и кинжалами (вот он, Железный век, явился на север во всей красе!), да ещё и верхом на невиданных ранее животных (лошадях), они были весьма воинственны; в вооружении и в воинском искусстве, несомненно, превосходили жителей нашего края, в том числе и обитателей Лембю, которые, возможно, бежали из родных мест, спасаясь от пришельцев, либо погибли от их руки. В конце концов к VII веку пришлые кочевники постепенно перемешались с более многочисленными коренными обитателями северных лесов, восприняли их образ жизни и культуру, в свою очередь познакомив северян с навыками скотоводства. Впрочем, главную роль в хозяйстве местного населения по-прежнему играли охота и рыболовство.

Во II половине I тысячелетия, вероятно, после того, как нашествие кочевников сошло на нет, близ устья Сысолы опять появились поселения. Одна группа людей снова поселилась на Красной Горе, вторая основала поселение на юго-западной оконечности острова Нидзьяс (между основным руслом Вычегды и протокой Сертполой), примерно в 1,5 километрах от посёлка Емваль. Говорили эти обитатели Присыктывкарья на одном из древних финно-угорских языков (вполне возможно – на языке, общем для далёких предков коми и коми-пермяков).

Булгарские гости «земли, с которой не сходит снег»

На грани I и II тысячелетий до Вычегды и Сысолы добрались очередные пришельцы. Не исключено, что первыми в этих местах могли появиться представители южных краёв – из государства Волжская Булгария,

возникшего на средней Волге на рубеже IX–X столетий и достигшего расцвета в X–XII веках. Через Волжскую Булгарию проходили торговые пути между Западом и Востоком, Севером и Югом, велась оживлённая торговля – в том числе и пушниной, поступавшей сюда с севера, причём вполне возможно, что именно из наших краёв.

Во всяком случае, в пользу такого предположения явно свидетельствуют записанные арабскими авторами рассказы булгарских купцов о природе, «белых ночах» и некоторых чертах образа жизни северян, с которыми торговали булгары. Судите сами: арабский путешественник и дипломат Ахмед (Ахмад) ибн Фадлан, побывавший в Волжской Булгарии в 921–922 годах, в своих записках поведал о богатой соболями и чёрно-бурыми лисицами стране народа вису: «Царь рассказал мне, что за его страной, на расстоянии трёх месяцев пути, есть народ, называемый вису. Ночь у них менее часа... Когда бывает зима, то ночь делается по длине такой же, как летний день, а день делается таким коротким, как летняя ночь».

Абу Хамид аль-Гарнати, арабский путешественник и мусульманский миссионер, посетивший Волжскую Булгарию в XII веке, кроме «области Вису» (до которой от города Булгара «месяц пути»), рассказал: «И есть другая область, которую называют ару, в ней охотятся на бобров и горностаев, и превосходных белок. А день там летом двадцать два часа. И ждут от них чрезвычайно хорошие шкурки бобров». «А за Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура. Летом день у них бывает очень длинным. Так

ВОЛЖСКИЕ БУЛГАРЫ.

что, как говорят купцы, солнце не заходит сорок дней, а зимой ночь бывает такой же длинной». «А дорога к ним по земле, с которой никогда не сходит снег; и люди делают для ног доски и обстругивают их... Перед и конец такой доски приподнят над землёй, посредине доски место, на которое идущий ставит ногу, в нём отверстие, в котором закреплены прочные кожаные ремни, которые привязывают к ногам... Палкой опираются в снег и отталкиваются, ...и быстро двигаются по снегу...»

В море Мрака можно узнать Северный Ледовитый океан, в Йуре – Югру. Кстати, традиционно под «Югрой» сегодня понимается Зауралье – та территория, где сейчас обитают бывшие вогулы и остяки (современные манси и ханты; теперь это Ханты-Мансийский автономный округ – Югра). Поэтому исследователи обычно ставят знак равенства между средневековой Югрой и Зауральем. Однако, скажем, в XI столетии вогулы обитали не только за Уральскими горами, но и на верхней Печоре, а в XII веке появились и на верхней Вычегде. Так что та («старая») Югра располагалась гораздо ближе к устью Сысолы.

Что за страна и народ скрываются под таинственным именем Вису, мы точно не знаем. Но почему бы не предположить, что речь идёт о Вычегде и, в частности, об обитателях Вычегодско-Сысольского края? Путь из Волжской Булгарии на север вёл с Волги на Каму, с верхней Камы – в верховья Сысолы и далее по Сыsole к вычегодским берегам. Так что болгарские купцы вполне могли время от времени появляться близ устья Сысолы и торговать с местными жителями.

Продолжалось это не одно столетие, причём торговые сделки проходили весьма своеобразно. Упомянутый уже путешественник XII столетия Абу Хамид аль-Гарнати и арабский учёный и литератор XIII века Закария аль-Казвини писали, что болгары вели с вису торговлю «немую»: придя на известное уже место товарообмена, каждый купец отдельно выкладывал свои товары, обозначал их какими-то знаками и уходил. Затем туда же приходили местные жители и оставляли возле понравившихся им товаров пушнину, которую предлагали взамен. Возвратившись через какое-то время, болгарские купцы изучали сделанные им предложения. Если купец соглашался, то брал принесённые ему шкурки и уходил, а его товары позднее забирал неведомый ему партнёр по торгу. Если же предложение казалось купцу невыгодным, то он пушнину не брал, а забирал свои товары и оставлял вместо них другие, которые соглашался отдать взамен принесённого северянами. Теперь наступала очередь местного жителя оценить новое болгарское предложение. Он мог одобрить его, забрать товар и оставить шкурки, или же отказать от обмена, взяв назад свою пушнину и оставив товар болгарина нетронутым, либо, наконец, сделать своё новое предложение, положив возле болгарского товара другие шкурки... Процесс был непростой и нескорый. И что удивительно: болгарские купцы говорили, что обмана тут не бывало. Такой вот могла быть первая «усть-сысольская ярмарка»...

Однако Волжская Булгария, судя по всему, посылала на север не только купцов. Хорошо организованные и оснащённые болгарские военные

дружины нередко нападали на обитателей соседних с Волжской Булгарией территорий, отбирая имущество, захватывая и обращая в рабство пленных. Постепенно отряды болгарских воинов заходили всё дальше от границ Волжской Булгарии, облагая податями всё новые и новые племена и земли. В XII веке болгарские правители распространили своё влияние на Верхнее Прикамье, а оттуда уже было рукой подать до сысольских и вычегодских берегов. Абу Хамид аль-Гарнати в том же XII столетии писал, что жители страны Вису платят болгарским владыкам подати. (Кстати, известный российский учёный А. П. Смирнов считал, что под властью Булгарского царства находилась некоторое время какая-то часть – вероятно, весьма незначительная – древних коми, а видный тюрколог М. З. Закиев полагает даже, что под контролем Волжской Булгарии находились обширные северные территории, вплоть до примыкающих в Северному Ледовитому океану).

Из летописей известно, что в конце XII – начале XIII столетий болгары вели довольно активные военные действия на Северо-Востоке Руси. В 1218 году они на время захватили Устюг и, возможно, прошли по Сысольско-Вычегодскому краю. Чтобы пресечь новые нападения на устюжские и вычегодские земли, великий князь владимирский Юрий Всеволодович отправил против волжских и камских болгар войско под командованием своего брата Святослава. В походе участвовал отряд ростовского князя Василия (которому подчинялись Устюг и юго-западная часть Коми края). Войско, вероятно, прошло на верхнюю Каму по Вычегде и Сыsole – т. е. через современное Присыктывкарье. Оно разгромило болгарские поселения на Каме. Между Владимирским княжеством и Волжской Булгарией было подписано перемирие. Нападения болгарских дружин прекратились. А затем и сама Волжская Булгария перестала существовать как самостоятельное государство, став частью Золотой Орды.

Были ли новгородцы на Красной Горе?

Где-то на рубеже X и XI столетий (точных данных на этот счёт нет) к устью Сысолы могли приплыть новгородские «ушкуйники» – полуграбители-полуторговцы, которые на своих лодках-ушкунях плавали по северным рекам, перебираясь из одной водной системы в другую, перетаскивая (волоча) свои суда по суше. Узрев на берегу становище какого-нибудь народа или племени, ушкуйники либо совершали набег на него, либо устраивали обмен товарами (интересовались они, в первую очередь, пушниной). Как правило, местных жителей объявляли «подданными» Господина Великого Новгорода и обязывали платить дань мехами.

Вероятно, по такому же сценарию прошёл и первый визит новгородцев в приустьсысольские селения. Поселение Нидзьяс перестало существовать примерно в это время. Связано ли его исчезновение с нападением новгородцев или на то были иные причины, неизвестно. А поселение на Красной Горе пережило встречу с незваными гостями – быть может, потому, что о его укреплении (в отличие от расположенного на низком речном острове Нидзьяса) позаботилась сама природа.

Вернувшись в Новгород, ушкуйники объявили о своих «географических открытиях» и похвалились, что раздвинули пределы Новгородской земли далеко на северо-восток. В старинной русской летописи «Повесть временных лет» появилась запись о том, что среди иноязычных народов, которые «живут в странах полунощных» и «дань дают Руси», значится и пермь. «Пермью», «пермянами» новгородцы называли обитателей вычегодских и сысольских селений. Этими пермянами были древние коми – народ, который сформировался как раз в XI столетии. Тогда-то, в начале II тысячелетия, и появились, вероятно, коми названия главных рек Присыктывкарья: Сыктыв (Сыктыл), превратившееся много позже в русскоязычных документах в Сысолу, и Эжва, ставшая Вычегдой (а почему, мы расскажем чуть позже).

Конечно, о каком-либо реальном управлении нашим краем новгородцами говорить не приходится. Время от времени сюда из Новгорода являлись дружины, собиравшие дань. Иногда всё обходилось мирно, но время от времени происходили и кровопролитные столкновения. В 1032 году новгородский воевода Улеб отправился с дружиной «на Железные врата», располагавшиеся, возможно, недалеко от устья реки Сысолы, но мало кто из участников похода вернулся домой: «...и вспять мало их возвратишася, но многи там погибша», – такая грустная запись появилась в новгородской летописи. О погибших при этом «пермянах» летописцы умалчивали – не считали нужным писать, а быть может, просто не знали... (Заметим, кстати, что по некоторым сведениям в середине XIX века на территории Усть-Сысольска, на левом берегу Сысолы, был обнаружен могильник, предположительно относившийся к X–XI векам – как раз ко времени первых появлений ушкуйников и похода воеводы Улеба. Но, разумеется, мы не знаем, связано ли каким-то образом возникновение этого могильника с вышеописанными событиями). Кровь лилась, возможно, из-за того, что сборщики дани порой жадничали и просили лишнего. А может статься, иной раз коми охотники не могли добыть пушного зверя в нужном количестве: из-за того, что на соболей начали активнее охотиться, их в лесах стало меньше. Надо было бы потерпеть, пока поголовье восстановится, – но сборщики дани ждать, естественно, не желали.

Из летописей известно ещё несколько появлений новгородских дружин в Вычегодском крае. В 1096 году новгородец Гюрята (Георгий) Рогович выслал в поход дружину за данью на Печору и в Югру. В 1187 году отряд новгородцев, отправившийся за данью на Печору, в Пермь и Югру, был истреблён «в Печоре» и Заволочье, причём «пали головы у ста доброименитых». В 1193 году состоялся неудачный поход в Югру дружины новгородского воеводы

Ядря, почти полностью истреблённой. (Между прочим, новгородская летопись сообщает, что с этой ратью шёл и священник Иван Леген, который за 2 столетия до Стефана Пермского мог принести в Коми край первые знания о христианской вере). Вполне возможно, что новгородские дружины, направляясь в «верхневычегодскую» и «верхнепечорскую» Югру, проходили через нынешнее Присыктывкарье.

Как долго ещё существовало поселение на Красной Горе, точно не известно. Фундаментальное научно-справочное издание «Археологическая карта Республики Коми» (2014 г.) даёт весьма общую оценку (I половина II тысячелетия н. э.). Можно предположить, что поселение на Красной Горе исчезло ещё в XIII веке, и связано это с переселениями вогулов (так в старину называли народ манси).

УШКУЙНИК.

Остерегаясь вогулов

Занимавшиеся охотой, рыболовством и животноводством кочевники-вогулы в XII столетии перебравшись с верхней Печоры на верхнюю Вычегду и принялись обживать её берега, постепенно тесня обитавших там (в районе современных Сторожевска и Пезмога) древних коми. В конце концов коми пришлось совсем уйти с верхней Вычегды (возможно, на Вишеру), а вогулы в XIII веке продолжили свой путь вниз по реке, добравшись до устья Сысолы. Настроены они были, вероятно, довольно воинственно, и, видимо, под их давлением обитатели «приустьсысольских» мест (подобно верхневычегодским коми) ушли в другие места – например, в селения, расположенные в среднем течении Сысолы.

Вогулы добрались по Вычегде довольно далеко, до современной границы Республики Коми с Архангельской областью (там, близ устья реки Яренги, по данным лингвистов, имеются географические названия, вероятно, данные вогулами). По Сыsole вогулы поднялись до Шошки и Лэзыма. (Как

полагают лингвисты, название села Лэзым и старичного озера, возле которого оно расположено, происходит из мансийского языка, от слова, обозначающего «старица». А название села Шошка, возможно, связано с названием одного из вогульских родов, который предъявлял свои претензии на владение этими местами). Вогулы настолько почувствовали себя хозяевами на реке, которую коми называли Эжвой, что дали ей своё название (слово Вычегда имеет мансийское, то есть вогульское происхождение). А поскольку именно название Вычегда (а не Эжва) вошло в ту эпоху в русские документы и в конечном итоге официально закрепилось за рекой, то похоже, что и другие народы не стали оспаривать вогульское влияние в этом районе. Показательно, что летописи не сообщают о каких-либо походах новгородцев в Югру в XIII веке. Должно быть, вогулы казались тогда слишком сильны, и ввязываться в борьбу с ними новгородцы не хотели – тем более что на Русь как раз в то же время обрушились монголо-татары, и понадобились силы для сопротивления им. Случайно ли совпадение по времени нападения монголо-татар на русские земли и вогулов на Вычегодский край? Тут есть над чем задуматься... Как бы то ни было, нынешнее Присыктывкарье надолго оказалась под властью вогулов. Вероятно, тогда-то и исчезло поселение на Красной Горе.

Ушли вогулы из нижневычегодских и усть-сысольских земель, скорее всего, в I половине XIV века, предпочтя кочевать на верхней Вычегде. Тут же оживились и новгородцы, решив напомнить о своих «правах» на Вычегодский край. В спор с ними вступили устюжане. В 1323–1324 годах Новгород отправил дружину в Югру для сбора дани. Дружина, возможно, прошла через Присыктывкарье. На обратном пути где-то, вероятно, на вычегодских

**БОЙ
С ВОГУЛАМИ.**

или двинских берегах, на новгородцев напал отряд из Устюга и всех перебил. Узнав об этом, Новгород направил войско к Устюгу и захватил его. Отголоски этих сражений, вполне возможно, достигали и вычегодско-сысольских берегов. В 1329 году Новгород отправил в Югру уже не воинов, а торговую экспедицию, но её постигла та же участь: все участники погибли. Где именно это произошло, неизвестно; однако можно предположить, что если новгородцы шли в «верхневычегодскую» Югру, то нападение на них могло случиться, например, где-то на западной границе вогульских кочевий, т. е. недалеко от устья Сысолы. Новгородцы ходили через Коми край и усть-сысольские земли не только в Югру. В 1366 году новгородские ушкуйники, совершив набег на Волгу и Каму, возвращались домой, вполне вероятно, через верхнюю Каму, Сысолу и Вычегоду.

Стефан Пермский, в 1380 году пришедший на Вычегоду к устью Выми крестить древних коми, никаких вогулов там уже не застал. Четыре года спустя он предпринял путешествие по Коми краю, искореняя язычество и основывая монастыри. Известно, что именно тогда основан монастырь в Вотче. Двигаясь по Вычегоде и Сыsole из Усть-Выми в Вотчу и обратно, святитель не мог не побывать дважды в устье Сысолы. Возможно, тогда, в 1384 году, Стефан Пермский даже сошёл на берег где-нибудь, скажем, в районе нынешнего парка, остановился тут на ночлег, дабы отдохнуть перед непростым и неблизким путём вверх по Сыsole. Впрочем, всё это, конечно, не более чем предположение, которое могло бы быть чуть более обоснованным, если бы в это время здесь существовало какое-нибудь поселение (появившееся после ухода вогулов на верхнюю Вычегоду). Однако с уверенностью говорить об этом мы не можем. В «Истории Сыктывкара» (1980 г.) сообщается об обнаруженных на Красной Горе остатках могильника XIV–XV веков, однако в «Археологической карте Республики Коми» о существовании этого могильника

ВОГУЛЫ.

не упоминается. Если действительно существовали захоронения XIV–XV столетий, то это весомый аргумент в пользу наличия здесь поселения, надо думать, весьма небольшого, поскольку, несмотря на уход вогулов на верхнюю Вычегду, коми близ устья Сысолы до поры до времени селиться не стали, опасаясь слишком близкого соседства с беспокойными кочевниками, и предпочли держаться от них подальше. Вероятно, ближайшие к устью Сысолы относительно крупные коми селения располагались на Сыsole выше нынешней Шошки, а на Вычегде – возле устья Выми.

Опасались они не зря. Как показали события конца XIV – XV веков, на вычегодско-сысольских берегах пролилось немало крови. Свою роль сыграли в этом и вогулы, и новгородцы, и южные соседи – вятчане. В 1386 году новгородцы захватили Вычегодский край, но отряды московского князя Дмитрия Донского изгнали их. Надо думать, оба войска побывали и на усть-сысольских землях. В 1392 году с верхней Вычегды мимо устья Сысолы прошло вогульское войско, попытавшееся захватить укрепленный Усть-Вымский городок; потерпев неудачу, вогулы ушли назад на верхнюю Вычегду. В 1438 году на устюжские земли и земли Коми края напали вятчане, разоряя и сжигая селения, жители которых, как поведала летопись, «скрылись по лесом». В 1450 году, по сообщению летописца, отряды с Вятки вновь напали «на Сысолу, на Вычегду, на Вымь, погосты пожгли, храмы святей грабили, церковное все поимали». Многие жители Коми края погибли в схватке с врагом. Кроме того, в 1445 году состоялся последний крупный поход новгородского войска под руководством воевод Василия Шенкурского и Михаила Яковлева в Югру, закончившийся неудачей. В 1455 году вогулы совершили набег на вычегодские селения; от их руки погиб даже епископ Питирим Пермский. Вполне вероятно, что если в устье Сысолы (на Красной Горе) в середине XIV – середине XV столетий и существовало какое-то небольшое поселение, то с большой долей вероятности можно сказать, что оно исчезло в результате одного из вражеских набегов.

И только после того, как во второй половине XV века московские рати при участии вычегжан и сысольцев нанесли вогулам несколько поражений, а в XVI столетии вогулы и вовсе окончательно откочевали с верховьев Вычегды и Печоры за Урал (вследствие очередных изменений климата, воздействовавших на природную среду, становившуюся менее пригодной для кочевой жизни), коми получили возможность в середине и II половине XVI века приступить к новому освоению земель близ впадения Сысолы в Вычегду. Тем и закончилась долгая предыстория Сыктывкара, время, когда его ещё не было...

Коми язык как ключ к пониманию ойконима «Москва»

В статье представлены размышления автора о том, каким образом, сохраняя приверженность языковедению, географии и – что греха таить – здравому смыслу, объяснить происхождение ойконима «Москва». Ибо тот, кто объяснит это слово непротиворечивым образом, тот и войдёт в историю наравне с Ломоносовым, Далем, Ожеговым, Фасмером. А объяснение простое и гармоничное: от коми слов `мӧс` – ключ, родник, источник – и `ва`, по-коми река. Иными словами, Москва есть не что иное, как ключевая вода.

Ключевые слова: коми язык, корень слова, ойконим, Москва.

В настоящей статье я хотел бы обратить внимание читателя на моменты, на которые лет через 50 обращать внимание будет уже поздно – по причине физического отсутствия людей, понимающих коми язык.

Да, есть такой язык на северо-востоке европейской части России. Он забыт и затёрт настолько – в полном соответствии со вторым самоназванием коми: «зыряне», то есть согнанные со своих мест люди, – что мало кто им интересуется. Из 240 тысяч человек, формально считающих себя коми, языком владеют не более половины.

Александр ИГНАТОВ

Александр Владимирович Игнатов родился 3 октября 1961 г. в д. Вьльгорт Усть-Куломского района Коми АССР. Закончил Сыктывкарский университет и Ленинградский инженерно-экономический институт. Проживает в Москве. Автор десятков статей на социально-экономические и естественнонаучные темы. Публицист.

Но было время, когда язык, осколок которого сохранился в виде коми, был распространён на больших территориях Европы и Азии (даже корень слова Азия – `As` – имеет место в коми языке, переводимый как восток, завтра, утро, свой, родной – заметьте, насколько эти смыслы родственны названию континента).

Прежде всего, я посчитал необходимым остановиться на объяснении ойконима «Москва» и рассмотреть более подробно, поскольку все имеющиеся на сегодняшний день объяснения, которые я прекрасно и досконально знаю, в лучшем случае половинчаты, а то и вовсе наивны в силу негеографичности [Википедия]: то грязная местность, то болото, то медвежья река.

Во все времена было принято называть населённый пункт по реке, ручью, озеру и т. д., на которой (котором) стоит населённый пункт. Иными словами, если Москва как город и ведёт своё название от чего-то, то только от реки, которая здесь протекает, то есть название реки первично, а название города вторично.

Далее, если Москва – это название реки, то искать надо существенные части этого названия, которые привязаны именно к обозначениям рек.

Во-первых, главной такой привязкой является элемент `ва`, по-коми река: Эж-ва, Ем-ва, Кож-ва, Лым-ва, Мыл-ва (Республика Коми), Инь-ва (Пермский край), Сось-ва (Свердловская область). Чтобы особо выделить определяемую часть этих сложных слов, я специально разделил эти части дефисом, которого нет в географических справочниках и на географических картах. (О таких реках, как Протва (Подмосковье), Нева (Ленинградская область), Нарва (Эстония) я деликатно умалчиваю). Я думаю, что с этим объяснением никто особенно спорить и не будет, поскольку наличие компоненты `ва` именно как обозначающей реку особо-то никем из лингвистов и не оспаривается – разве что указывается, что якобы территория Коми слишком удалена от Москвы, и соответственно коми `ва` неприменимо к Окскому бассейну (но об этом подробнее будет сказано ниже).

Во-вторых, вторая существенная, определяющая часть – «мос». В некоторых работах имеется попытка увязать её со словом `мӧс`, что по-коми корова, то есть получается «коровья река». Но это правильно по формальному признаку, но неумно по сути. И, скорее всего, придумано людьми, которые крайне поверхностно знают и коми язык, и коми топонимию (гидронимию в частности).

А между тем ларчик открывается просто. В коми языке есть ещё один смысл слова `мӧс` – ключ, родник, источник. В Республике Коми почти десяток рек имеют частью названия это слово: Съӧд-мӧс (Чёрный ключ), Ош-мӧс (Медвежий ключ; причём в нескольких разных местах), Мӧс-ю (родниковая река), Мӧс-шор (родниковый ручей), Кӧч-мӧс (Заячий ключ), Он-мӧс (Росистый ключ), Чер-мӧс (Родниковая река; Пермский край; на географических картах указывается как искажённое Чермоз). Имеется и нарицательное слово: `юк-мӧс` (колодец), то есть родственное по смыслу. Как и в первый раз, в приведённых гидронимах для удобства восприятия две смысловые ча-

сти разделены мной дефисом, которого на географических картах и в географических справочниках, конечно же, нет. Кстати, два смысла слова `мӧс` – ключ (источник, родник) и корова – не так уже и далеки друг от друга, поскольку оба предполагают нечто вытекающее, изливающееся, бурлящее, брызжущее: в одном случае вода, в другом молоко.

В-третьих, насчёт соединительного звука `к`, на котором, что называется, язык можно сломать – настолько неестественно он звучит в слове Москва. По этому поводу я хотел бы сказать, что в коми языке есть двойное соединение определяющего и определяемого слов в сложных существительных: можно соединять и напрямую, без опосредующих звуков (например, Мӧс-шор), а можно и опосредованно, с использованием как раз звука `к` или звукосочетаний `ка` или `ку` (например, Мӧска-шор). Смысл не изменяется, и оба эти варианта равнозначны. И по этому поводу я хотел бы напомнить, что достаточно долгое время, вплоть до 70-х годов прошлого столетия, пожилые люди коми происхождения, не очень хорошо говорившие по-русски, название «Москва» так и произносили: Мӧскува.

Вот и получается, что «Москва» – это Мӧс-ва, то есть река с ключами (родниками, источниками), а в образном смысле – прозрачная река. Согласитесь, это более благородное название для реки, чем «болотистая местность», или «коровья река», или даже «медвежья река», как комментируют иные исследователи. (Впрочем, коми `мӧс` легко находит общий язык и с праславянским моск (болото), и прабалтийским маск (грязь, нечто жидкое), – во всяком случае, это родственники, может, и не самые близкие, но всё же).

Словом, я настроен на то, чтобы своим объяснением ойконима «Москва» поставить точку в изобретательстве несуразных объяснений для названия столицы – то есть в каком-то смысле претендую на истину.

Любовь АНУФРИЕВА

Любовь Андреевна Ануфриева, научный сотрудник Национального музея РК отдела Литературного музея И. А. Куратова, член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

Сердце плачет и поёт

В октябре этого года исполнилось 130 лет со дня рождения выдающегося коми поэта, прозаика, педагога, общественного деятеля Вениамина Тимофеевича Чисталёва (Тима Вениа).

В Литературном музее И. А. Куратова хранится коллекция материалов из личного архива писателя, из архива Союза писателей Коми 1930-х годов. Это копии рукописей, документов, письма и фотографии. Они были собраны в Национальном архиве Республики Коми и у детей В. Чисталёва. Эти материалы раскрывают личную и литературную судьбу поэта, а также повествуют о его жизни в годы репрессий.

В юбилейный год Тима Вениа в экспозиции музея открылась временная выставка «Сьёлмӧй бӧрдӧ и сьылӧ» (Сердце плачет и поёт). На выставке впервые были представлены редкие книги В. Чисталёва из коллекции коми критика, писателя Г. И. Торлопова; воспоминания народной артистки Коми АССР Ю. И. Оботуровой (Трошевой), коми писателя-фронтовика И. В. Изъюрова, товарища поэта С. Т. Игнатова. Кроме того, на выставке экспонировались уникальные фотографии из личного архива заведующего Литературного музея И. А. Куратова Д. Г. Холоповой.

На этих снимках запечатлены события, связанные с созданием Литературного музея В. Т. Чисталёва в с. Помоздино Усть-Куломского района Республики Коми в год 100-летия со дня рождения Тима Вениа. В витринах для посетителей представлены фотография племянника поэта, известного музыковеда, фольклориста, учёного П. И. Чисталёва, а также музыкальный инструмент – кантеле, который хранится в его коллекции.

Группа сотрудников музея во время подготовки Литературного музея В. Т. Чисталёва в с. Помоздино Усть-Куломского района с детьми писателя. с. Помоздино. Октябрь, 1990 год.

Этот музыкальный инструмент не случайно находится в витрине. Кантеле является значимым образом в творчестве В. Чисталёва. Поэт заимствовал этот образ из карело-финского эпоса «Калевала», автором которого является Элиас Лённрот.

Фрагменты из эпоса выступили связующей нитью коми и финской литературы. Дополнением выставки стали материалы постоянной экспозиции и мультимедийный образовательный диск «Эжва йывса колип» о творчестве писателя.

Совместно с художником Национального музея Республики Коми Н. В. Шаня была попытка создать на основных планшетах уютную атмосферу для посетителя: фоном для произведений писателя, воспоминаний о нём послужило любимое дерево Тима Веня – лиственница. Таким

образом, на планшетах появился сад с лиственницами, который дополнили деревенские дома.

Посетитель музея может видеть там время суток, когда наступает сумрак, а люди в домах зажигают свет, собираются вместе и ведут разные житейские разговоры. Точно так же, как когда-то Тима Веня зажигал в своём доме свет и начинал долгие разговоры с семьёй или наоборот, уходил в себя и писал произведения... А может, в дом заглядывали гости и вспоминали с ним былые времена или строили планы на будущее.

Выставка «Сьёлёмой бордö и сьылö» (Сердце плачет и поёт) была также попыткой раскрыть судьбу Вениамина Тимофеевича путём воспоминаний его современников. И тут сердце не может не плакать и не петь...

Вениамин Чисталёв родился (8) 20 октября 1890 года в верховьях р. Вычегды в одном из живописных уголков земли Коми – в с. Помоздино Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии – в семье волостного писаря Тимофея Ивановича и крестьянки Анны Григорьевны Чисталёвых. Он получил образование в Помоздинской начальной школе. Его первый учитель Никон Алексеевич Старовский трепетно относился к деревенскому мальчику, он и заронил в его душу зерно любви к русской литературе и культуре. Затем будущий писатель учился во второклассной учительской школе с. Деревянск.

После окончания учёбы, сдав экзамены на звание народного учителя, работал в церковно-приходской школе с. Пожег. В 1909 году создал книги на коми языке для учащихся младших классов – «Быдманторъяс (вөр-пу) йылысь» (О растениях (деревьях) и «Роча-комиа букварь» (Русско-коми букварь). Эти книги существовали только в рукописном варианте.

В 1915 году В. Т. Чисталёва призвали в армию. Февральская революция застала его в Киеве, куда он был направлен учиться в военное училище. Его В. Т. Чисталёв не закончил. После Октябрьской революции был демобилизован и вернулся в родное село. Там он стал инициатором всех культурных мероприятий: организовывал литературные вечера, посадил вместе с учащимися деревья, руково-

дил художественной самодеятельностью.

Одна из его учениц Юлия Трошева вспоминает Тима Веня как человека доброго и отзывчивого: «Вениамин Тимофеевич в 1925 году учил меня во втором классе. Как сейчас, я его помню входящим в класс. Не спеша, степенно он начинал урок. Говорил он негромко, медленно. До сих пор осталась в памяти мелодика его речи, особая, только ему присущая манера речи. Я не помню случая, чтобы он когда-нибудь повысил голос на учащихся, если даже мы, дети, начинали на уроке вести себя не так, как следовало бы. Бывало, подойдёт наш учитель к шаловливому ученику и спокойно, но внушительно скажет: «Тебе учиться не хочется? А вот твой товарищ хочет учиться, так что же ты ему мешаешь?» И шаловливому ученику становилось стыдно...»¹

Из истории мы помним, что период 1900–1930-х гг. оказался сложным, в условиях идеологических перемен возникли новые направления в искусстве и культуре, появились новые литературные течения, были организованы творческие объединения. Многих уже не устраивало описание зримой реальности, разбор социальных проблем. Притягивали вопросы глубинные, вечные – о сущности жизни и смерти, добре и зле, природе человека. Ожил интерес к религии.

Однако переломная эпоха не

¹ Из воспоминаний о В. Т. Чисталёве студентки ГИТИС Юлии Ивановны Оботуровой (Трошевой), которая впоследствии стала народной артисткой Коми АССР. г. Москва, 1941 г.

Юлия Ивановна Оботурова
(Трошева).

только обогащала литературу и искусство, она постоянно напоминала писателям и художникам о грядущих социальных взрывах. О том, что может погибнуть весь привычный уклад жизни, вся старая культура. Одни ждали этих перемен с радостью, другие – с тоской и тревогой.

По воспоминаниям Юлии очевидно, что сам Тима Вень и учащиеся школы сознательно стремились к изменениям, они ощущали ветер перемен: «А как мы вместе с нашим учителем боролись с религией... Наша школа помещалась там, где теперь находится Дом пионеров. А на противоположном холме стояла

церковь, которая так хорошо просматривалась из школьных окон. Запомнилась мне одна пасхальная ночь. Из церкви выходит толпа верующих и с пением молитв выносит иконы. Начинается процессия крестного хода. А мы тут как тут: зажигаем факелы и с красным флагом, распевая революционные песни, тоже ходим вокруг школы. Это так злило местного попа и верующих».

Также Юлия вспоминает события, когда в Помоздино открылась школа крестьянской молодёжи: «В 1926 году в Помоздино открылась школа крестьянской молодёжи /ШКМ/. Вениамин Тимофеевич преподавал коми язык и лесоводство. Он познакомил нас с творчеством Нёбдинса Виттора, Михаила Лебедева, Николая Попова /Жугыль/, Илля Вася, Сим Ваня. Организовал и литературный кружок. Кружковцы имели свой рукописный журнал «Парма туйёд». Самыми активными и способными из кружковцев были: Константин Игнатов и Иван Вавилин. Последний стал известным коми поэтом. Наш учитель познакомил нас и с творчеством русских и советских писателей: Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Блока и др. Сам переводил русских поэтов, и переводы в первую очередь читал нам.

...А как же наш учитель любил природу, как он любил лес – свою парму! И как же он хотел привить эту любовь и нам, детям. А дом свой наш учитель построил на самом живописном месте – на высоком берегу Вычегды, в сосновом

Вениамин Тимофеевич Чисталёв.

бору. За Вычегдой раскинулись обширные луга, а вдали темнеет Парма.

Дом Тима Веня был тогда единственным красавцем в том сосновом бору. В детстве мы там собирали грибы. А место грибное так и назвали: «Писар Веня керка дор».

...Уроки лесоводства Вениамин Тимофеевич часто проводил на природе. Сидим, бывало, вокруг костра, на котором закипит большой чайник Вениамина Тимофеевича. Чай и сахар он обычно приносил для нас всех из дома. А на костре мы жгли старые сучья, прогнившие пни, тем самым мы делали полезное дело – чистили лес. Учитель не разрешал обламывать сучья со здоровых деревьев. Помню, бывало, скажет: «Нинём энö чегöй. Пуясыс öд ловъяös жö. Сылы сідзжö доймö,

кыдз тiян кoкыд либö кыд чегö». И мы верили его словам и никогда не позволяли ломать сучья деревьев».

Наверное, когда ценишь и уважаешь человека, – запоминаешь его на всю жизнь. И эта память продолжает жить в тебе, а энергетика того человека, которого помнишь, наполняет тебя другим дыханием и позволяет двигаться дальше. Юлия Трошева, позднее Юлия Ивановна Оботурова стала народной артисткой Коми АССР и заслуженной артисткой РСФСР. Так сложилось, что Юлия неоднократно играла роли в спектаклях по пьесам Тима Веня. Постоянная работа над собой принесла свои плоды: «Последняя встреча с Вениамином Тимофеевичем была в год 15-летия Коми автономной области. Я приехала в родное село. Вениамин Тимофеевич написал сценарий спектакля «Коми свадьба», сам же руководил постановкой. Мне он поручил роль невесты. Каждый вечер после трудового дня собирались колхозники села Помоздино в избе-читальне репетировать спектакль. И, наконец, – первое его представление. Оно состоялось в клубе родного села. И с таким успехом! Затем – в Усть-Куломе – районном центре. А там уже мы получили путёвку в нашу столицу – Сыктывкар – на олимпиаду, посвящённую 15-летию Коми области. «За свадьбу» на олимпиаде мы получили первое место. А меня жюри олимпиады рекомендовало принять в Коми драматический театр актрисой».

Немало интересных моментов из встреч с Вениамином Чисталёвым помнит его товарищ Сергей Тимо-

феевич Игнатов, он был старше Тима Веня. Но это не помешало поддерживать хорошие с ним отношения: *«Вениамин Тимофеевич Чисталёв был очень добр и человечен. Он жалел даже птиц и рыб. Как-то прибежал ко мне и говорит: «На озеро Коджты большая стая уток села. Поехали...» Он схватил свою двустволку «Зауэр», я тоже взял ружьё... Да что толку: подплыли к уткам незаметно – только стреляй, а Тима Веня лежит и любит. Так ведь и не стал стрелять. Сказал я ему, что он не охотник, а он не обиделся. Потому, наверно, на охотах и рыбалках больше по сторонам глазел да писал что-то».*

Сергей Игнатов с глубоким трепетом вспоминает событие, когда его друг возвратился с Гражданской войны: *«В период гражданской войны Тима Веня уходил с коммунистической ротой воевать против белых. Отлично помню встречу по его возвращению. Мы в это время ставили спектакль по пьесе «Тёлка вина юьсь» (фамилию автора забыл). Я играл пьяного – становлюсь на карачки и смеюсь в публику. Суфлёр из будки, Илария Латкина, даже сказала мне, что «слишком пьян» (она, кстати, подумала, что я действительно пьян). А тут из зала слышу: «Браво, Сергей Тимофеевич. Bravo!» Это вернувшийся с войны Веня пришёл в зал и смотрел наш спектакль».*

После спектакля Тима Веня буквально увёл его за руку домой, и общались долго, расспрашивали друг друга о жизни, а также Чисталёв рассказал, как он на Сыsole сталкивался с белыми.

Яркие воспоминания остались в памяти о Вениамине Тимофеевиче у коми писателя-фронтовика Ивана Васильевича Изъюрова.

Стоит отметить, что в 1934 году Тима Веня в качестве делегата принимал участие в работе I Всесоюзного съезда советских писателей в Москве. После возвращения из столицы в Сыктывкар он выступил перед студентами с рассказом о встрече с Максимом Горьким и о своих дальнейших литературных планах. Тогда же Вениамин Тимофеевич написал статью «Всемирной съезд», которую опубликовали в журнале «Ударник» и на страницах газеты «Вёр лэдзысь».

В начале 1936 года группа журналистов, с ними был и писатель Иван Изъюров, побывали в гостях у Вениамина Тимофеевича в Помоздино. Между разговорами вспоминали многое: I Всесоюзный съезд советских писателей в Москве, обсуждали произведения молодых авторов... Тогда Чисталёв, по воспоминаниям Изъюрова, рассказал, что во время первого Всесоюзного съезда советских писателей в Москве долго обсуждали многоязыковую литературу, но коми писателей не упомянули. Он с надеждой добавил, что, возможно, придут другие времена и заговорят и о коми авторах: *«Уджавны сёмын колё зільджыка, сёлёмсянь да став вынён... Сюрасны талантъясьд и комияслён...» (Трудиться только надо старательнее, от всего сердца и всеми силами... Найдутся и среди коми таланты...)*. Знаковыми оказались слова Чисталёва: после первого съезда советских писателей в коми литературе раскрылись

новые силы: в Москве опубликовали романы «Кыа петігөн» (Когда наступает рассвет) Геннадия Фёдорова и «Алӧй лента» (Алая лента) Василия Юхнина.

Также Иван Васильевич вспоминает событие, когда он был делегатом первого краевого съезда советских писателей Северного края. Там же состоялась последняя встреча Изъюрова с Вениамином Тимофеевичем. Это было летом 1936 года. В одной делегации были: М. П. Доронин, В. Т. Чисталёв, П. А. Шеболкин, И. Н. Симаков, В. А. Савин и И. В. Изъюров.

Для коми писателей одним из самых значимых воспоминаний в Архангельске стало посещение острова Мудьюгский (Мудьюг), куда в августе 1918 года вторглись английские интервенты и сделали концлагерь. С тех пор этот небольшой остров посреди Белого моря называют «Смерть дӧөн» (островом Смерти). С этого острова мало кому удалось сбежать, среди узников были и коми красноармейцы. Некоторых увезли в Англию. Всего, по подсчётам историков, на Мудьюге в качестве заключённых числилось свыше тысячи человек, из них расстреляно и погибло от болезней свыше 200 человек.

«Культурнӧй нация быттӧкӧ английскӧй лордъясыд, – шензис Вениамин Тимофеевич. – А со мый вӧчлӧмаысь! Тайӧс вунӧдны оз позь. Тӧдлас кӧ та йылысь лорд Байрон, гуас бергӧдчас!» (Английские лорды словно и культурная нация, – удивлялся Вениамин Тимофеевич. – А вот что натворили! Это забыть нельзя. Узнал бы об этом лорд Байрон, перевернулся бы в гробу!)

Также Ивану Васильевичу запомнилось в этой поездке, что на пароходе от Сыктывкара до Архангельска и обратно Тима Вень пил чай. Бывало, с каюты спустится, нальёт себе горячего кипятка и оставит на столе, закрыв своей серой панамкой, чтобы чай не остыл. В салон тоже выходил, там он отдыхал. Ещё с ними ехал музыкант, который умел играть на пианино. Писатели неоднократно приглашали его в салон – тот часто играл «Музыкальный момент» Франца Петера Шуберта.

Возможно, что как-то именно после прослушивания этой музыки Чисталёв сказал: *«Морт нэмыд тай зэв дженъид... Унатор он удит вӧчны... Багатырӧн эськӧ лоны, мед лун и вой уджавны!» (Человеческая жизнь очень коротка... Многие не успеешь сделать... Стать бы богатырём, чтобы день и ночь работать!)*

Тима Вень очень любил читать. Самыми любимыми книгами были произведения Александра Куприна и Ивана Бунина. Также Изъюров отмечает, что в годы репрессий, а точнее, осенью 1937 года, во время обыска у Тима Венья нашли эти книги. Один из конвоиров сказал: *«Со кутшӧм гижысьясӧс тэ, вӧлӧм, радейтан! Белогвардейскӧй книгаяс!» (Вот каких писателей ты, оказывается, любишь! Белогвардейские книги!)*

В ту страшную осень 1937 года с Помоздино Вениамина Чисталёва вели пешком под конвоем. До самого Сыктывкара! Он был представлен врагом советского народа! Учитель, поэт, тот, кто учил детей читать, понимать книги.

Позднее Ивана Изъюрова тоже

арестовали. Однако во время допросов его о Чисталёве не расспрашивали.

Вениамин Тимофеевич был начитанным человеком. Кроме коми и русской литературы его интересовала зарубежная литература. Он занимался переводами произведений Генриха Гейне, Джорджа Байрона и финского писателя Юхани Ахо.

Интерес В. Т. Чисталёва к карело-финскому народному эпосу «Калевала» и финской литературе отражается в его произведениях 1920-х годов: «Поэзия артмём» (Рождение поэзии), «Кантеле лоём йылысь» (Сотворение Кантеле) и других. Писатель перенимает образы кантеле и одинокого лесного домика, мотивы происхождения творчества и предназначения поэзии.

Стоит отметить, что сам эпос глубоко впечатлил Вениамина Тимофеевича. Не случайно он пишет в своей статье: *«Вейнемейнен кодъ ёнён сійö властьнас ачымöс чувствуйта, мый верма вörзбодны, сывдыны йисö, ловзбодны мортсö и ловтём природасö звучитны тиöтти»* (Сильный, как Вейнемейнен, чувствую себя той властью, что могу сдвинуть и растопить лёд, оживить человека и даже заставить звучать неживую природу). В этом высказывании Тима Вень заложена колоссальная программа его литературной судьбы.

Известно, что вещей старец Вейнемейнен сделал из костей головы щуки музыкальный инструмент кантеле. Никто не умел играть на нём. И только сам мастер однажды сыграл на нём. Во время игры все существа, живущие в воздухе, на земле и в

море, спешили к нему. Музыка была такой проникновенной – никто не мог сдержать слёз. Вейнемейнен тоже плакал, его слёзы стекали в воду и превращались в голубоватые жемчужины:

«Плачут юные и старцы,
Плачут люди холостые
И женатые герои,
Полувзрослые ребята,
Плачут также и девицы,
Плачут девочки-малютки:
Так чудесны эти звуки,
Так играет дивно старец.
Плачет старый Вейнемейнен...»

Руны эпоса тронули Вениамина Чисталёва своим содержанием. Тонкая натура писателя и легендарный эпос были созвучны нотам его души. Он понимал своё предназначение в творчестве и своими произведениями касался самых невидимых струн человеческой природы. Он понимал, что в этом и есть искусство.

Тима Вень постоянно находился в пути, сформировать его творческий путь помогло непрестанное саморазвитие. Он изучал фольклор коми народа, знакомился с историей своих предков, в нём жило чувство истории. Он читал произведения писателя, этнографа, философа К. Ф. Жакова. Он усвоил одну из культурологических его концепций – оригинальность истории коми народа, его фольклор, мифология и миросозерцание.

Основываясь на эту концепцию, он создаёт пьесы «Изкар» (1926) и «Коми свадьба» (1936). В этих пьесах красной нитью проходит объединение осмысления коми истории и

коми быта, стремление воспроизвести особенности коми национального сознания.

Тима Вень вошёл в историю коми литературы как мастер психологической прозы. В 1929 году в журнале «Ордым» опубликовали его рассказ «Трипан Вась» (Василий Трифонович). Коми критика того времени дала произведению отрицательную оценку. Единственным, оценившим рассказ положительно, был А. С. Забоев (Сан Антус). Он сказал: *«Это прекрасное произведение, написанное большим художником, психологом, человеком, знающим жизнь... Здесь всё правда»*. Но выступление А. С. Забоева уже не помогло писателю – в 1930 году он был изгнан из рядов Коми ассоциации пролетарских писателей (КАПП).

В 1931 году этот рассказ в переводе Николая Шахова опубликовали в первом номере журнала «Социалистический Север» (выходил в Архангельске). В этом же номере журнала была помещена и статья Ольги Синяковой, в которой критик охарактеризовал рассказ «...как неплохую агитацию на колхоз». Ольга Синякова находит аргумент в защиту писателя: в произведении говорится о событиях 1919 года, а не о событиях 1930 года. Десять лет тому назад психология крестьянина была такой, какой её изображает Тима Вень, в 1930 году она коренным образом изменилась – таков вывод критика. Выступление Ольги Синяковой поддержали московский журнал «На литературном посту» и «Литературная газета». После этих публикаций Тима Вень был восстановлен в Коми писательской

организации. А в 1933 году даже состоялось празднование 25-летия его творческой деятельности.

Тима Вень по праву был новатором в коми литературе. В своих публикациях он обращался к формам коми поэзии. И, несмотря на то, что важную роль в его поэзии играла рифма, поэт тяготел к белому стиху. По мнению Чисталёва, белый стих обладает ритмикой, которая даёт возможность поэту в более свободной форме сосредоточиться на сути описываемого явления. Поэтому все творческие искания автора были направлены на приближение коми стиха к естественности и простоте, созвучным коми народным песням и плачам.

Как уже говорилось выше, на выставке представлены фотографии празднования 100-летия со дня рождения Тима Венья. Заведующая Литературного музея Диана Григорьевна Холопова с теплотой вспоминает это мероприятие: *«20 октября 2020 года исполняется 130 лет со дня рождения талантливого поэта-лирика, основоположника коми психологической прозы, драматурга, педагога и общественного деятеля Вениамина Тимофеевича Чисталёва (по-коми Тима Вень). В этот день 30 лет тому назад на родине писателя в с. Помоздино Усть-Куломского района, в доме, где учился В. Чисталёв, а потом здесь же работал учителем, открылся Литературный музей. Этому предшествовала серьёзная подготовительная работа: были изучены материалы фондов музея, архивы писателя и Союза писателей Коми АССР в Государственном архиве*

республики (ныне Национальный архив РК), состоялись встречи с родственниками писателя. После этого проведена работа по составлению научного плана будущей экспозиции музея.

В начале октября 1990 года рабочая группа в составе заведующего Литературно-мемориального музея Холоповой Д. Г., научного сотрудника Самариной Е. С., художника и столяра вылетела в Помоздино. В течение недели с раннего утра и до позднего вечера дружной командой готовили экспозицию. Ежедневно к нам заходили дети писателя – дочь Муза Вениаминовна и сын Вокан Вениаминович. Они помогли экспонатами – передали столик, кресло и лозунг, вышитый женой писателя Александрой Семёновной; кроме этого делились воспоминаниями о своих родителях. На торжественном открытии музея присутствовал заместитель министра культуры Коми АССР и просто замечательный человек Александр Александрович Куликов. Ни на секунду не отвлекаясь, он прослушал экскурсию от начала до конца, а затем высказал слова благодарности всем создателям первого в районе Литературного музея – Музея В. Т. Чисталёва. Вот такое важное событие произошло в культурной жизни республики в день столетия писателя».

А в этом году 13 октября (дата совпала с уходом Вениамина Чисталёва из жизни, он умер в тюремной больнице Сыктывкара 13 октября 1939 года), во время монтажа выставки, в творческой суеде неждан-

В. Т. Чисталёв на Украинском фронте в годы Первой мировой войны. 1916 год.

но среди экспозиции музея пролетел мимолётный, неземной ветер. Он оставил за собой сухие осенние листья. Они были ярко-жёлтыми, похожими на свет солнца. Этот свет стал весточкой из прошлого и напоминанием того, что современному поколению важно знать и помнить историю своих предков, помнить тех людей, которые стояли у истоков создания национальной культуры.

Фотографии из фонда
Национального музея
Республики Коми.

Полина РОМАНОВА

Полина Петровна Романова родилась в Сыктывкаре в 1974 году. Окончила филологический факультет КГПИ. Преподавала в школе, лицее и гимназии. Параллельно работала на телевидении. С 2009 года работала в ИА «Коминформ», с 2018 года – заместитель главного редактора журнала «Регион». Печатается в региональных и федеральных СМИ. Член Гильдии межэтнической журналистики России.

Эра Сыктывкарского ЛПК

Судьба длиною в полвека

Существует официальная дата рождения Сыктывкарского ЛПК. 25 июня 2019 года комбинату исполнилось 50 лет. Полувеку упорного труда, воплощения передовых технологий, развития производства и сохранения природы, рождения трудовых династий и смены поколений предшествовала идея и её отстаивание в Кремле.

Впервые идеи руководства Коми АССР о строительстве на средней Вычегде крупного целлюлозно-бумажного комбината прозвучали в начале 1930-х годов. Прозвучали – и затихли: слишком тяжёлым было время, отмеченное войной, разрухой и восстановлением народного хозяйства.

По-настоящему всё началось в конце 1950-х, когда на месте стройки будущего комбината в северной тайге приступили к первым геологическим изысканиям. Скажем сразу, что идея его строительства зародилась не в самой республи-

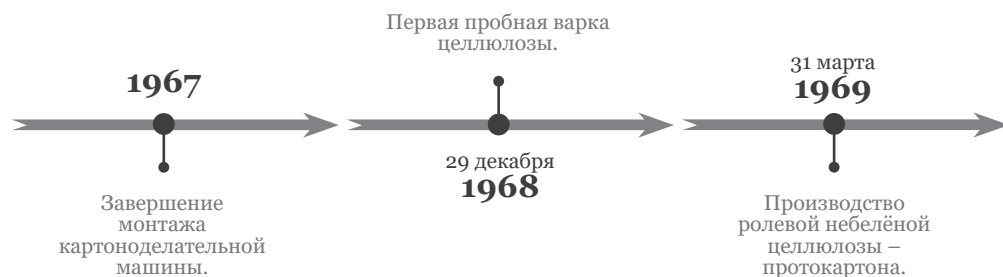
ке. Возникла она в ленинградском проектно-институте, где ведущим проектировщиком трудился наш земляк Николай Тюрнин. Не прерывая связи с малой родиной, он переживал за лес, который любил всей душой: пилят наше «зелёное золото», сплавляют по рекам, и куда же оно попадает? Часто неизвестно куда. А бывает и гниёт, оставленный в лесу целыми штабелями, никому не нужный. Но главное даже не в этом, а в том, что республике, как воздух, нужна промышленность! Ещё в 30-х годах Н. Тюрнину было поручено провести изыскания на лесных массивах Коми АССР. Республика и тогда заготавливала сотни тысяч кубов зелёного золота, но сама очень мало перерабатывала. Потери древесины оказались огромными и исчислялись в масштабах страны миллионами рублей. Из ста вагонов, отправленных в другие области, перерабатывалось лишь 53, остальные 47 пропадали. А между тем из одного кубометра древесины в любом виде можно получить полтора центнера вискозной целлюлозы.

В 50-е годы в республику случилось приехать комиссии ЦК КПСС. Впечатление высоких гостей о Сыктывкаре сложилось как о самом захолустном месте во всём Советском Союзе. Обидно? Недопустимо! Но комиссия была права: что представляла собой столица Коми АССР в то время? Своей электроэнергией, водоснабжением, канализации нет. Событие – если пропылит по дороге одинокая машина. Сыктывкар конца 50-х, по сути, являлся большой неорганизованной «деревней». Надо было защищать честь региона и доказывать, что и мы не лыком шиты, а попутно спасти зелёные ресурсы, направляя их в нужное русло. Идеей построить рядом с Сыктывкаром лесопромышленный комбинат загорелся тогдашний председатель Совета министров республики Зосима Панев.

Он хорошо понимал, что лесные богатства Коми представляли не только гордость этого края, но и огромный ресурс для деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. 370 миллионов кубометров леса из 2,5 миллиардов, которыми обладала Коми АССР, находились в бассейне Верхней Вычегды и Сысолы, то есть примыкали к Сыктывкару – и это залог уникальности будущего предприятия. Именно благодаря лесным запасам Коми АССР должна стать форпостом развития лесной промышленности. А она принесёт в регион передовые технологии, новые виды продукции, становление и совершенствование инженерных кадров, появление в республике не только высокотехнологичной готовой бумажной продукции, но и появление вместе с ней другой культуры, образования, средств информации и т. п. Очень скоро Сыктывкарский ЛПК подтвердил эти ожидания.

В 1958 году Совмин СССР принял решение о строительстве лесопромышленного комплекса на Вычегде. Между тем до утверждения стройки правительством страны было ещё далеко, а власти Коми АССР на свой страх и риск приступили к масштабному амбициозному проекту. Начались хождения по высоким инстанциям. Прямого отказа нигде не было, вспоминает путь «отцов-основателей» комбината ветеран Геннадий Чурбанов, пришедший на работу в комбинат задолго до его открытия в октябре 1961 года. Самостоятельное решение, ещё не благословлённое советской властью, приняли благодаря

существованию Совнархозов, которые имели определённую самостоятельность. Москву просьбами и проектами бомбардировал тогда весь Советский Союз. Страна ещё не оправилась после разрушительной войны, электростанции, фабрики, заводы продолжали восстанавливаться ускоренными темпами, и просьбы «ходовков» из Коми АССР, среди которых был знаменитый Зосима Панев, не встречали понимания.

И всё-таки в конце концов большие люди из Коми АССР добились своего – с помощью «национальной карты».

– Мы же национальная республика! Нас надо поддержать! – это стало последним аргументом. И он неожиданно сработал: добро на рождение гиганта на берегу Вычегды было получено. Это рождение предстояло ещё готовить, выносить проект, но над ним уже трудились двенадцать институтов Госплана РСФСР, министерств и комитетов при Совмине СССР. Под руководством Н. Н. Тюрнина проектные работы были закончены на восемь месяцев раньше срока и официально утверждены 30 марта 1961 года.

Между тем работы в коми тайге в районе деревни Слобода шли полным ходом. Забор, вышки, колючая проволока, прожектора – таким застал будущий комбинат на заре его создания Геннадий Чурбанов. О стройке он узнал будучи студентом-дипломником от научного руководителя, заведующего кафедрой водного транспорта престижного московского вуза. «Сынок, начинать жить советую с белого листа и с серьёзного дела», – сказал он талантливому выпускнику, вместе с которым разрабатывал оборудование для обезвоживания древесной коры. Такого в Советском Союзе ещё не было. При распределении парня хотели направить в один из тысяч леспромхозов, раскиданных по всей стране. «А мне, говорю, надо на Сыктывкарский лесопромышленный комплекс», – вспоминает он. «А такого, – отвечают, – нет». «Я в ответ: конечно, нет, он ещё только будет строиться». Деканом экономического факультета, где учился Чурбанов, был, к счастью, выходец из республики, коми по национальности – Морозов. Он и похлопотал, чтобы молодого специалиста направили в республиканский совнархоз. «А там уж он пробьётся, куда надо», – сказал Морозов. «И я пробился», – с гордостью говорит Чурбанов.

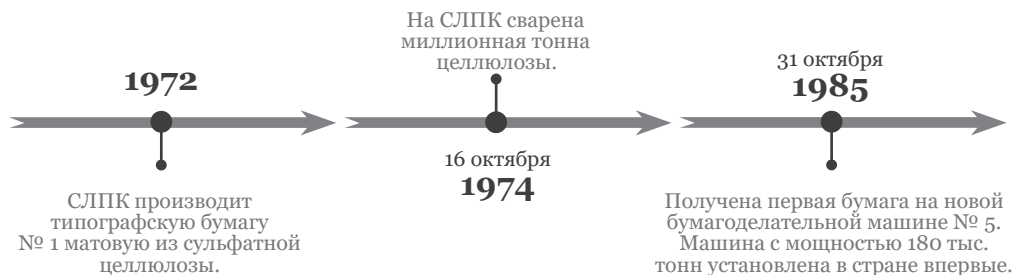
Бюджет будущего ЛПК был скудным до смешного, штатное расписание – на 12 человек: начальник техотдела, начальник технадзора, главбух. «Для меня оставалась должность инженера-сантехника. Я согласился: ставьте кем угодно, только возьмите». Каждый день вместе с коллегами молодой специалист ездил на работу по грунтовой дороге от деревянной гостиницы, что была на улице Орджоникидзе. «Машина часто застревала, мы сами её и толкали. На долгие годы мы забыли о другой обуви, только резиновые сапоги. Что может быть лучше резиновых сапог?! – смеётся Геннадий Чурбанов. – А зимой мы их меняли на валенки».

Ода сапогам

Хвалу сапогам готов продолжить Валентин Стариков. Он не удовлетворился памятником легендарной обуви, поставленным в Эжве. Уменьшённый дубликат Валентин Николаевич поставил у себя на даче. Ветеран, которому тогда было 28 лет, вспоминает забавную историю, произошедшую с супругой, приехавшей вслед за мужем в 1965 году из Горького. «Прилетела она ко мне в белых туфельках. Я её встретил в аэропорту и спрашиваю: «Ты куда приехала?! В туфлях!» – «А что?» – «Сейчас увидишь!»

От Сыктывкара до Эжвы супруги доехали «быстро» – за час двадцать (теперь этот путь занимает 15-20 минут). А дальше молодой муж взял Зину на руки и нёс до самого нужного магазина. Оттуда Зиночка вышла уже самостоятельно – в блестящих резиновых сапогах. «Так и началась наша жизнь», – с улыбкой вспоминает ветеран.

О попытке пощеголять в туфельках вспоминает и ветеран Лидия Ивановна Жабкова, тогда просто Лида Рязанова, приехавшая на комбинат в начале 1967 года в составе группы из двадцати ребят и девчат, окончивших

ухтинский колледж: «Нам выделили комнату в пожарном депо. И захотелось нам в клуб, а где он – не знаем. Вышли на центральную дорогу и

спрашиваем про него у всех. Навстречу машина, кузов которой наполовину закрыт брезентом. Мы к водителю: «Довезите нас!» Девочки полезли через борт, а мы с подружкой остались, побоялись».

Оказалось, не зря испугались. В машине оказались условно заключённые,

строившие комбинат в начале 60-х. За поворотом и девочки это поняли и стали на ходу прыгать из кузова.

«И туфли побросали в машине, одна девочка даже документы там оставила, только чтобы скорее спастись. Слава Богу, все живы-здоровы остались, – продолжает рассказ Лидия Ивановна. – Подали заявление в милицию, документы нам вернули, и туфли вернули – но уже порезанными. Нас сразу после этого переселили в трёхкомнатную квартиру».

И стали эти «условники» девчонок преследовать, ночью в двери ломились: мол, если заявление не заберёте, плохо будет. Еле уговорили девочки милиционеров отдать им заявление назад. «Условники» потом их отблагодарили, купили девчатам новые туфли, яблоки, виноград, шампанское. Но для девчонок урок оказался суровым: больше ни в одну машину они не садились, как далеко ни надо было идти.

Всесоюзная комсомольская

Но вернёмся в далёкий 1961 год. Темпы строительства впечатляли, предприятие росло на глазах. Застав его на стадии земляных работ, Чурбанов стал свидетелем и активным участником ударных рабочих темпов. Параллельно строили и жильё – сначала для заключённых, а потом и для вольнонаёмных.

Переломным моментом в возведении гиганта на Вычегде стал 1964 год. В январе стройку объявили Всесоюзной ударной комсомольской, а значит, признали на самом высоком уровне. Был дан сигнал для сотен молодых специалистов и тысяч деятельных романтиков – парней и девчат: это стройка государственной важности для всего Советского Союза. И тут дело пошло не просто ударно, а стремительно.

До расцвета Сыктывкара – ещё далеко. «Сыктывкар тогда был деревян-

ный, маленький. Вот аэропорт, вот площадь, вот драмтеатр, вот река. И всё. От пединститута до вокзала шли километры пустырей и грядок с картошкой», – вспоминает облик столицы республики Валентин Стариков. Да и Эжвы тогда тоже ещё не было. Была маленькая деревушка Слобода. Слободской рейд, о котором сейчас мало кто знает, был побольше: там располагалось предприятие, которое занималось выкаткой древесины из воды на берег. Непростой это был спецпосёлок, но многие строители комбината сегодня вспоминают о нём с благодарностью – как о месте, где началась их карьера.

Освобождение места под строительство ЛПК происходило непросто. На берегу Вычегды стояли вековые родовые дома, которые приходилось сносить. Гусеничные трактора загрохотали по деревенским улицам. На смену колхозной Слободе пришла промышленная Эжва. А за Эжвой и Сыктывкар стал строиться. Ветераны – патриоты предприятия и района – убеждены, что сначала была Эжва, а уж потом Сыктывкар в его современном виде. Выйдя на пенсию, Валентин Стариков подсчитал, сколько всего дала Эжва Сыктывкару: рабочие руки, электро- и теплоэнергию, офисную бумагу и бумагу для газет и книг, картон и товарную целлюлозу, фанеру, ДСП, обои, туалетную бумагу, а главное – целый район с богатой инфраструктурой.

– Появлению таких масштабныхстроек, как Сыктывкарский лесопромышленный комплекс, в стране, а особенно в Коми АССР, в то далёкое время было не просто решением партии и правительства, – подтверждает ветеран лесопромышленной отрасли Республики Коми Валентин Михайлович Бровкин. – Этому должна была предшествовать целая череда обстоятельств, и, конечно, в первую очередь это необходимость промышленного развития страны и республики и возможность создания в таком глухом лесном крае самого современного и масштабного на то время предприятия. Людской и научный потенциал, создание индустриальной базы, строительство дорог, школ, домов и самого предприятия – этим потенциалом к тому времени республика в полной мере ещё не располагала, но в лесной отрасли была сосредоточена значительная часть основных ресурсов.

На Монди
СЛПК выработали
15-миллионную тонну
целлюлозы.

Февраль
2011

Январь
2012

Введена новая линия
резки и упаковки
бумаги формата фоллио.

Старт проекта
по модернизации очистных
сооружений.

2013

Не было в стране такой отрасли народного хозяйства, которая не участвовала бы в производстве продукции ЛПК. Четыре тысячи поставщиков разного профиля поставляли комплексу десятки тысяч грузов. Взамен гигант лесохимии ежедневно отправлял двести вагонов готовой продукции.

Кадры решают всё

Прибывающих специалистов встречали на предприятии как «персон гра-та». Неважно было, есть у тебя высшее образование и опыт или нет, работу находили всегда и всем. Рабочие руки при ударных темпах строительства комплекса оказывались самым ценным ресурсом. Молодым давали жильё, социальные гарантии, хорошие оклады и должности.

О принципиальной позиции Совнархоза относительно условий жизни сотрудников в своих мемуарах «Вехи большого пути» написал Зосима Панев. Удивительно, но при строительстве комбината обошлись без брезентовых палаток, передвижных балков, как часто бывало при масштабных стройках в СССР. Помогли и предшественники – подневольные строители, те самые «условники», после которых остались кирпичные общежития. Новое жильё возводилось параллельно с корпусами комбината.

Предметом гордости первых комсомольцев стали четыре многоэтажных дома на улице Космонавтов – развивалось крупнопанельное домостроение, организовалась база стройиндустрии, приезжали специалисты из крупных городов, с престижных предприятий.

И пусть плиты в первых жилых домах надо было топить ещё дровишками, но всё же те годы ветераны вспоминают как время необычайного оптимизма и всеобщего подъёма.

«Эжва всегда стояла особняком от Сыктывкара, – утверждает Геннадий

Чурбанов. – В ней царило братство. Братский дух появился вместе с комсомольской стройкой. Дух особый: нам доверяли, на нас надеялись. Из того задорного комсомольского поколения и выросла наша замечательная Эжва».

Эжва до сих пор очень сплочённая. Патриотизм и любовь эжвинцев к своей малой, а для кого-то второй родине – отголоски той комсомольской эпохи. «Эжва не только очень чистая, она – дружная», – отзывается о ней и сегодняшняя молодёжь.

Большое видится на расстоянии

«Сыктывкарский лесопромышленный комбинат – государство в государстве», – не устают повторять ветераны. Трудно охватить гигантский масштаб комбината, а изнутри его вообще оценить не под силу. «Лицом к лицу лица не увидеть, большое видится на расстоянии...» Вот и тут, прямо по Есенину, необходимо отстраниться и подождать несколько десятилетий, чтобы понять новаторство и дерзание руководства республики и самого комплекса, замахнувшегося на беспрецедентный в регионе проект. Оценить масштаб начинания могут, наверное, историки и профессиональные архивариусы. Количество сотрудников предприятия приближается к населению небольшого города, а число событий, уместившихся в каждый месяц долгого пути, исчисляется тысячами. Так, ещё за год до официального открытия СЛПК перешёл на хозрасчёт, а ведь большинству из нас это слово стало знакомо только благодаря перестройке 90-х.

За три года до этого, в сентябре 1965 года, рационализаторы предприятия уже применяли современнейшие по тем временам технологии варки целлюлозы, в 1966-м был образован цех высоковольтных сетей, спустя ещё три месяца – электроремонтный цех, через год запущен цех промышленных стоков.

За полтора года до открытия, в феврале 1968-го, на предприятии прошла

конференция женщин, а уже в июле по её решению открылся детский лагерь «Орлёнок», где дети работников ещё не открытого официально предприятия поправляли здоровье и проводили летние каникулы.

Какой год ни возьми и до, и после открытия, каждый месяц был наполнен новым, для кого-то поворотным событием. Какое выделить, на каком остановиться подробнее?

Не стоит забывать, что и железная дорога появилась в республике и в Сыктывкаре благодаря комбинату. Она строилась параллельно с жильём в новом посёлке Эжва. Непросто было выбить для коми глубинки звонкую сталь, по которой понеслись в светлое будущее поезда. Тогда каждый килограмм мостовой стали в северном исполнении распределял Совет министров СССР. Но стройка в Коми АССР уже вошла в число промышленных приоритетов страны, поэтому тысячи тонн планомерно отправлялись к нам на Север.

Литература сегодня

Душная НОЧЬ

(Рассказы)

Аллергия

Виляя бёдрами, как Элвис Пресли, обогнал всех старух и мамаш с колясками. Пробежался по парку, азартно вспотев. Бодрый, пружинистый, сильный.

Пульс зашкаливает, настроение тоже. И стучит в висках тупая радость бытия, совершенно необъяснимая. Будто сдал все анализы – и успешно: ни разу не подтвердилось. Будто наконец-то доказал, что у твоих лёгких безупречная репутация – ни одного тёмного пятнышка.

Улыбаясь, присел на скамеечку, отважно закурил (может, ещё и не подтвердится?). Вот что делает с мрачным, угрюмым человеком небольшая разминка на свежем воздухе.

А ведь в глубине души ты, оказывается, физкультурник. Стоит только позвать своё тело на оздоровительную прогулку, и оно с благодарностью откликается. Жаль, что редко приглашал. Раньше было некогда, теперь уже поздно.

Но ведь и к финишу жизни можно приближаться красиво, спортивной трусцой. Уверенно, на позитиве. И обрывать последнюю ленточку широкой грудью атлета.

Владимир СУМАРОКОВ

Владимир Рудольфович Сумароков – журналист, литератор. Родился и вырос в Воркуте. В 1986 г. закончил исторический факультет Сыктывкарского государственного университета.

В 1986–1990 гг. занимался преподавательской деятельностью, с 1991 г. – журналистикой. С 2001 г. – главный редактор газеты «Трибуна». Стихи и проза В. Сумарокова печатались в различных журналах и коллективных сборниках. Автор книг: «Единственная тюрьма» (1992), «Агарь» (2000), «Коми на переломе» (2013), «Злоба дня» (2014).

Когда в душе звучит «Марш энтузиастов», женщины очень кстати. Впрочем, они всегда кстати. И замечательно, что на другом конце скамьи возникла прелестная незнакомка. Непонятно, откуда она появилась.словно бы соткалась из тугого воздуха в ореоле июльской дымки. Сразу видно – это штучный товар на витрине парка. Визуальное совершенство. Из тех, кто, выходя на улицу, набирает по сотне просмотров. А летом, с учётом голых коленок, по тысяче.

Мысленно «лайкнув» соседку, решил приступить к комментариям. Ведь вас разделяет всего парочка метров. При такой близости молчать противостественно. И ты уже напрягся для первой шутки. Хотя шутить на жаре – очень даже непросто.

Ах, думаешь, как было бы славно затащить её куда-нибудь в тень, под пальму в кадке, под лёгкую музыку. Заказать две дюжины устриц, шампанского в ледяном ведёрке. Главное, до неё дотронуться, а уж дальше... Тут как в шахматах: тронул фигуру – ходи!

И вдруг эта пошлая фантазия в интерьере элитного общепита резко обрвалась. Чувствуешь, что кружится голова. Тебе неожиданно поплохело: уши горят, в глазах слёзы. И какая-то мелкая сыпь на руках. Такими руками женщин лучше не трогать. И даже бесконтактные шутки тут не проходят.

В панике вскочил, и вроде слегка отпустило. Но плюхнулся на скамейку – содрогнулся от кашля. Накатил приступ удушья. Только что был здоровый, бодрый пузырь – и весь сдулся. Воздух выходит, обратно не входит. Грудная клетка позорно уменьшилась – чем теперь обрывать ленточку?

Так не бывает, думаешь. Что за ерунда?

– Это у вас аллергия на красоту, – неожиданно говорит твоя скамеечная соседка. – Извращённая иммунная реакция на внешний фактор. Ну нельзя же, мужчина, быть таким влюбчивым. С вашим-то здоровьем!

И тут тебя осенило. Вспомнилась нелепая городская легенда про этот парк. Про особых, дико цветущих женщин, которые встречаются здесь раз в году. Говорят, будто источают они какой-то удивительный дурмящий аромат, а красоты в это время года достигают невероятной.

Почему и для кого они расцветают – загадка. Наука пребывает в тупом недоумении. У ботаников спрашивать бесполезно. Известно лишь, что эти женские особи цветут строго в июле, вслед за геранью луговой и липой мелколистной, характерной для наших широт.

Некий биолог пытался выяснить, что за хрень – увезли из парка на «скорой». Двое мужчин пропали здесь при невыясненных обстоятельствах. А один на такой девушке из любопытства женился. И теперь утверждает, что ни фи́га она не цветёт, всё это глупые байки, забудьте.

Ну пусть байки – и что? Допустим, привиделось от жары. Разве тебе от этого легче, приятель? С твоим-то иммунитетом против красивых женщин...

Ты уже близок к обмороку. Заваливаешься на бок, чтобы бесславно рухнуть к её ногам. То есть стать ещё одной жертвой городской легенды.

К счастью, даже среди фантомных красавиц встречаются добрые, порядочные женщины.

– Не возьму греха на душу, – говорит она и, мелькнув на прощание летними коленками, быстро уходит.

Вернее, исчезает. Растворяется под липами. В июльском мареве, в знойной дымке.

А ты, старик, завязывай с этим делом. С романами на скамейках, да и вообще. Никогда не бегал трусцой, не стоит и начинать. В твоём-то возрасте.

Старина Фрэнк, инструктор

Здесь потеют, охают, вскрикивают.

Разводят ноги под углом и с отягощением. Разгибают туловище на «римском стуле». Практикуют французский жим на влажной доске. А самые продвинутые осваивают «скамью Скотта».

Здесь громкая музыка, лязг железа, стрекотание беговых дорожек и резиновое чавканье тренажёров.

Бронзовые торсы, животы в кубиках, бугристые спины. Свежее здоровое мясо, разложенное по зеркальным витринам.

В зеркалах каждый ищет себя. Любуется собой так, будто желает сокопиться с собственным телом. Остальные – не интересны.

Всё это происходит публично и напоминает групповую оргию хронических аутистов.

Преобладает самоэротика. Отношения со снарядами носят сугубо интимный характер. К девушкам с развитыми икроножными мышцами никто не пристаёт. За голые фитнес-ляжки их трогает только инструктор, чтобы бесстрастно сказать: *«Держите амплитуду!»*

Инструктор – вылитый Фрэнк Зейн в молодости. Среди новичков ему скучно. Он слоняется по тренажёрному залу, отпуская технические реплики типа: *«Тяга блока к животу»* или *«Пулл-овер, пять подходов»*. Парни в наушниках его не слышат. Взрослые согласно кивают, не понимая, при чём тут «пуловер».

Старина Фрэнк высок в своём атлетизме. Поэтому держится снисходительно. Он не даёт советов лишь явным лузерам. В любой «тренажёрке» всегда найдётся пара-тройка неадекватов. Станных типов, опровергающих Джо Уайдера и его фундаментальный курс бодибилдинга.

Вот, например, волосатый горец. Злой и упёртый – к такому лучше не лезть. Он взял на грудь штангу – и завис. Толкнуть – не может, бросить – нельзя. Гордость не позволяет – восточная. Ждёт, пока Фрэнк отвернётся...

Другой неприятный типаж – дама с фигурой, напоминающей чемодан. 90 килограммов женщины – и мотор «Торнео» ревет, как на взлёте. Из-за этой толстухи беговая дорожка похожа на ленту для выдачи багажа. Жуткое зрелище...

А вот ещё один субчик – из тех, про кого говорят: *«Была одна мышца, и та сократилась»*. Он топчется у кулера, хлещет воду стаканчиками.

Спроси такого – о чём, мужик, задумался с бодуна? Наверняка будет кривляться, умничать: *«Жизнь и так тяжела, зачем нужны тягощения? К чему высокая амплитуда, когда вокруг царит хаос? И не является ли жим лёжа сублимацией сексуальной энергии?»*

В основе его нигилизма – отрицательная мускулатура. Мужик просто трусит, оттягивает время, чтоб не позориться на глазах у публики. Не понимает, что всем – плевать.

Фрэнк в гробу видал таких умников. Но работа есть работа. Инструктор обязан подойти: *«Могу я вам чем-то помочь?»*

А чем тут поможешь? Как мотивировать человека, которого тошнит при виде железа? Его единственный стимул – смех женщины, когда он неосторожно разделся. Неестественный смех при естественном освещении.

Впрочем, этот стимул – отнюдь не слабый. На кону – физическое соответствие чужой красоте. Предполагается, что духовное – уже достигнуто. А вот физическое – пока под вопросом.

При такой геометрии тела не помогут ни узкий хват, ни широкий. Цыплячью грудь не расправить, кривые ноги не выпрямить.

Но опытный инструктор знает, что немолодые любовники с выпуклыми животами – люди, как правило, отчаянные. И этот тоже будет рвать жилы. Втянется – и начнёт приходить сюда каждый день. Потеть и мучиться, жечь калории, сублимировать.

В принципе Фрэнк готов допустить, что умник отчасти прав. Одна энергия способна переходить в другую. Надо только поменять вектор. И силу, которую мы растрачиваем на других, можно направить в себя. Например, в область брюшного пресса.

Джо Уайдер, конечно, ничего такого не говорил. Но это мог бы сказать другой мудрый старик – 75-летний Фрэнк Зейн, бакалавр психологии.

А если пойти в рассуждения дальше? И задуматься: *«Любовь, да и сама наша жизнь – это ведь тоже, в сущности, сублимация? Только непонятно – чего...»*

Инструктор улыбается новичку, пытается скрыть отвращение. Вежливо спрашивает: *«Какие у вас проблемы?»*

Фрэнк уже десять лет торчит в этом грёбаном зале, где постоянно грохочет музыка. В последнее время его здесь многое раздражает. *«Всё это глупо, безнадёжно, – думает он. – И очень скучно»*.

Душная ночь, влажная простыня

Очнувшись от собственного визга, лежишь потом в чём-то липком. Всхлипываешь, стараясь забыться.

«Не вздумайте чистить зубы или делать гимнастику! – учил старина Хичкок. – Сразу записывайте. Любой сон можно продать. Но это – товар скоропортящийся».

«Фабрика грёз» преуспела в торговле людскими кошмарами. Но и обратное влияние очевидно. В наши интимные сны проникают плоские голливудские образы. Натуральные сновидения подвержены грубым киношным штампам.

В ночных сеансах возникают съёмочные декорации. Неизбежен огромный зловещий дом на окраине мрачного городка. Слева – заброшенный арматурный завод. Справа – кладбище для самоубийц и вампиров.

И тут, конечно, регулярно происходят гнусные злодеяния. Дети бесследно исчезают вместе с велосипедами. А нежных барышень потом находят, но, к сожалению, по частям. Зачем, собственно, они таскаются на кладбище по ночам – в кошмаре не объясняется. Вообще, поведение жертв выглядит неестественно. Но сны, как и фильмы, этим не заморачиваются. Ибо жертвы – персонажи второстепенные. Они нужны лишь для того, чтобы показать личность главного героя – тонкого, интеллигентного маньяка или романтического упыря.

«Что я здесь делаю, холостяк-мечтатель, на пятьдесят шестом году жизни? – думаешь во время ночного сеанса. – Зачем я забился в дальнюю комнату с револьвером в руке?»

Нет, соседство с кладбищем не пугает. У тебя есть своё, личное – прямо возле дома, в маленьком саду. Там, под чахлыми яблонями, несколько скелетов, в основном женских.

И не страшат тебя никакие вампиры, тем более мёртвые. А знаешь – почему?

Потому что ты и сам вампир. Как выяснилось.

Вдруг стало известно (непонятно – откуда), что ты, оказывается, мерзавец. И многих девушек погубил тихими лунными ночами. Как именно погубил, а главное, зачем – ничего не сказано. Прими это как данность, тут уж не отвертись.

И вот теперь, по законам жанра, настал час расплаты. Ты этому почти рад. Ибо всякий убийца втайне мечтает стать жертвой. Каждый настоящий маньяк – всегда мазохист. Ему хочется испытать тот ужас, который он видит в чужих глазах.

Но всему есть предел. Бывают такие кошмары, что и дедушка Хичкок семь раз бы описался в своей кровати.

Вампир с перекошенным от страха лицом, вздрагивающий от каждого шороха в пустом тёмном доме, – это, конечно, жалкое зрелище. Но тебе, ублодок, выпало досмотреть свой фильм до конца.

Слышишь, как дребезжат ставни, как скрипят половицы? Причём одновременно – в разных местах. Живые люди так не ходят. Только – сама Судьба. Шаркает в коридоре, что-то тихо бормочет, никуда не торопится.

Тут и револьвер не поможет. Сейчас ты увидишь, дружок.

Крупным планом в серебристом луче – бронзовая ручка. Медленно поворачивается, очень медленно – о-о-о! – нарастает ужас.

Дверь распаивается – и в лунном свете возникает она.

Бледно-серебристая, абсолютно голая. Но не возбуждает. Потому что у неё ни ножек, ни головы. И вообще ничего, указывающего на личность.

Некая фантастическая сущность. Отдельно взятая часть тела. А именно – задница. В натуральную величину.

То есть жопа как таковая. Честная, без прикрас. И что характерно – говорящая.

Ты, разумеется, несколько иначе представлял себе последнюю встречу с Судьбой. Ну, извини – кто тебя спрашивает?

– Вот я и пришла, – тихо говорит жопа, и чувствуется в ней какая-то глубокая, сдержанная печаль. – Не узнал хохотушку Мэри? А знаешь, почему я такая бледная? Ты же всю кровь мою выпил! Ты мне жизнь поломал, скотина!

Про кровь – это она в переносном смысле. Ты сразу догадался, что Мэри – не из тех, кто залёг под яблоней. Она не была жертвой вампира. А если и жертвой, то другого рода – твоей третьей или четвёртой женой. И расстались вы много лет назад. Но вот ведь заявилась вдруг и качает права, сводит старые счёты.

Горько осознавать, что и весёлая Мэри, вздорная красотка из твоей прошлой жизни, теперь тоже призрак. Шляется по ночам в таком безобразном виде.

Попасть в столь крупную мишень – раз плюнуть. Пять пуль летят как в копейку. Плюх-плюх – в холодную мякоть.

Но разве жопу убьёшь? Разве от кошмара избавишься?

Поэтому шестая пуля – себе. Зато теперь ты идеальный покойник для соседского кладбища: одновременно и вампир, и самоубийца.

«Я и в жизни-то видел мало хорошего, а тут ещё перед смертью – такое!» – с горечью думаешь ты, проваливаясь в холодную бездну.

Что ж, как говорится, не смерть красит человека, а наоборот. Особенно этим злоупотребляют романтики. Они её всячески украшают. И торопятся, дурачки, на свидание.

А приходит какая-нибудь грубая неопрятная баба. И это ещё в лучшем случае...

Не плачь, дружок, не унижайся. И утром, если проснёшься, ничего не записывай.

Мужской и женский

Немолодой, но сильный, пружинистый, потрёпанный всеми ветрами, я умел выходить сухим из воды.

Большой и чёрный, как ворон, типичный брутал, я всегда был угрюм и скрытен.

Зато когда раскрывался – голуби в ужасе разлетались. А хищные птицы опасались гадить на меня сверху. Наверное, принимали за своего.

Она была легче, изящнее. Тонкая штучка, фисташковая, в мелких цветочках. Стоило набежать ветерку – вздрагивала, капризно морщась от холода.

– Вы такой храбрый, – щебетала она при встрече. – А вот я не гожусь для Севера, для этой мерзкой погоды. Косые ливни меня пугают. Внезапные порывы ветра выворачивают наизнанку. Лучше бы мне родиться в Японии. Там, говорят, мягче климат, да и вообще – красиво. Кстати, вы когда-нибудь видели Фудзияму?

– Я много чего повидал в своей жизни, мадам. Перед вами далеко не мальчик. Мужчина верный, непромокаемый. Надёжный, как плащ-палатка, – отвечал я, стараясь ненароком коснуться её влажных цветов.

– Я это сразу поняла, – шептала она, робко отодвигаясь. И пыталась сменить тему: – Не правда ли, сегодня – ужас как моросит?

Вот и хорошо, думал я, что «разверзлись хляби небесные». Иначе бы мы не встретились.

Этот роман оказался честным. Потому что сразу был обречён. Мы не подходили друг другу – никак, совершенно. И не только в ментальном смысле, а и просто – физически. Не совпадали цветом души, фактурой материала. Не говоря уж о темпераменте.

Даже в «ножках», в зачехлённом состоянии, я выглядел устрашающе. Как фаллос негра, болтался под хозяйским коленом. Он носил меня на грубой лямке, как полицейский – дубинку.

Однажды я спас его в драке – отбился костяной ручкой с массивным набалдашником в виде морды бульдога. Кстати, я и по гороскопу – собака. Да и по сути своей. Из тех, кого можно подчинить, но только – один-единственный раз. И на всю жизнь.

Она – совсем другая штучка, моя маленькая «японка». Нежная, хрупкая, размером с дамскую сумочку, откуда и доставали. Поэтому от неё всегда пахло духами. И ещё чем-то, сугубо женским, таинственным. Меня, прокуренного снизу, её сладкие запахи возбуждали, сводили с ума.

Между тем внизу, под нами, развивался другой роман – параллельный. Бурный, некрасивый, грешный, как и всякое настоящее счастье. В сущности, это был роман воровской. Это когда целуются где попало, но с оглядкой на прохожих. И наивно прикрываются зонтиками.

Возвращаясь из осени, любовники жадно обнимались в прихожей. Квартиры были съёмные, временные, ненадёжные. Поэтому они любили друг дру-

га как в последний раз. При этом вытворяли такое, о чём в компании порядочных зонтиков не принято говорить.

Ну а нас швыряли по разным углам – мокрых, жалких, беспомощных. И, конечно, неутолённых в своих желаниях. Хотя, если честно, за «японку» не поручусь. Ведь даже в полураскрытом состоянии я вызывал у неё некоторую робость. Не исключено, что её вполне устраивали чисто платонические отношения.

Где была эта грань – между женским кокетством и природной холодностью – я так и не разобрался. Не было возможности – хозяева не дали нам шанса на близость.

И вообще, они вели себя бесцеремонно. Забывали нас где угодно. Например, в ресторанах или придорожных гостиницах с очень скверной репутацией. Но тоже – по разным углам, диванам и стульчикам. И тогда мы подолгу беседовали в темноте, и я рассказывал о своих путешествиях. Вот в Японии, говорил я, у мужских строгих зонтиков есть кодекс чести – усилием воли они могут ломать себе спицы.

И не называйте враньём мои честные выдумки. Наградой им – восхищённое молчание...

В общем, это были лучшие часы моей жизни – когда нас вместе теряли. К сожалению, хозяева возвращались. Находили с идиотским смехом: «Вот вы где, потеряшки!»

На самом деле «потеряшками» были они – заблудившиеся в своём нелепом романе.

Что ж, именно так глупые люди и поступают с вещами, когда не понимают их сути.

Вы только не подумайте, будто я исповедую фетишизм. Тем более – в каком-нибудь примитивном его толковании. Однако стоит ли удивляться, если однажды, в промозглый осенний день, чья-то горячая, влажная от страсти рука вдруг оживит холодный предмет. И тогда молчаливая, доселе бестрепетная вещь перестаёт быть собой и превращается в некий символ. А каждый символ обладает живой душой – это несомненно, и спорить тут нечего.

Конечно, это не бог весть какая философия – но что вы хотите от зонтика? Я просто хотел сказать, что мы защищали чужую любовь как могли. Раскрывали два спасительных купола – чёрный и фисташковый. А наши хозяева так и не поняли, что пока в этом маленьком, грязном городе идут дожди, их нелепое счастье не кончится.

Но однажды хозяйка умчалась ночным поездом. И увезла с собой маленькую «японку».

А мой, как всегда, опоздал. И потом долго бродил по вокзалу, бледный, растерянный. То есть впервые за весь роман вёл себя адекватно – как нормальный влюблённый. И я его пожалел, хоть он и круглый идиот.

Хозяин забыл меня на вокзальной скамейке. На сей раз, кажется, навсегда. Но может, и не забыл, а именно бросил. Вероятно, я стал ему неприятен – как напоминание о несчастной любви.

И вот я лежу теперь возле какого-то пошлого жёлтого чемодана, набитого барахлом, и, не торопясь, вспоминаю.

Ни в какой Японии я, конечно, не бывал. Но твёрдо уверен, что теперь, кто бы меня ни нашёл, я уже ни для кого не раскроюсь. И дело тут вовсе не в спичках. Мы, зонтики, верные – и никого не бросаем. Надеюсь, вы понимаете, что такое верность? А если – нет, то нам не о чем толковать.

В сущности, думаю я, всё правильно. И не стоит жалеть.

Помню, когда нас с «японкой» приносили с дождя, её влажные цветки высыхали быстрее, чем страсть моя. Чем тоска моя. Чем слёзы мои о ней.

Никогда не заговаривайте поздним вечером с незнакомыми девушками

– Здравствуйте, красавица, можно покурить с вами рядом?
– Нельзя, задрот плацкартный. Гребни ушами в камыши!
– Извините, я просто шёл мимо и загляделся. Вы похожи на принцессу из сказки.

– Упс! Ты первый, кто разгадал мою тайну.
– У вас такая... И такое... И волосы, и спина, и всё. Скажу откровенно, только не обижайтесь: вы гений чистой красоты.

– Ты что там куришь, мужик? Ну-ка повтори, как ты меня назвал?
– Прекрасная незнакомка!
– Была незнакомка – сейчас познакомимся.
– Мне кажется, это невозможно. Такие, как вы, на улице не валяются. То есть я хотел сказать – не знакомятся.

– Да легко! Мне скучно, давай покоммуницируем.
– Я Пётр Иванович, работаю экспедитором. В Москве – по делам.
– Так и я не москвичка, из деревни. Про Барвиху слыхал? Зовут Машка Сидорова, 25 лет, 90-60-90, закончила филфак МГУ. Мужа нет, вредных привычек тоже. Ну, кроме лёгких сигарет. Дочка миллиардера, единственная наследница. Сидоров, мой папаша, девятнадцатый сверху.

– В каком смысле?
– Не в смысле, а в списке.
– Вы имеете в виду журнал «Форбс»? Я таких не читаю.
– Сразу видно. И правильно! Я сначала подумала – хомяк небритый. А ты ничего, симпатяга.

– О, вы безмерно добры, Мария! Можно я вам когда-нибудь позвоню?

– Звони, Петя, в любое время.

- А по какому номеру?
- Да по любому! Для тебя – по любому. Потому что вижу – хороший ты человек.
- Вы удивительная девушка! Эх, если бы я был не я, а самый умный и богатый человек на земле...
- Только под Безухова не коси! Лучше – под Карлсона. Мужчина в расцвете сил. Главное, чтобы пропеллер крутился.
- ...Я бы набрался смелости и предложил вам...
- Вместе поужинать? Кидай приглас. Ты мне тоже понравился. Вот клёвый ресторан типа лакшери.
- Увы, не сегодня. Как-нибудь в другой раз.
- Другого раза может и не быть. Знаешь, Петя, в жизни выпадает лишь один вечер, когда мечты сбываются. Тут уж, как говорится, не зевай, куй.
- Что, простите, не расслышал?
- Куй, пока я горячая. Если лакшери для тебя – это дорого, лови мой приглас. Машка сегодня добрая, угощает прохожих. Тем более, это мой ресторан – подарок на день журфака. Ну что, Петруха, швифтанёмся по полной?
- Я бы с удовольствием, но тороплюсь. К тому же это немного странно...
- Что тут странного? Я так решила: первый, кто меня разгадает, получит бонус.
- Я просто шёл мимо. Захотелось сказать вам что-то приятное.
- И тебе это удалось. А теперь слушай, что будет дальше. Дама башляет за ужин, а потом везёт кавалера к себе домой. К тебе ведь, Петя, нельзя? Жена, семеро по лавкам, да?
- Мария, вы издеваетесь?
- Нет, я излагаю наш план. Поедем в деревню, разбудим папашку. Он, конечно, дико обрадуется. Сам же мне говорил: «Шесть женихов Машка отвергла, седьмого не избежать».
- Барвиха – это в районе Рублёвки?
- Я поняла – нет денег на такси? Не парься. Видишь чёрненький «Мазерати»? С ветерком домчимся, Альфонс Иванович.
- Я вам не Альфонс! И у меня строгое правило – никогда не садиться в машину к нетрезвым девушкам.
- Не бойся, за рулём будет шофёр, он же охранник. Потом отвезёт тебя, куда скажешь. Тебе, кстати, куда?
- Да, в общем, недалеко. От станции «Москва-Сортировочная».
- Ни фигя забрался! Хочешь, сниму для нас хату в центре?
- Мария, вы девушка, конечно, с юмором, но должен признаться – я и вправду женат.
- Вот сразу пошли отмазки! Говно-вопрос, найму адвокатов – вмиг тебя разведут.
- Не надо. Я супругу люблю. Её, кстати, тоже Машей зовут.
- Значит, ты на Маш западаешь? Пока одна дома сидит, других клеишь прямо на улице?

- Девушка, клянусь, даже в мыслях не было.
- Не оправдывайся – терпеть не могу. Лучше скажи: где ты раньше был? Почему не искал меня в этом безумном городе?
- Пусть я толстый и некрасивый, и мне уже 46. Но это не повод, чтоб издеваться.
- Не наговаривай на себя, Петя. Может, ты и не Реал Мадрид, но очень клёвый, забавный. Таких у меня ещё не было.
- Маша, перестаньте...
- Чего так низко себя ставишь? Думаешь – в тебя нельзя влюбиться с первого взгляда? Конечно, нет. Но уж со второго – легко. Я даже готова отказаться от гайки на пальце, от свадьбы во дворце. Будем просто любовниками, okay? Я девушка страстная, соглашайся.
- Недобрые у тебя шутки, Мария.
- Хочешь разбить мне сердце? Учти, папа-нефтяник тебе этого не простит. Напоминаю – он девятнадцатый сверху. Я, кстати, тоже люблю сверху. А ты, Пётр Иванович?
- А я, пожалуй, откланяюсь.
- Нет такой позы – «откланяюсь». Твоё упрямство меня только заводит. И не думай, что трещусь, – я серьёзно.
- Мне пора, уже поздно.
- Я и говорю – поздняя метаться. Любовь – дело тонкое, Петруха. Хуже того – внезапное. Никогда не знаешь, откуда прилетит. У любого спроси на Рублёвке: если Машке Сидоровой моча в голову ударит – это финиш. Весь мир вокруг станет жёлтым. Поэтому не брыкайся. Ты же экспедитор? Вот я и приглашаю тебя в увлекательную экспедицию. В короткий, но бурный роман с летальным исходом.
- Почему же, извиняюсь, с летальным?
- Это когда двое летают, а потом один падает, ломая крылья. Кто из нас – догадайся, приятель.
- Ума не приложу. Кто бы это мог быть?
- Само собой я тебя скоро брошу. Точнее, сброшу. По-чеховски – с высокой башни, которая есть любовь. Ты погибнешь не от переломов – от горя. Но это будет потом, а сейчас...
- Спасибо, что предупредила. Не хочу рисковать.
- А я-то думала – рисковый. Пётр Иванович, неужели ты струсил? И не принесёшь себя в жертву на алтарь красоты?
- Ага, разбежался. В моём-то возрасте.
- Не спорь, не откладывай наше короткое счастье. На выходные рванём с тобой на Лазурку или в Монтик. Ты куда хочешь?
- Домой. Мне бы на метро успеть, потом на электричку.
- Не разочаровывай меня, Петя.
- Мне сначала показалось – дура гламурная. А ты, Маша, умна не по годам. Но и у задротов есть гордость. Папе девятнадцатому – большой привет.
- Ну и зачем тогда приставал? Коршуном налетел, гребарь-перехватчик.

Пытался охмурить, синим троллейбусом по ушам ездил. Вот вы все, мужики, такие.

– Какие? Прошу не обобщать!

– Ничем вам не угодишь. Принцессу им подавай! Ну, хорошо, держите принцессу. Берите её, тёпленькую, на всё согласную ради любви. Только что вы с ней будете делать? Вы же ничего не умеете и вечно путаетесь. В беседе – скучные, в постели – наоборот, смешные. А главное, сами не знаете, чего хотите.

– Ну и злющая ты, Машка! И красота твоя тоже злая.

– Ступай, Пётр Иванович, надоел. Иди себе, верблюд пастозный, суслик чернобыльский. Хуже того – старик. Ты мне в отцы годишься. Катись колбаской на станцию «Сортировочная».

– Прощайте, госпожа Сидорова. Счастлив был познакомиться.

– Топай-топай, не оглядывайся... Нет, стоять! Ведь кому скажу – не поверят. Чтобы от Машки Сидоровой какой-то колобок убежал?! Эй, охрана, хватайте его! Вон того задрота с портфельчиком! Это маньяк, он меня оскорбил. Можете ударить его, но не сильно, не до смерти. Пусть чутка поживёт...

* * *

Пётр Иванович, а ты что себе думал? Что в сказку попал? Ну, допустим, попал. Причём – крепко, теперь не выскочишь.

Ты, конечно, слышал все эти нелепые истории про спящих царевен. Возлежат они в хрустальных гробах в ожидании поцелуя. И перед сказочным мавзолеем почему-то нет никакой очереди. Просто кто первым успел – тот и добрый молодец. Три дня скакал, заблудился, потерял чувство реальности. Теперь пеняй на себя.

А ведь если разобратся, что за радость от ледяных красавиц, которых замучаешься согреть? Неестественно белая кожа, чрезмерная правильность благородного лица и всякое отсутствие телесного запаха – это, знаете, на любителя.

Все мужские фантазии построены по тому же халявному принципу: «шёл и нашёл». Не завоевал, а именно – нашёл. Однако предпочтение отдаётся всё же красоткам другого типа, южного темперамента. Свежим, бойким, с равномерным загаром.

Это должно случиться примерно так. Ты фланируешь по улице – и первая же встреча, как фарами, слепит тебя красотой. И главное, ты ей почему-то жутко интересен. «Привет, – говорит она. – Я принцесса. Вот стою на углу, высматриваю жениха. Не ты ли это, одинокий прохожий?» В ответ звучит плоская шутка, от которой красotka складывается по полам, хохочет, как сумасшедшая, не забывая при этом поправить волосы и маленькую корону.

От тебя, дружок, не требуется ничего – ни стихов, ни денег, ни подвига. Достаточно пошлого комплимента – и она твоя. А в придачу – полкоролевства, заверенного нотариусом.

Не сказать, что ты безнадежно глуп. Но в глубине своей робкой, ленивой души отчего-то искренне уверен – ты это действительно заслужил. По каким-то тайным, неведомым миру причинам тебя должна выбрать судьба. Именно тебя, а кого же ещё?

Увы, на самом деле судьба, особенно мужская, невероятно капризна, насмешлива, обожает притворство. И нередко прикидывается какой-нибудь хрупкой девицей с узкой талией и серебряным голоском.

Вот встречаешь ты её, скажем, в обычном баре, куда случайно забрёл. А она сидит нога на ногу у стойки, потягивая сухое вино. В ушах – наушники, и девица, подчёркнуто одинокая, слегка раскачивается в такт своей внутренней музыке.

Кругом полно разгорячённых водкой самцов, но никто не смеет к ней подойти. Кроме тебя, старого мудака, романтика-передвижника.

Разве ты ещё не понял, что эта девушка – смерть твоя, Пётр Иванович? Нежная, ласковая, загадочная.

Подойди, не трусь, познакомься.

Девушка в белом

Тёплые волны молодости, чёткие движения, ясный взгляд.

Что она с тобой делает? Всё, что захочет. Ей лучше знать. Мычишь в ответ на участливое: «Не беспокоит? А если так?»

Понимает тебя как никто. Глядит с напряжённым вниманием. Это первая девушка, которой ты интересен с открытым ртом, но без слов. При нулевом красноречии. Шуток не ждёт, на мычание реагирует. Терпеливо, доброжелательно.

У тебя в первый раз такое. Редкое сочетание тупой боли и острого удовольствия. Потая от радости, чувствуешь себя извращенцем. Оказывается, это приятно.

В конце она ласково говорит: «Ну вот и всё, сплюньте! Зубик я вам подлечила, теперь как новенький...»

Уходишь смущённый, растерянный. И думаешь: «Зубы уже хорошие, а счастья по-прежнему нет. И нет больше повода для встречи».

В твоём возрасте за любую радость надо платить. Счёт предъявят внизу, на кассе. Причём такой, что ты офигеешь.

Репетиция

РЕЖИССЁР (*свераясь с листочком*): – Маша сидит, Игорь выходит...

ИГОРЬ: – Откуда?

РЕЖИССЁР: – Тут написано – «из-за дерева».

ИГОРЬ: – Милая, выходи за меня!!!

РЕЖИССЁР: – Игорь, я сказал – выходи, а ты выбегаешь. Медленно, из-за спины, пусть вздрогнет. И не надо орать. Спокойно, без угрозы...

ИГОРЬ (*вкрадчиво*): – Милая, выходи...

МАША: – С удовольствием!

РЕЖИССЁР: – Стоп! Маша забыла вздрогнуть и обернуться. Дай человеку договорить, он не успел сказать – за кого.

ИГОРЬ: – За меня?

МАША: – С удовольствием!

РЕЖИССЁР: – Маша, не вскакивай! Не кидайся к нему, как шалава. Представь, что ты порядочная девушка. Робко улыбнись, сделай паузу. Ещё раз!

ИГОРЬ: – Милая, выходи за меня?

РЕЖИССЁР (*нетерпеливо*): – Ну, Комиссаржевская, чего тупим?

МАША: – Паузу делаю.

РЕЖИССЁР: – С таким лицом – лучше не делать. Набычилась – и молчит! Тут, барышня, не МХАТ. И даже не Мордовский академический...

МАША: – А чё сразу – лицо? Нормальное у меня...

ИГОРЬ: – Ну да, на любителя.

МАША: – На себя посмотри, чучело!

ИГОРЬ: – Дура!

РЕЖИССЁР: – Эй, молодёжь, потом разберётесь! Давайте снова. Игорь, встань сзади слева наискосок. Не знаешь, где лево? В армию загребут – узнаешь. А где у нас искосок? Вот, правильно, теперь выходи.

ИГОРЬ: – Милая, выходи...

МАША: – Да пошёл ты! Не пойду.

РЕЖИССЁР (*заинтересованно*): – Почему?

МАША: – Гордость проснулась! Девичья.

ИГОРЬ: – Что проснулось?

МАША: – Шеф, он меня душой назвал!

РЕЖИССЁР (*задумчиво*): – Да, назвал, это правда... Зато возникла эмоция. Напряжение, искра. А может, вообще изменить эту сцену? Пусть герой умоляет, ползает на коленях. Героиня, как дура, упёрлась: «Не пойду за тебя, не пойду!»

МАША: – Ну, это уж перебор. Я бы пошла, но пусть извинится.

ИГОРЬ: – Маша, прости! Выходи?

МАША (*изумлённо*): – Ой, кто здесь? Куда выходить? За кого?

ИГОРЬ (*неуверенно*): – За меня?

МАША: – С удовольствием!

РЕЖИССЁР: – Уже лучше. Появились глубина, подтекст. Герой теперь меньше похож на маньяка, героиня – на идиотку. Я ведь предупреждал – пьеса сложная: в ней мало слов. Играть тут нечего, автор халтурщик, хотя и талантливый: писать левой ногой – это не каждый умеет... А вы, молодые люди, запомните: актёр обязан думать на сцене! Не только булками шевелить, но и мозгами.

Куда не хожу

- К врачу, чтобы не расстраиваться.
- На выборы, чтобы не ошибаться.
- На встречу с другом, чтобы не разругаться.
- В библиотеку, чтобы не унижаться. Там стеллажи с книгами, написанными не мной.

Хожу только на работу, там имею всё полной ложкой: ошибаюсь, унижаюсь, расстраиваюсь. И бездарно ругаюсь по телефону. Но за это мне платят деньги. А в других местах за то же самое – ни копейки!

Семья на прогулке

Возможно, он только притворяется малышом. Судя по глазам, ему лет сорок, не меньше. С виду – нежный одуванчик, а взгляд недобрый, холодный, цепкий.

Дерзкий шантажист, провокатор в коротких штанишках. Он требует купить всё, что случайно увидел. В ценах не разбирается, но выбирает самое дорогое. В случае отказа немедленно угрожает:

– Щас у дяденьки попрошу, он добрый!

Подлетает к первому встречному. С гнусной ухмылкой клянчит деньги «на хлеб». Родители в ужасе бегут следом. Краснеют, оправдываются: нет, вы не подумайте, сынок ни в чём не нуждается, это у него шутки такие, простите.

– Славный парнишка, – оценивает прохожий. – А ремнём по жопе не пробовали?

Ну что вы, разве можно? Это ведь чудо маленькое, ангел во плоти, золотые кудряшки, вылитый Володя Ульянов в детстве. Это и бабушка подтвердит, который Ленина помнит. «Я, – говорит, – носил его на груди, будучи ок-

тябрёнком. Симпатичный такой, с кудряшками, мать его за ногу...»

Нет, вообще-то сыночек у них хороший, миленький, считают родители. Но с хрупкой психикой. Поэтому лучше его не злить. Не возражать, не спорить. Им надо просто восхищаться, и всё.

Этот ребёнок – глава семьи. Хозяин папы и мамы. Гроза двух бабушек и того самого дедушки с тёмным октябратским прошлым. Малолетний авторитет, лидер ячейки общества. Власть его абсолютна.

И дело вовсе не в игровой приставке, не в новом велосипеде. А в том, чтобы в очередной раз проверить границы собственного могущества.

Он плод взаимной страсти. Бурной, но короткой. Роман закончился, родители отцвели. И у них возникло новое взаимное чувство – нелюбви. Искренней и глубокой. Зато они без ума от своего отпрыска. Более того, благодарны ему. Ведь на нём, в сущности, всё и держится. Без него семья давно бы распалась. И маленький негодяй это чувствует. Поэтому ни в чём себе не отказывает.

Кульм мелкой личности – вот что объединяет многие неблагополучные семьи.

А может объединить и целую страну – огромную и несчастную.

«Спи спокойно, дорогой товарищ...»

Время не лечит, оно калечит. И своих, и чужих. Преобладают ничьи – эти хорошо сохранились, но не котируются.

Врагов почти не осталось – стареем!

Кто отравлял нам жизнь, отравились сами. Матёрые недруги угодили в собственные капканы. Яд выдохся, порох отсырел. Некому ударить в спину, спрятаться за ковёр и подбросить платок. Подлецы спились, предатели эмигрировали, клеветников разбил паралич. Ловеласы-соперники коченеют в постелях – уже не с нашими женщинами, а с инсультом.

Годы берут своё. И увядшая справедливость – тоже. Вернее, забирает обратно, выскочив из тёмной щели, которая считалась засадой.

Обрюзгшая добродетель выползла на улицу и торжествует, бодро стуча палочкой по тротуару – она умела ждать!

Всех победили. С помощью возраста, лени, умеренности и внутренней чистоты. Путём естественного отбора. Как Илья Муромец, который через 33 года слез с печки, вышел в поле, а сражаться-то не с кем! Идолище Поганое одряхло, едва шаркает. Соловей-разбойник давно не свистит – зубы выпа-

ли. У Змея Горыныча – болезнь Альцгеймера, родные головы друг друга не узнают...

Недруги рассеялись и затихли. Но и нашу армию потрепало. Остался маленький партизанский отряд – толстые ветераны тревожной молодости. Иногда встречаемся на узких улочках, пытаемся обняться, стучаясь животами...

Многих товарищей мы и сами не сберегли. Даже наоборот – избавлялись от них, как от опасных свидетелей.

И вот пора устроить последнюю переключку. Подобрать раненых, недобитых, невыслушанных, непрощённых.

Пересчитаем оставшихся, сомкнём ряды, ужаснёмся...

Берегите друзей! Им произносить надгробные речи.

Оставьте четверых, плечистых. Чтобы не уронили.

И с хорошо подвешенным языком. Способных вместо «Чё, будем закапывать?» произнести длинный и вполне связный текст.

Покойнику всегда приятно услышать что-нибудь трогательное. Ну, например: «Это был талантливый человек. Хромой, как Байрон, близорукий, как Грибоедов, некрасивый, как Лермонтов, он подавал большие надежды. Вплоть до своей кончины на шестьдесят девятом году. Природа щедро обделила его всем, но усопший не отчаивался. Вся его жизнь – это лебединая песня. И вот теперь старуха с косою подрезала белые крылья...»

Растроганные друзья перечислят ваши тайные добродетели, которые вдруг обнаружатся. Дикого, угрюмого гордеца, презиравшего весь мир, объявят застенчивым и ранимым. Циничного пошляка – душой компании, вздорного грубияна – «человеком сложным и противоречивым».

Разглядывая блестящий от поцелуев лоб, провожающие воскликнут:

– В добрый путь, Стёпа! Как говорится, большому кораблю – большое плавание. Ты был весёлый человек, не забудем твои каламбуры. Ну, например: «Тара без дна – это бездна». Это ведь ты сказал: «Не смейтесь над женщинами и под ними». Вспоминается также: «Ситиус, альтиус, коитус!» И многое в том же духе. Своими неуклюжими, но добрыми шутками ты умел иронизировать атмосферу. Искря юмором, легко заводил любую компанию, не говоря уж о дамах...

А Стёпа лежит тихо, не возражает друзьям. Это про него сейчас скажут:

– Многим людям ты сделал приятное, не получая взамен. Мог расплакаться над несовершенством мира. Мог расплатиться за всех в ресторане. Был способен крикнуть в глухой подворотне: «Вон тех двоих я беру на себя!» Тебе говорили – не бери, уже ночь, и это опасно. Но ты лишь смеялся: «Ну что же делать – мне обе нравятся!» В общем, ты был смел и всегда готов на красивый поступок, о чём имеются протоколы и показания очевидцев. И за это мы любили тебя, Степан. И до ужаса жалко, что бестрепетная рука смерти вырвала тебя из наших рядов...

Да, смерть – она такая, бестрепетная. Вырывает, выдёргивает. Не глядя, как сигареты из пачки. И плевать ей, что каждый был чьим-то приятелем,

родственником, одноклассником, сослуживцем, любовником. На худой конец – собутыльником.

Где-то после сорока вдруг замечаешь – мертвецы пошли косяком. Журавлиным клином пластают небо, и в том строю... Причём в непонятной последовательности. Вызывают не по алфавиту, как в школе. Не по дате рождения, что логично. В метрику не заглядывают, медицинскую карточку не листают. Даже результаты последних анализов значения не имеют.

Кажется, будто всех твоих знакомцев-приятелей разом вытолкали на минное поле. И оттуда доносятся истошные вопли: «Санитары, где санитары?! Зинченко убит! Клебцов ранен! Петракову башню снесло!»

Башню-то ему давно снесло, как только он стал важным перцем. Но на сей раз – в прямом смысле. Мчался Петраков на ответственное мероприятие. А навстречу – безответственный плитовоз. Тут и выяснилось, кто сильнее: надменный «Лексус» или честный МАЗ-работяга.

Вроде и не в морской бой играем, но очень похоже. Вот тот же Петраков-линкор был последовательно накрыт плитами, которые съехали одна за другой: Д1, Д2, Д3... По-пролетарски расплющило, не отскребёшь.

Не успели толком оплакать, как рядом уже кричат: «Рюмин упал! Гладков покачнулся и замер. Силуянов в реанимации, не сегодня-завтра...»

Естественно, общая паника: «Как, почему, что стряслось?!»

Ну расскажут нам – что. Кому от этого легче?

Разве мы успокоимся, узнав, что Данилянц всего трёх дней не дожид до выхода из запоя? А здоровяк Сазонов скончался после тренажёрного зала. Извините за интимную подробность, в душевой кабинке. Мурлыча песенку, встал под ледяную струю – сердце остановилось.

Так что образ жизни совсем не влияет. Бедняга Кузьмин, кстати, вообще сторел. Не на работе, но вместе с коллективом. А также с баней и дачным домиком. Накануне успел сказать: «Эх, с понедельника завязываю!» А в четверг уже хоронили...

Возраст у нас такой, что любую газету мы читаем теперь с последней страницы. От траурных рамок рябит в глазах. Будто в городе – эпидемия бубонной чумы: *«И льстится жатвою богатой, и нам в окошко день и ночь стучит могильною лопатой»*.

Телефонную трубку берём с опаской. Оттуда могут вкрадчиво спросить: «А ты ведь знал Эвальда Яковлевича?»

Это «знал» – в прошедшем времени – как удар в висок. Не телефон звонил – колокол. Вот сегодня – по старике Лемперту.

Все почему-то думали, что человек с такой элегантной фамилией уж как-нибудь выкрутится, проскочит.

Но нет, не проскочил симпатяга Лемперт, холёный эстет с бархатным голосом и горячими рубиновыми глазами. И для него нашёлся дорогой футляр из красного дерева.

Если уж Эвальд Яковлевич не выкрутился, что говорить про несчастного

Кузьмина? Только раз в жизни и повезло мужику. Да и то после смерти. В морге, на опознании. Там было семь обгоревших трупов, двадцать восемь безымянных конечностей. Но выручила пороховая татуировка «КУЗЯ» – и это значит, что схоронили мы именно его, а не любого из нас.

Стопку водки, накрытую горбушкой, прими от нас, Кузя. Теперь, увы, трезвенник.

И послушай, что мы скажем на поминачном толковище. Мол, друзей, как и родину, не выбирают. И что старый друг лучше двух подруг. И что хороший ты был мужик. И что такие, как ты, на дороге не валяются, хотя всякое бывало. И что видали мы тебя разным – и на костылях, и в гипсе, а вот в мраморе не можем себе представить. Да, ты не из тех, кто остаются в граните, на пьедестале. Зато в сердцах друзей – навсегда.

Вот так примерно. Хотелось бы ещё сказать, но нечего. К сожалению, это всё, приятель. А ты как думал?

А ведь и я, вероятно, чей-то друг. И плечи мои оценивают, и берегут с той же целью. Прикидывают, сумею ли донести. Донести до публики те последние слова, которым даже уста не нужны, ибо сами собой произносятся.

Всё чаще я слышу: «Старик, классную речь толкнул! Тебе только на кладбище выступать. Про мёртвых хорошо говоришь, с неожиданной теплотой».

Ладно, отвечаю. Если что – обращайтесь. Это я с удовольствием.

Хотя дело вроде нехитрое. Спросите профессиональных плакальщиц, они подтвердят: главное – выдавить из людей первую слезу. Дальше пойдёт веселее...

Всякому покойнику можно найти оправдание. Даже, например, прокурору. Да, он зачем-то пересажал половину города. Но ведь половину оставил! И ещё, говорят, любил животных. Дома держал попугая, сам чистил клетку. То есть относился к птице по-человечески.

И вот – последние почести: венки от Минюста, гвоздики от военкома, орден на подушечке да безрадостный триколор: лоб белый, гроб красный, мундир голубой.

Ну да, он зачем-то служил прокурором. Что тут поделаешь, всякое бывает. Но ведь и для него, если подумать, можно найти несколько тёплых слов...

Или взять умершего журналюгу. Редкая шельма, конечно. У него не было ни одной песни, на горло которой он мог бы наступить. К тому же патологический лгун. Даже за деньги ни разу не написал правду.

А с другой стороны, разве он виноват, что с правдой его ещё в детстве не познакомили? Не сказали: «Запомни, сынок, вот так она выглядит».

Зато усопший немало претерпел от героев своих публикаций. Его, например, часто били на улице. При этом борзописец никогда не терял здорового чувства юмора. Помнится, любил приговаривать: «Главное в жизни – никому не дать себя обвести! Особенно – мелом, по контуру».

И ведь не дал же, не обвели. Поскольку труп его выловили в реке. Вроде и речка-то была мелкая, как и сам этот человек, а всё равно жалко. И на клад-

бище собралась огромная толпа, и многие рыдали так, будто хоронили, по крайней мере, Махатму Ганди.

Бедная добрая провинция, как любишь ты скорбные процессии, длинные речи, убогий пафос последнего торжества... Но как же ты благородна, провинция! Ибо умеешь жалеть и прощать. Сукиных детей своих, падших ангелов...

И всё-таки будем откровенны, прокурор, журналист или, скажем, налоговый инспектор («мытарь без страха и упрёка», как сообщается в некрологе) – довольно трудные случаи «похоронного дела». Ими непросто разжалобить публику даже в нашем маленьком городке. И чтобы погасить тайную радость в глазах, записному спичрайтеру надо проявить особое мастерство, высший пилотаж.

А вообще, если б я составлял инструкцию для траурных выступлений, то начал бы с простого совета: «Постарайтесь не заглядывать в гроб. Абстрагируйтесь. Не смотрите на усопшего – это добавит вам искренности».

Во-вторых, побольше лиризма. Вместо деревянных слов «скончался в расцвете сил» используйте такую, например, фразу: «Он уже не встретит свою шестьдесят девятую весну. Не услышит пения птиц...»

Сначала прослезится какая-нибудь дальняя, как остров Мадагаскар, родственница. Заметив это, всплакнут и другие наследники-конкуренты.

Первые сдавленные всхлипы – самые дорогие. Так сказать, ласточки вашего успеха. Но его надо развить. Поэтому, не делая паузы, усильте: «А также журчания внешних ручьёв».

Не стыдитесь цветистых банальностей – публика от них млеет. Траурный ритуал отполирован веками, и никакая пошлость его уже не испортит.

Завоюйте толпу, как первокурсницу на картошке. Дождавшись красных носов и затуманенных взоров, прощупайте её на предмет «гражданской лирики». Не забудьте сказать, что «судьба зачастую была несправедлива к покойному». Намекните на всяческие гонения, которым он якобы подвергался. Здесь уместны любые факты из тёмной биографии усопшего. Например, трудное детство в колонии для несовершеннолетних. Незаконченное (по идеологическим мотивам!) образование. Неудачи по службе, вызванные происками врагов и завистников. А эти его бесчисленные романы? А эта жалкая, оказавшаяся последней, попытка – уронив капельницу, соблазнить в реанимации санитарку? Всё это говорит о том, что у человека было большое сердце, всегда открытое для любви. Но большое сердце – это хорошая мишень для сплетников.

Хронические запои можно легко объяснить несовершенством мира, скандальные разводы – женским коварством, а природное косноязычие – непониманием окружающих.

«В сущности, он всю жизнь боролся с холодной и беспощадной системой, – подытожите вы, не уточняя – с какой именно. – Его ранимое сердце страдало от человеческой низости и постыдного равнодушия».

Важно произносить всё это в ритме «Песни о Буревестнике». В кульминационный момент уместна и прямая цитата: «Пускай ты умер, но в песне смелых и сильных духом...»

Не брезгуйте такими словами, как «долг», «Отчизна», «беззаветное служение», «реет» (кстати, глагол «реет» в русском языке такой гордый, что обслуживает всего два существительных – «флаг» и «буревестник»). Представьте на миг, что в гробу лежит не гнусный старикашка Н., а молодой, сражённый чахоткой Николай Добролюбов.

И наконец, всегда используйте погодный фактор. Если на кладбище начался дождь, значит, «небо заплакало». Если повалил снег – «вот ещё одно доказательство чистой жизни усопшего». Ну а солнце – вообще подарок: «Посмотрите, как его светлой душе радуется сама природа».

И вот когда исторгнется общий вздох: «Каких людей теряем!», а тётя-«мадагаскарка» начнёт заваливаться в холодный обморок, вы, как опытный матадор, пустите в ход разящую фразу-бандерилью:

– Спи спокойно, дорогой товарищ, ты это заслужил. Знамя, выпавшее из твоих честных рук, мы подхватим и понесём дальше!

Какое, на хрен, знамя, куда и зачем его надо нести, уточнять не станут. Знамя – это просто метафора. Такая же условность, как и весь похоронный обряд. Страшный, лживый, бессмысленный...

Вот к какому выводу нас занесло. Вместе с покойником. Что это, дескать, отвратительный фарс. И что нет на свете ничего более мерзкого, чем фальшивое горе.

Но ведь вы-то, автор пылких речей, были, надеюсь, по-настоящему искренни? Хотели расшевелить всю эту равнодушную говядину. Пусть, мол, люди проникнутся светлой скорбью...

Чего вы, собственно, добивались? Да очень просто. Чтобы провожающие хоть на миг забыли, как некрасива, физически неопрятна любая смерть. Как «виновника торжества» наспех собирали в дорогу. Без святого причастия, с непереваренным шницелем в желудке. И место упокоения бедняге досталось некозырное – в дальнем низком углу огромного поля.

Кладбище похоже на солдатское, верхушки крестов торчат из-под снега... Шли, спотыкаясь, и один из четвёрки негромко выругался: «Тяжёлый, кабан!»

А затем – поминки в подвале, в институтской столовой, потому что так дешевле. И неизбежно все перепьются, и слова прощания будут звучать как тосты. И самый глупый из нас обязательно скажет: «Прочитана Книга судьбы, и захлопнулась крышка гроба!»

Забудьте об этом, не берите в голову. Ибо – неправда!

То есть правда, конечно. Но слишком мелкая, чтобы её замечать. А настоящая – в другом. В том, что не бывает на свете людей, которых нельзя оплакать. Хотя бы один-единственный раз.

Оплакать не чью-то конкретную жизнь, тусклую и бездарную, а Божий за-

мысел, что так и не воплотился. Искру Божьей надежды, погасшую в человеке.

Взгляните всё-таки напоследок, не брезгуйте. Полюбуйтесь им, как закатом.

Вот он лежит окоченевший, прямой и жёсткий, как велосипедная рама. На гладкой подушке – мелкое жёлтое личико, недовольная складка у рта. В общем, весьма похож на себя самого... А веки-то вздрагивают! Наверное, показывают ему тот *последний фильм*, которого не избежать никому...

...С самого начала, с чёрно-белых кадров. Сумерки сознания, камера дрожит по-любительски. Огромные снегозаградительные заборы, похожие на рёбра мёртвых китов. Невероятных размеров крыши, сараи, ледяные горы. Роскошные, как восточные базары, помойки... Среда обитания. Чумазый посёлок, территория мрака и холода. И жестокие игрища юрких зверьков, которые умеют только прыгать, догонять, убежать.

Лет до семи, пока он целился в мир из деревянного ружья, взрослые обращались с ним ласково: «Ах, ты маленькая сволочь!» Улыбаясь, говорили: «В кого же ты вырастешь, подонок?» Потом затихли, перестали спрашивать: стало ясно – в кого.

В лабиринте школьных коридоров, на ристалищах-пустырях, где ходили стенка на стенку, в кирпичных халабудях теплотрасс, куда пускали только «правильных» пацанов, продолжалось то, что принято называть детством. На самом деле это была вполне себе отдельная жизнь, столь же непутёвая, как и последующие. А закончилась она синим картонным аттестатом, розовым портвейном и первой девочкой в холодном подъезде.

Потом снова где-то учился, дрался, выпивал, совокуплялся украдкой. Тусклый свет, низкие потолки – тревожная молодость, растроченная впусую.

И всё это, как покажут в кино, происходило в глухих, непонятных местах. В неприютных северных городках с труднопроизносимыми названиями – таких маленьких, что поезда дальнего следования целиком не умещались на станции.

Но мелькнут и цветные кадры. Иначе не передать безумных радуг, вспышек опасных. Всего, что создаёт вокруг себя роковая женщина восточного типа.

Несмотря на отдельные знакомые в ней места, она так и не запомнилась целиком. Потому что всякий раз меняла походку, голос, цвет волос, геометрию тела и даже размер обуви. О чем свидетельствовали разнокалиберные туфельки, иногда дружившие в прихожей с его единственными башмаками.

При первой, якобы случайной встрече последовал тектонический сдвиг. Он вёл себя как мост, сорвавшийся с опор. То было радостное предчувствие катастрофы. И ощущение свободы, которое очень скоро не подтвердилось.

О, эти невинные глазки! Первым же залпом они способны снести верхнюю палубу. А дальше ты уже плывёшь без руля и ветрил...

«Наконец-то! – сказал он. – Я тебя не увидел на небе, а вычислил, как плыть Нептун».

Ответом было недоумённое молчание. Ну как ещё реагировать на подобную хрень?

И тогда он подумал: «Надо бы навалиться, чтобы выдавить из этой женщины хоть одну маленькую улыбку».

И навалился. Вспыхивал юмором, сверкал иронией. Его плоскими шутками можно было утрамбовать средних размеров морскую впадину. А количеством прочитанных в полумраке стихов (откуда что взялось?) он наверняка превзошёл размашистый киргизский эпос.

Слушая всё это, она сидела, испуганно забившись в угол, глядя на него, как Наташа Ростова на поручика Ржевского.

Эти двое были из разных анекдотов, из разных фильмов, их личные истории никак не склеивались.

Но он не отступал. Правда, иногда пошучивал: «Мы в ответе за тех, кого придушили!»

А и впрямь хотелось её придушить. В буквальном смысле. Дабы избавиться от наваждения.

Вот только не надо скептически ухмыляться! Много ли вы знаете о тех красавицах ледяных, заколдованных? Есть, говорят, против них три заветных ключа, семь особых заклятий. А больше ничего не поможет. И «методом тыка» действовать бесполезно. Тем более – в физиологическом смысле...

Вот представьте: жил себе человек и не парился, дышал свободно. По своему усмотрению перемещался во времени и пространстве. Но однажды вдруг потерял равновесие, упал, разбился...

«Ты арбузная корочка моей судьбы», – ласково называл он свою пассию.

В ответ её передёргивало как затвор. И глаза темнели от ненависти.

Ну, а кончилось всё это скверно. Ничем!

Но любовь его остывала медленно, словно чугунный утюг. По инерции добивался, преследовал... Главным образом из упрямства, такого же безумного, как и в начале.

Зрелые годы прошли легко и сумбурно, в памяти не застряли.

Грехи молодости плавно перетекали в старческие пороки.

Но ничего конкретного, яркого. Непонятно даже, кто его окружал в ту пору. Этих случайных людей покажут в основном со спины, а их слабые голоса потеряются в шуме времени.

В общем, скучная картина, серое кино. Была такая киностудия – «Узбекфильм». Вот там подобные ленты снимались. И в финале мудрый аксакал обязательно произносил какую-нибудь назидательную фразу типа: «Высох арык, крестьянам – кирдык!»

Да, высох. Не «цветёт урюк под грохот дней», и по дну Аральского моря ползают скорпионы...

Но наш маленький герой ждал до последнего. Непонятно, правда, чего именно. Важных событий? Сигнала, вспышки, озарения? А может, пробуждения таланта, который он в себе тайно подозревал?

Талант и в самом деле имелся. Но очень скромный, маленький. Стыдно было показывать, особенно – женщинам.

А ещё бедняге мнилось, будто однажды произойдёт чудесная встреча. Появится некий загадочный связник: «Держите секретный пакет. После ознакомления – уничтожить!»

Под сургучными печатями он обнаружит (только не смейтесь!), ну, например... подробный план спасения мира. Грубо говоря, человечества.

Это вам не какая-нибудь «миссия в Кабуле», тут покруче замес. И сердце радостно ёкнет.

– Да, интересная диспозиция, – скажет он, тупо разглядывая цветные стрелы – план военной кампании между Землёй и Небом. – А мы с вами, товарищ, в принципе за кого – за чёрных или за красных? Тут ещё и жёлтенькие значки... Ах да, извините... Засиделся я, знаете ли, без настоящего дела. Думал – забыли уж про меня.

Связник (он непременно будет похож на артиста Джигарханяна в шляпе), нервно закурив, ответит:

– Как же вас можно забыть, товарищ? Вы у нас вот где засели! В стратегическом резерве. Сейчас отправим на самый трудный участок. Ситуация, между нами, непростая... Наверху есть мнение, что на вас теперь вся надежда.

«Ну да, на кого же ещё», – восторгался «незабывтый герой», упиваясь своими нелепыми фантазиями, утешительными, прекрасными.

Господи, ну почему ж его не взяли в эту большую взрослую игру, где такие красивые стрелочки?

Мир бы он, конечно, не спас, будем откровенны. Но жизнь бы отдал с удовольствием.

Отдашь, куда денешься! Безо всякого удовольствия. Просто так, даром. Да и кто бы тебе показал секретный план – вдруг запомнишь?

Быть верным, красиво умереть – вот оно тихое самурайское счастье. Другие человеческие счастья казались ему мелкими и позорными.

Нет, дружок. Кто был ничем, тот стал никто. Связника не пришлют, подвига не назначат. А просто молча схватят да грубо поволокут: «Давай, мужичок, досвидос!»

И вот лежит он теперь в цветах-ленточках, глазки прищурены, весь такой важный, напудренный, в дорогом костюмчике, каких сроду не носил. И люди вокруг собрались тоже приличные, хорошо одетые. Атмосфера торжества, почти праздника, и пафосные речи звучат. А всё равно противно! Особенно крышка смущает, приставленная к соседней ограде...

Выходит, что главного в его жизни так и не случилось. Напрасно ждал. Дождался только цирроза печени, неизбежного при затяжных фрустрациях, усугублённых систематическим алкоголем.

Когда-то он весело думал, будто старость – это полная свобода. До нирваны – рукой подать. Ведь желания кончились, и терять уже нечего. Кроме вставной челюсти.

Но потом стало не до шуток. Старость пришла, вонючая, грязная, и много всякой ерунды принесла в своих мешочках-котомочках: ревматизм, собес, безденежье...

И теперь из жалких, из тёмных своих времён он испуганно вопрошает:

– Как? Неужели – всё?!

– Без вариантов, – отвечает неизвестно кто и откуда. Удивительно, что голос похож-таки на джигарханьяновский. Но тон совершенно развязный, глумливый. – Как говорится, пипец – делу венец!

Что за хамство вообще? Он-то иначе себе представлял. Свет небесный, звон хрустальный...

– Ага, щас. Зазвенит в одном месте.

И тому подобное, трамвайный юмор...

– Каждый человек возделывает свой ад. В меру способностей. Вот ты себе и возделал – нелепый, дурацкий, – продолжает неизвестно кто. – А знаешь, дружок, почему ты не понял Божьего замысла? Отгадай с двух раз...

– Я так долго искал свой истинный путь, что по дороге окончательно заблудился...

– Не надо пыжиться! Всё гораздо проще, мужик, только не обижайся. Дело в том, что ты, честно говоря, козёл. Самый обыкновенный. Ну, в лучшем случае – винторогий.

– В каком смысле?

– В смысле – мудак конченный! И вообще, не надо ля-ля... Был молодец, стал холодец. Помер Максим, и хрен с ним.

– Я не Максим, вы перепутали.

– Ну, это поговорка такая. Как же ты поглупел после смерти!..

А ведь только что говорили совсем другое, приятное. Никто ж не сказал: «Что нам смертишка какого-то старикашки?» Нет, звучали красивые пылкие речи.

На кладбище собралась элитная публика, лучшие люди города. И какие у них замечательные лица, помолодевшие на лёгком морозце! Добрые, круглые, розовые, словно взятые с лубочной картинки...

Но все слова произнесены, караул устал. И добавить нечего. Если кто и хочет добавить, так это могильщики, интеллигентного вида бородачи с лопатами, похожие на молодых археологов. Ну а бывшие приятели уже вовсю сучат ножками, предвкушая застолье, водку, жирные пироги...

И только усопшему спешить некуда. Он явно напуган, ему хочется крикнуть: «Крышку, гады, не заколачивайте! Умоляю, не расходитесь... Я бы ещё

послушал... Вот ты, толстенький, в очочках, что ты там говорил про невозможную потерю? Хорошо получилось, душевно... Вам ведь и вправду горько меня потерять? И скорбь ваша на самом деле безмерна? И память обо мне навсегда останется в ваших сердцах?»

Чем утешить беднягу? Нечем, друг, извини. Только пошлыми сентенциями типа: знать, судьба такая, на роду написано, все там будем.

Смерть никогда не спешит, но и не опаздывает. Она, как литературный поезд, приходит точно по расписанию. И вот объявляют: «Пора! Родные, отойдите от гроба! Покойный, не задерживайте провожающих! Не ждите повторных аплодисментов, не превращайте похороны в бенефис, это вам не театр... Не цепляйтесь за свою никчёмную жизнь. И за друзей своих, мифических, тоже. В сущности, вы ни с кем не умели дружить. Даже с собственной головой-то – не очень... И вообще, жить надо быстро, умирать красиво. Или наоборот, что тоже неплохо...»

И полетят комья грязи, и застучат лопаты. Бум-бум, клац-клац...

Все сорок дней, мыкаясь по бесприютным холодным углам, заглядывая в равнодушные лица и тёмные окна, будет он вспоминать эти последние тошнотворные звуки...

– Всем стоять, слушать сюда! – вдруг заорёт тот самый «толстенький в очочках», до странности похожий на меня, но гораздо лучше, храбрее. «Зажигание», правда, позднее... – Я тут подумал... *Aut bene, aut nihil?* Но в данном случае «хорошо» – это и есть «ничего»! А вы, господа, вообще в курсе, что дорога к звёздам, к свету небесному лежит через темноту? С одной стороны, парадокс. С другой – тоже...

Под яростные вопли: «Куда вы прёте, я ещё не договорил!» и «Личность покойного нуждается в уточнении!» участники траурного митинга ускоряют шаг. И каменные спины не дрогнут, и два автобуса на краю поля успеют прогреть моторы...

Но те, кто не сумел далеко отойти, споткнутся, притормозят. Неудобно всё-таки бросать товарища одного – под вечер, среди могил.

– В чём, собственно, драма? Где зарыто роковое противоречие? – продолжит странный оратор, обращаясь к кучке испуганных людей и свежему холмику. – Дело в том, что усопший бескорыстно любил жизнь. Но так и не встретил взаимности. Ибо дама она капризная, не всем даёт, умолять бесполезно. Что же получилось в итоге? Та жизнь, которую он хотел для себя, не сбылась. А другой ему и даром было не надо. Но пришлось, пришлось! Это и надломило беднягу. Из кожи лез, пытаясь изменить судьбу. Увы, напрасные потуги. Не всем же даются светлая красота, непобедимая душевная сила...

В детстве ему, как и всем, твердили: «Ничего не поделаешь, сынок, уж так мир устроен». И предлагали не вмешиваться. Но у пацана был характер ирландского повстанца. Его раздражало насилие и неравенство. Ему не нравилось, когда обижают женщин, стариков и собак. Мальчишка огорчали жестокие правила бытия. То есть мироустройство в целом.

У каждого из нас за плечами – мятежная юность. Всем в то время хотелось лечь на абстрактную амбразуру (молчи, Фрейд, молчи!) ради... ну, допустим, правды на земле. Которой нет и выше. К счастью, с возрастом это проходит. Усопший, конечно, не исключение. Пригасил фитилёк, жил тускло. На краю света, в маленьком городке. Однако не переставал ощущать себя членом тайного ордена. Глубоко внедрённым агентом. Причём так глубоко, что его потеряли. И всерьёз боялся, что запишут в дезертиры. Другой бы спился давно, а этот бегал по утрам, чтобы сохраниться. О, Господи, для чего?!

Он весь состоял из упрямства и нелепых клятв, которые дал себе ещё в детстве. Вы скажете – безумец? Да, наверное. Честно говоря, идиот. Но тут важно, что он остался таковым до конца. Мы же любим простые объяснения. Хотя на самом деле ничего не известно. Кроме того, что он мечтал о подвиге. А умер тихо, как хомячок в обувной коробке. Но ведь мечтал же, мечтал! И за это, я настаиваю, заслуживает снисхождения. Заслуживает, и не спорьте!

Человека, похожего на меня, аккуратно подхватят под руки: «Ну, хватит уже, эк тебя расколбасило...»

Вот дураки! Самого-то главного не услышат...

Что-то типа коллективного ходатайства. Перед Высшим судом. За друга нашего, свежепреставившегося:

«Господи, прибери его. Пристрой убогого. Хоть куда-нибудь. Не в самое скверное место. Тем более, он плохо переносит жару. Никчёмный был, как и все мы – это понятно. Но ведь не душегубец, не сволочь последняя, не предатель. Жил, как умел, иначе не получилось. Способностей, видать, не хватило... Но ведь и в нём было что-то доброе, симпатичное – брезжило иногда, угадывалось, искрило... И если хорошо повспоминать, если зацепиться за эту маленькую о нём правду, наверняка можно вытащить и Большую... Ты уж разберись, Господи, вникни. И прости нас за эту дерзкую просьбу...»

Ах, мои ушедшие друзья, как же я полюбил вас теперь – мёртвых! Только сейчас – по-настоящему.

Вот будет радости, когда встретимся:

– Что ты наплёл про знамя-то, помнишь? И как обещал его подхватить? Пацаны здесь тоже слушали – угорали. Ржали, как конная армия. Типа ямщик, не смехи лошадей... Но в целом ребята довольны. Без претензий. Это была твоя лучшая речь...

И, возможно, последняя. Ведь друзья кончаются, да и слова тоже.

Любопытно всё-таки – как Там? За тёмной рекой, за нежными облаками. Хотелось бы прояснить контуры инобытия, границы потустороннего, рамки дозволенного. Так сказать, с практической точки зрения. Интересны некоторые детали. Как, например, происходит встреча выпускников? Чем обнимаются, хлопают по спине? Уместны ли воспоминания, грубые шутки? И насчёт

анекдотов тоже сомневаюсь. Может, только шёпотом, в сторонке. Если Там есть – «сторонка».

– Да не бери ты в голову! – отвечают. – Нормально всё. Скоро и сам узнаешь...

Надгробная речь

– Что ещё сказать о покойном? Да, он многого не успел! Практически – ничего. И за это ему особая благодарность. Если бы успел, мы бы здесь не стояли – заплаканные, в цветах. Ибо даже самую тусклую жизнь может озарить романтика ранней смерти.

Он так и не расправил гордые крылья. Не унизил нас своей высотой, бреющим полётом над нашими головами. Не раскрыл свой мощный потенциал, что позволило избежать многочисленных жертв среди окружающих.

Он прошёл по жизни тихо и аккуратно, близоруко озираясь по сторонам. Никого не сшиб, не подрезал, не обогнал. Не прыгал через барьер, не обрывал победную ленточку. Не толкался локтями и ни разу не дал повода для упрёков: «Куда прёшь, козёл, а ещё в очках!»

Он не любил риска, скандалов, шумных зрелищ, азартных игр. Не сгребал со стола разноцветные фишки и с торжествующей ухмылкой не объявлял «каре». Всегда сторонился красивых женщин, сохраняя хладнокровие и полную невозбудимость. Не уводил жён чужих под уздцы, не уходил от ночных погонь, стреляя наугад в темноту. И не склонялся, хохоча, над трупом соперника. Потому что соперников у него не было.

На его совести нет рыдающих вдов и случайных детей от случайных связей. Разорённых семейных гнезд и разбитых сердец – ничего трагического, достойного громких проклятий.

Но давайте же честно, хотя и запоздало спросим: а почему, собственно? Откуда эта безупречная репутация славного добряка и тихушника? Откуда эти нелепые слухи о высоких нравственных качествах усопшего?

Перед лицом вечности будем откровенны: всё дело в патологической лени. Он был настолько ленив, что ни с кем не спорил и никуда не встревал. Отвергал любое активное действие, включая пьяный дебош и мелкий разврат. Поэтому считался скромным, порядочным человеком.

К несчастью, я знал его лучше многих и всегда подозревал худшее. Там скрывались такие бездны, такие омуты! По натуре своей это был холодный, бестрепетный негодяй. Он мог стать кем угодно – бретёром, шулером, чёрным маклером, ростовщиком, киллером или контрабандистом. Тайные силы дремали в нём, но не успели проснуться. Дикая природная лень иногда творит добрые чудеса.

Дорогие друзья и родственники покойного! Раз уж так вышло, может, оно и к лучшему? Смерть вырвала его из наших рядов и правильно сделала. Рано или поздно он мог открыть тёмные стороны своей души и натворить разных бед. И тогда не было бы той светлой печали, которая читается сегодня в ваших наивных глазах.

Я слышу ропот недоумения, но пусть горькая правда не омрачит нашего маленького прощального торжества перед тем, как захлопнется крышка гроба...

Вот только не надо хватать меня за руки, я сам уйду! Берите пример с усопшего – он всегда держал себя в рамках.

Спасибо за внимание!

**Елена
АФАНАСЬЕВА**

*Елена Евгеньевна
Афанасьева чужис
Удораын, Важгорт
сиктын. Гижö кывбуръ-
яс, висътъяс. «Енкöлаö
ыбöс», «Ву» – сълöн
кывбура асиöр книгаяс.
Челядьлы
лоины козинöн «Кути»,
«Дуда Платтьöа» да
«Дуда кимöститчö»
висътъяса небöгъяс.*

Тöв йылын тіралысь турун сі

(Кывбуръяс)

Менам Сад

1.

Тан став:
И лэбачъяс, и пуяс.
И енэж ры.
И пулöн вуджöр помö туйöс,
И воö рыт.

И гурйив воссö дзуртысь öдзöс,
И сöмын пыр.
А менам сёрмöм синва сöдзис
Дзик сёлöм тыр.

Ме кольлі челядьдырöс татчö,
И сера кöv.
Кön сійö нывкаыс, ог аддзы,
И гөгöр чöv.

Но век жö кодкö менö тöдіс:
– Но лок вай, лок! –
И содіс сёлöм тіпкан öдöй,
И сълі шог.

– Тэ Кадсö корсян... – шуис чöла. –
Со, ломты пач,
Тан регыд лоö вывті тöла... –
Чуйдіс тадз.

2.

Пуяс шувгöмын эм быдтор, весиг тайö:
Садті пышйысь шызьöм нывлön платтьö шы,
Коді лов тырöмön соддзас мыйкö вайö,
Гортас тэрмасьö, öд регыд зэрмас шыв...

Тöv ныр уськöдчас, и визув нывтö суас,
Сывъяс топöдлас... И сідзи ышмас төв,
Тайкö кок йывсьыныс льöм пуяссö нуас –
Муöдз кусыньтлас...
Но коркö усяс чöv.

Сэки мöдöдчылас медся кыпыд здукуыс,
Нывка кылö сылы тöдлытöм на шуд:
Сöстöм югыдсö со вайис – ставкöд юкас.
Но öд лэбачöс
Дыр ас дорад он кут.

3.

Тövруö, төвруö,
кысь бара воин
вой шöра войын?

Тövруö, төвруö,
пуксьыв мен воча,
бордьястö шойччöд.

Тövруö, төвруö,
ывлаыс рöмдö,
содъяс эн джöмды.

Тövруö, төвруö,
вөрзьöдін лолöс...

Мыйла и воліс...

4.

Пуяскөд сёрни

- Кытчө нө лэбанныд, пуяс?
- Сэтчө, көн гажмылө лов!
- Кодөскө аддзывлад туяс?
- Ставөс, код гортын оз ов.
- Мый нө ті юөртлад налы?
- Төв нырсө сувтөдыс кыв.
- Кодкө нө эскас мөй талы?
- Мойдкывйысь ичөтик ныв.
- Кысь тіян та мында выныс?
- Козьналіс вой төла лун.
- Пуяс өд оз лэбавлыны...
- Оз! Тэнө пөртмаліс ун!

5.

Нинөм лов вылын абу, весиг ичөтик тусь.
Кысь нө кывбурыс чужас? Оз өд енэжсыс усь.

Муслун кайөма вөрө, корсылі – вуджөр ни орт.
Бабөн садитлөм кыддыс лои медматыс ёрт.

Талун арталі, кымын коли чаль йылас кор.
Төвру пөлыштис найөс, лои гажтөм и нор.

Мыйөн чуймавны аски, мыйөн гажөдны син.
Кучкас рос өшинь таскө, сөмын лолам оз ин.

Восьта синмөс мөдасув – ывла югыд да чиг.
Еджыд платтёа ичмонь бара дивуйтө сикт...

6.

Н. Н.

Кодкө-м туналіс – төвруө пөрлі,
Понді гылөдны пу вылысь кор.
Сэсса дышөдіс, шатовті вөрлань,
Мезді везөтөн пырзёдөм шор.

Төвру өдөн и чикышөс сулі.
Вайлі кымөр, но тшөкмуніс зэр.
Мулань исковтлі, лысва войт юлі.
Чусмөм кор пөвстын чөскыда зэв

Здук и ойбыртлі, сэк сөмын вунлі,
Мый и төврулөн удж
юр выв тыр.
Шуам, талун мен колө на нуны
зарни кор... кодөс виччөны дыр.

Төв йылын тіралысь турун сі

1.

Важгортын

Рыгнас кобис.
Зэрыс вөлі помтөм.
Шлёпка-муна йөвла Лидь тьöt ордө.
Туй пөлөныс сымда керка овтөм,
И быд өшинь мыйкө асьыс вордө.

Рөмыд пиас видзөдчөны чөв-лөнь.
Водзө муна, кизьөр няйтсө лоя.
Өти керка, быттө Оля чойө,
Мөдөма тшөтш Лидь тьöt ордө йөвла.

2.

Гожся войө дзевсьөм видзьяс вылын
Өкта дзоридз, пыжөн вая аскөд.
Туйыс татчө волыны, дерт, ылын,
Но ме төда – выльысь локта аски.

«Мый он узь сэн, шойтан? – тоткө пөчө. –
Код нө вайлө гортө узысь турун?»
Сьолөм менам дзоридз пиас нөйтчө.
Сьолөм менам дзоридз пиас дурө.

3.

Ассьыс аньос виччө сийө.
Менө – оз.
Шудыс оз лок сылөн киө,
Тыртөм поз.

Менам сьолөм быттьө лэчкын.
Ёнтө дой.
Синва чужөмбанөд лэччө
Лун и вой.

4.

Тэ купальнича рөма платтьө меным
Он вур, мед дикмөм видзсө келі сыөн
Да тэнсьыд руа радейтөмтө вені.
Тэ төдан – менө виччысьө сэн кыа.

И платтьөтөгыд пета сылы воча
Да морөс бердө кутла талун сийөс.
...А татшөм здукуыс овлө вывті шоча,
Кор радейтөмсө висьталөны кияс.

5.

Д. Г.

Эновтөм керкаө шыв пырис Төлыс,
Ышловзис шога.
Медпыді пельөссиянь шыасис Чөлыс:
– Кутшөм нө мөгөн?

– Шойччөдны колө мен лёнькмунөм бордйөс,
Вуджи кузь вөлөк.
– Ме тані өтнамөн вөтын моз ворда,
Узьмөдчы, колөк.

Чөвлунлысь сёрнисө Төв вой чөж кывзис.
Мый сійө мойдис?
Казявлам ми Төлөн разөдөм кывсө
Лысвалөн войтысь.

6.

Чойкөд сёрни

– Пало, Пало,
Дыр тай узян талун,
Сись он öзт, Дуковнатө он восьт?

– Кули, чойө,
Карпан ягө калы.
Пөжастө да чайтө отад* босьт.

– Сэсся, инө,
Некор ог и аддзыв
Путшкымдинсьыд тэнө, дона чой?

– Мый нө меысь,
Вөдзө кызкө ачид,
Код ордын кө узян öти вой.

– Код нө эськө öнi
Берег дор моз
Кольөдас, кор вөрзяс менам пыж?

– Кольөдчылi нэм тай –
Весиг дзорми...
Мый ог вермы, абу менам мыж.

– Шонди-чойө,
Висьтасьтөг тай кулин.
Кодкөд понда юкны шуд ли шог?

– Чукөрмас мый лолад,
Шөпкөд Вулы,
Сійө лоө орччөн, ме нин ог.

---

*От – уд. чышъян.

– Йылөмыд нө кызди
Өні тэтөг?
На понда мөй сьолөмыд оз пот?

– Кыдз нө оз?
И весиг синва петлө,
Налы тусьсө таво эг на вот.

– Шу мен сэсянь мыйкө,
Тэ өд кужан,
Велөдөмыд лоө мекөд пыр.

– Уна вөлөк на тэ
Сэні вуджан.
Бурыслы мед эскөмыд оз быр.

7.

Өшинь водзын розья лэжнөг чаль.
Арнас коді садьмөдөма сійөс?
Вөрзьөді, и лои мый эг чайт –
Емьяс бердас вирөдз дойді киөс.
Здук-мөд коли – со и сувтис вир,
Регыд дзикөдз вуні тайө дойыс.
Вежөн лолөс кыскис төдтөм йир –
Локтысь арлөн чөж туй синма войыс.

8.

Турун сіөн тіралі төв йылын.
Кызди менам сьолөм пессис, кылін?
Коді туйсө миян костысь вотйис?
Нюрйөд келі –
кокөй өдва подйис.
Ачым локті радейтөмлөн биө.
Кыв эн шу.
И шутөм кывйыд виө.
Терпиті тай, вои ас садь вылө.
Пета... өша платтьөос төв йылө.

9.

Кутшөм шойччөм?..
Мунны, мунны водзё!
Рыгтя лысва турун вылысь соддзё
Вотны – со тай мыйта меным сетөм!
Войсё узыны турун пиын, медем
Синтё восьтны сэк, кор шондї ыстас
Му выланым
лыдтөм зарни пыста.

10.

Асывбыд виччыся зэр –
Тувсовья, югыд да лышкыд!
Кывзыны радейта зэв,
Кор сійö сад йöрын кышкö.

Воас, но мөд нога зэр –
Войт оз и веськавлы муас,
Менам став дзоридзöй нэр,
А сійö сьöлөм пыр мунас.

11.

Ме ылö-ылö мөвпнам вола:
Сэн шыльыд видз.
И төвру платгьö сэн ме новла,
И ним ни вич.

Сэн лыдтөм-тшöттөм дзоридз туö
И абу дой.
Сөдз ёль сэн усьö изъя юö
И лун и вой.

Сэн төдтөм лэбач тельгö сёрөдз
Быд кутшөм ног,
Ме моздор тырйөн öкта дзоридз.
Но тэ он лок.

12.

Чуксалö кытчöкö ордым.
Вöтын моз пöртмасö вөр.
Тöв ныр сэн коръяснас вордö,
Лөнълас и öддзалö бөр.

Тіль костын – казътылан крестъяс,
Бокинджык нитшсялöм шор.
Шондi кор югöрсö пестас,
Вöрыс и сэк танi нор.

Кывзысьö быттьö, оз торкав
Нэмъяс пыр нюжалöм висът.
Тöлыс кöть омлёвтлас коркö –
Некодлөн лолö оз писът.

13.

Сьöлөмöй
тiп-тiп-тiп-тiп
тэ понда
Он кыв
он ков
он кув
Но сьöлөмöй
тiп-тiп-тiп-тiп
тэ понда

СИНТÖМ

– Тан берегыс со буждöма, вай надзöн.
Сидз тувччам, тайкö мунам вöтын моз.
А мыйта вöлök вуджöма нин тадзи,
И весиг сэтi, кöни туй ни пос.
Но, эрдö петим...
Виддзыс – помтöм-доргöм.
И кольквиж саридз танi воштö ун.

Ми му вув гажас госьгъяс, коть и кортом.
Но туйыс тати.
Модлати он мун.
Час, видзсө вуджам,
Сэсся пырам раскө.
А сәни татшөм мичыд оз нин ло.
Тэ ловтө веж,
А сы коста ме аскөд
Коть ки тыр дзоридз чукөртышта, но?
Вай чышгьянөда. Кызди талун сотө.
А миянлы на мунны бура дыр.
Мед эськө зэрас.
Жарсьыс муыс потө.
... Но вуджам Ку да каям Катша кыр.
И пөттөдз шойччам кыркөтш морөс вылас.
Сән вөля,
Сэсянь синлы вощьө Ву.
Но туй помөдзным миян зэв на ылын.

...Лун помассьө, а кыв на мен эн шу.
Мый тэ пытшкын, тадз некор ог и төдмав.
Коть, гашкө, лыдтөм дивө олө сән.
Тадз кык вув
Водзө кыссям өдва-өдва,
А нуны ставсө тайөс вичмө мен.
Тадз астырөн ме думайти, кор пондим
Ми матысмыны, – мунны коли час.
И пуяс костөд читкырасис шонди.
А сэсся дзикөдз пемдис лөньөм рас.
И воис юрө: узымөдчыны ковмас.
– Ме нуода! – сэк кыли. – Бөрсянь лок!
И кывзыси. И вөлиси вощис ловнас.
И кок бөрсяыс мунис менам кок.
Ме өни вөли синтөмыс.
Но дивө!
Мый сы пытшкын, ме быттө аддзи друг.
И туйыс вөли помтөм – ва вув, йи вув.
Но морт кө мөдис, сийөс нем оз дзуг.

Алексей ПОПОВ

Алексей Вячеславович Попов чужис 1950 вося шоль 25 лунö Корткерос районса Ыджыдвидз сиктын. Гижö висетьяс, повесьтьяс да пьесаяс. Лэдзис «Грезд», «Мывкыд Парма», «Олём войтьяс» да мукöд небöг. Уджалö «Би кинь» журналын шöр редакторöн.

Öти гождя ЛУНÖ

(Повесьт)

(Пом. Заводитчöмыс 2020 вося 3 номерын)

СÖМЫН та бöрын юрас босьтчисны вирдавны вöтын аддзылöм серпасьясыс. Зэв ясыда сэки син водзас Сашаыс усьліс. Бытьö пöшти вир пасьтöм нывьяскöд йöктö. Öтиöс шамыртлас, мöд вылö синсö чöвтлас. Валя бытьö сы дорö матыстчö, но верöсыс оз и кöйкнитлы гöтыр вылас. Вирдыштöм моз жö эськö муніс вöтас тайö серпасыс. Но юрас тай сатшис. Мый водзö вöталіс – тöд вылас оз вермы уськöдны. А тайö серпасыс оз вушйы некымын лун нин. Валя весиг ачыс босьтчис мыйсюрö содтавны вöт дорас. Öні эськö öддзис да водзö на паськöдіс сійöс юрас, но ывлаö петавлысьяслы, тыдалö, дышöдöма, да бöр пырисны.

– Эн сэтшöма, нылук, майшась, – кельдöдыштöм чужöмсö казяліс мамыс. – Локтас öд жö коркö.

– Коркöйд меным оз ков. Мед öні локтіс, – мый юрас воис, сійöс и шуис Валя.

Петя Васьлы эськö жаль жö майшасьыс нылыс, но нинöм эз шу. Сöмын ышловзьяштіс. Семе Мить чöв оліс и. Сылы нö мый? Гöтырыс со дінас да. Нинаыс эськö мыйкö кöсйис шуны, но мамыс сы вылö сідз кодзнитліс – нылыслөн вомыс восьсаөн и коли. Кöть эськö нинöм сэтшöм дойданасö Нина эз и кöсйи чойыслы висьтавны. Керкаын пуксис чöв-лөнъ. Некод эз аддзы помка сійöс пазöдны. Код тöдас, мый дыра эськö кысис, но посводзын кылісны кок шыяс, и ставөн

сатшкисны синъяссӧ пыран ӧдзӧслань. Сійӧ гурйыв воссис, да тагӧс вомӧн котӧрӧн-сорӧн пырисны Люба да Паша.

– Мый нӧ ті лунтыр кутінныд довъявны? – броткыштіс Кире Катя.

– А ме чайті, мый... – ас улас шуис Петя Вась.

Мукӧдыслӧн и шунысӧ кывйыс эз сюр.

– Локтісны! – чилӧстӧм моз артмис Любалӧн.

– Кодъяс локтісны? – ӧшиньялань уськӧдчис Кире Катя.

– Машинаыс воис, – веськодямоз нин чӧвтис Паша.

Ставӧн ляскысисны ӧшиньясӧ. Видзӧдісны, кызди Миш Ӧле мыйкӧ кинас шенасигтыр висьталӧ шоперыслы. Тыдалӧ, абу на став сёрниыс эштӧма та дыра локтігад. Шоперыс кыскаліс машина гырксыс чоботанъяс. Ӧтиӧс дай мӧдӧс. Сэсся сумка на орччӧн пуктіс.

– Сы мында кӧлуйӧн воӧма, – шензыштіс Петя Вась да видзӧдліс Семе Мить зять вылас. – Петав, отсышт пыртнысӧ.

– Лысьглӧй сӧмын кодкӧ паныд петны! – весиг горӧдыштӧм моз артмис Валялӧн. – Ачыс пыртас. Мед, колӧкӧ, та дыра эз лок дай.

Кире Катя эськӧ кӧсйис воча шуны, но весиг сійӧ эз лысьт. Мукӧдыс ланьтӧмӧн водзӧ дзоргисны, кызди Миш Ӧлеыс волысалис кузь вугья сумкасӧ да шашаритчис чоботанъясӧ. Сэсся веськӧдчис керкалань. Кык чоботансӧ кыскӧмыс эськӧ ӧна падмӧдіс локтӧмсӧ, но мый сэсся вӧчан. Кызкӧ да мыйкӧ тай воӧдчис жӧ кильчӧ дорӧдзыс. Сэсся кыпӧдіс первӧй ӧти чоботансӧ, сэсся мӧдсӧ. Посводзын гира-горакывны босьтчис. Бытьӧ тарантаса вӧв локтӧ...

Коркӧ сэсся пыран ӧдзӧсыс воссис жӧ. Кашкигтыр тагӧссӧ воськовтіс Миш Ӧле да ловсӧ шедӧдігмоз сувтіс, водзӧ воськовтны эз кут весиг. Кытшовтіс синнас сы вылӧ дзоргысыясӧс да мыжа гӧлӧсӧн шуис:

– Пардон, сёрмыштӧма лои. Туйыс абу торья бур да.

– Мый нӧ локтігмозыд пеж кывъясӧн шыбласян? – чолӧмасьӧм пыдди броткыштіс Кире Катя да зять дортіыс тивкнитігмоз петіс посводзӧ.

– Пардоныс абу лёк кыв. Тадзи французьяс прӧштша корӧны, – сылы моз шуны суйсис ставсӧ тӧдысь Виолетта, но Кире Катя весиг эз бергӧдчыв, кытчӧкӧ котӧрӧн-сорӧн муніс.

– Ывлаыс ыркнитіс али мый нӧ? – чолӧмасьӧм пыдди пысасис Петя Вась. – Гожӧм шӧрнас шарпасьӧмыд.

– Мый нӧ локтігмозыс морт дорас пысасинныд? – вомаліс батьсӧ Нина. – Чолӧм, Саша.

– Видза олан, свӧяк, – Миш Ӧлелысь кисӧ кутлыны уськӧдчис Семе Мить.

Миш Ӧле тэрыба топӧдліс сылысь чургӧдӧм кисӧ да уськӧдчис Валялань.

– Валя! Менам сэтшӧма гаж тэысь быри.

Гӧтырыс весиг вешйыштіс керка пытшлань да коса вочавидзис:

– Бырӧма тай. Быри кӧ ӧд, эн та дыра лок.

Керка ӧдзӧс бара воссис, да тэрыба бӧр пырис Кире Катя. Некод вылӧ видзӧдлытӧг матыстчис верӧс дорас да вашкӧдыштіс:

– Слабог.
– Мый нө, Катя, благслобогаясян? – тшөтш жө шөпкөдөмөн юасис верөсыс.
– Өтнасон воома. Некод сәни ывлаас абу. Ме чайті, кытчөкө бокө чеччөдіс кодөскө да.

– Гөтырыд абу тшайпод, он чужйы, – ылөсасмоз шуис Петя Вась.

Мукөдыс, Валяысь да Миш Өлеысь кындзи, эськө видлісны жө кывзыштны налысь вашкөдчөмсө, но нинөм эз гөгөрвоны.

Валя да верөсыс сулалісны паныдөн да ассыныс сёрнисө нуөдісны.

– Өтнадөн локтін? – нинөм абусө босьтчис юасьны Валя.

– Өтнамөн, дерт. Кодкөд нө эськө вөлі колө? – эз гөгөрво верөсыс.

Найө эськө и водзө на пондісны мый юраныс воө висьтавыны, да Нина эз лэдз. Сюйсис сёрнианыс:

– Вай кутчысьлөй ли мый ли. Валя, эн нинөм абусө юрад гудрав.

– Валя, мый нө тэкөд? – эз весиг кыв сійөс шай-паймунөм Миш Өле. – Эз мөй нө меысь гажыд быр?

– Быри эськө да, – сылыштіс гөлөссыс чорыдлуныс гөтырыслөн. Сэсся Валя сывйыштіс верөссө. – Кыдз на нөшта быри.

Вель дыр гозъя кутчысьлісны некодөс казаявтөг. Сэсся Миш Өле, мужик мортыд, өдйөджык ас садыс воис. Эновтіс гөтырыслысь сывсө да ставнысө видзөдласнас гөгөртіс. Матыстчис первой Виолетта дорө да босьтіс сылысь кисө. Юрсө лэдзыштөмөн окыштіс кимөдзсө да шуис:

– Бонжур, мадам.

– Бонжур, месье! Мишель! – ныр пырыс моз вочавидзис Виолетта.

– Миш Өлеыс со Мишельөн нин лои, – серөктіс Семе Мить. – А өд лөсялө сылы. Мый Миш Өле, мый Мишель – дзик өтмоза шусьө.

– Бонжур, мадам! – матыстчис Нина дорө Миш Өле да сылысь кимөдзсө чупнитіс. Мөдыс нимкодя вашмунліс.

А ылі муясысь воөм морт дзикөдз быттьө ышмис. Гортас воөмсыс ли мый юрыс пуккыльтчөма. Тьөщаыслысь нин кисө окыштны видзөдчө.

– Бонжур, мадам!

Но чупнитны эз удит. Тьөщаыс нетшыштіс кисө да весиг броткөдчыштіс:

– Бур, бур, мада. Сөмын эн киөс нюв.

– Ме ас пайысь ки окыштны ог сет, – ставсыс боклань сетчис Петя Вась.

– Со өд ветлөм-мунөм мортыд кутшөм, – шензис Семе Мить паськыда вашгялігтыр.

– Сәни сөмын аньяскөд тадзи чолөмасьөны, – тесьтланьыс матыстчис Миш Өле. – А мужикьяскөд мөд ногөн.

– Эн вай и висьтав, кыдзи, – бөрыньгчыны пондіс Петя Вась. – Колөкө, лөк ногөн да. Он кө төд, бурджык.

– Оз лөк ногөн.

– Петкөдлы, сідзкө, – телепит лои төдны Семе Митьлы.

– Эг өд и адззыв, кыдзи. Тыдалө, миян моз жө, – чургөдіс тесьгыслы кисө Миш Өле.

Петя Вась полігтыр сетіс топөдлыны ассыс кисө. Тыдалө, виччысис, мый

зятьыс вӧчас. Но мӧдыс сӧмын шамыртлис да вешӳйс Семе Мить дорӧ кинас жӧ чолӧмасьны.

– Менсьым ки некод на эз чупнитлы, – мыйыськӧ нимкодясис Нина. Сэсся бергӧдчис верӧсланьыс да чорыд гӧлӧсӧн содтӳс: – Талунсянь тэ быд петалӧм бӧрын кутан тадзи мекӧд чолӧмасьны.

– Вом дорӧй сырзяс. Быд пес да ва пыртӧм бӧрын кӧ кута китӧ окавны. – Олӧмас татшӧм вежсьӧмсьыс паныд лои верӧсыс.

Кире Катя налӧн ноксигӧн чӧв оліс. Сійӧ вӧлі шуда, мый ставныс бара чукӧртчисны ӧтлаӧ. Дерт, Виолеттаыс быттӧ ковтӧмкодъ. Но ӧд он вӧтлы. Векжӧ рӧдвуж сяма лоӧ. Сэсся эз вермы дзебны ассьыс нимкодълунсӧ да гораа шуис:

– Слабог! Ставыс тай бур. Нинӧм сэтшӧмыс бунжур, мадасьыс ӧприч абу мортыскӧд лоӧма. Ӑні некодӧс сэсся виччысьны оз ков. Ӑлексан со бара гор-тас воӧма.

– Вои тай.

Кире Катя быттӧ медводдзаыс аддзис чоботанъяссӧ да шензыштӳс:

– Куш киӧн мунӳн, а со кыськӧ чоботаньяс нин сюрӧмаӧсь.

– Пардон, ме нимкодӧйла весиг на йылысь вунӧді нин, – чоботаньяслань уськӧдчис зятьыс. – Сэтӳсь ньӧби. Парижысь.

Виолетта налӧн тшӧкӧлдывайтӳгӧн слӧймыліс нин пуксьыны лабич вылӧ да ӧні ышловзӧмӧн шуис:

– Париж, Париж...

– Сэні быдторӳйс сюрӧ. Абу миянын кодъ, – зять дорас тивкнитӳс Нина. Нывбаба мортыдлы вӧлі телепит ӧдйӧджык видзӧдлыны, мый вайӧмаӧсь ылі мусьыс.

– Некодӧс жӧ сэтчӧ абу суйӧма? – ыджыд чоботаньяс вылӧ видзӧдігмоз ассьыс мӧвпсӧ тувӳйштӳс Петя Вась.

– Абу эськӧ сьӧкыдӧсь да, – лэптыштӳс чоботаньяссӧ Семе Мить.

– Сьӧкыднас самолӧтас оз лэдзны, – эз гӧгӧрво, мый вӧсна тадзисӧ тшӧкӧлдывайтӧны мужичӧйясыс, да чӧвтӳс Миш Ӑле. И босьтчис кыскавны сэтӳсь вайӧмторсӧ. – Париж карыд вывтӳ озыр. Быдтор сэтӳсь сюрӧ, мед сӧмын сьӧмыд зептад кышакыліс-а.

Медводдза козинсӧ сетӳс Кире Катялы. Тьӧщаыслы вайӧма небыдик, шоньд сырӳя шаль. Петя Васьлы вичмис кучик кепысь. Свӧякыслы кыскис вугыр шатин. Быттӧ и ичӧтик, но кыскалан да, зэв кузь на и лоас. Ниналы жӧ вайӧма мичасьыс-мича ковта. Медбӧрын кад матыстчис козьнавны муса гӧтырыслы. Зэв дона дуки. Керка пытшкыс тай здукӧн тыри чӧскыд кӧрнас. Нина азыма босьтчис исавны сынӧдсӧ. Петя Вась нырсӧ кӧрліс керкапыттша нэмӧвӧйся сынӧдсӧ вежӧмысь.

– Ме йылысь вунӧдіс, – аскӧдыс шӧпкӧдчыштӳс Виолетта, кодӳ пыр кыйкьяліс, мый и сылы мыйкӧ вичмас чоботансьыс.

Быдӧн видлалӳсны козиньяссӧ. Сӧмын Ниналӧн сьӧлӧмыс, тыдалӧ, ковтанад абу на бурмӧма. Восьтліс чоботан вевтсӧ:

– Сэсся нинӧм эз коль? Мыйкӧ со куйлӧ на да?

Весиг эз кӧсйы вочакысӧ кывны. Ас кинас кыскис неыджыд тубрас.

Миш Öлеос быттьö вежисны, нюмыс сылі чужом вывсьыс. Мортыд весиг быгалыштис. Код тодас, кутшом мовпяс вирдышталисны сылön юрын. Тэрыба матыстчис Нина дорö, нетшыштис тубрасторсö да гиргыштис вежсьом гөлöсөн:

– Тайос эн вөрзёд. Абу тiян.

– Кодлön нö? – пыр жö и сюри юалантор Валялön.

Виолетта весиг водзлань сетчыштчис. «Меным али мый вайöма да оз лысьт сетнысö йöз дырйиис?» – төвзисны сылön юрын нимкодь мовпяс. Паша да Люба, кодьяс нинöм вöчöм дорысь öшинь дорö матыстчöмön сулалисны, тшöтш жö пельнысö чошкөдисны. Ывла вылын некод оз тыдав, а танi со керка тырыс чукөртчöмаось. Песьтак моз видзöдны позьö. Сикт кузяла да пасьтала довьялём дорсьыд век нин бурджык.

– Бöрас висьтала, – кевмысяна гөлöсөн шыасис гöтыр дорас Миш Öле.

– Öни висьтав. Став дырйиис, – шыпасьяссö быттьö торйöдалöмön шуис гöтырыс.

«Збыльысь тай меным мыйкö вайöма», – мелiа чепöльтис татшöм мовпыс Виолетталысь сьölöмсö.

Миш Öле быттьö эз тöд, кызди вочавидзны Валяыслы. Медбöрын сьöкыдамос пычиктис:

– Тайö сюрприз. Тэныд.

– Мый нö мортсö нинöм абусьыс топöдiнныд? – мыйлакö уськөдчис дорйины зятсьö Кире Катя. – Кутшöмкö приз вöсна. Мый нö кöть сийö призийыс лö? Кутшöмкö сюрлön сийö усьöма али мый?

– Гусятор, – гөгөрвоөдiс тьöщаыслы Семе Мить.

Ниналön аслас майшасьом дай. Сийö пыр на лача кутiс, мый Миш Öлеыс разяс тубрассö, да кöть видзöдлас, мый сэтчö гартыштöма. Сэтшöм нин сийö мортыс. Век телепит тöдны мыйкö выльöс, а танi со дзерөдчыны босьтчисны. Весиг броткыштис ас улас моз:

– Эз öд и разь. Кыдз сэсся та бöрын он майшась? Сюр дай нöшта на таысь приз тэныд, Валя, вичмас.

– Дугдылöй, – кыв песöмьяссö видлiс торкны Петя Вась. – Менам öти юасянтор сюри. Öлексан, Парижыс нö ачыс кöть кутшöм?

И öд артмис недыр жежлö. Быттьö олöмсьыс медся виччысянторсö юалöма лои да. Быдöнлы нем виччысьтöг окота лои кывзыны сэтчöс олöм йывсьыс. Сöмын Валя век на дузьялiс.

– О, Париж! – льöбьяссö нюлыштис Миш Öле. – Кутшöм мича Париж карыс! Сылы абу пом да дор. Ок эськö арнас кö нöшта сэтчö веськавны!

– Вай ставным ветлам! – ышмис Семе Мить.

– Той кучиктö вузалан, да сы вылö али мый? – вомалiс Петя Вась. – Миян сьöм вылö юркарөдзыс ветлыны он вермы.

– Уна сэнi мича нылыс. Вöсни коскыс, чöрс кодь кокыс, – ыззис дзикөдз да тайос мужикьяслы вылö моз брöльснитис Миш Öле. Сэсся джөмдiс. Казялiс ылалöмсö да. Но öд пыр чöv он ов. – Тайö сiдз дум вылö усис. Мыйла шусис? Абу жö тай колöма.

Киссьом ватö он курышт. Семе Мить вашьялiс. Кире Катя гөгөрвотöм улö

лэччысис, Виолетталы быттьӧ став тайӧ сёрниыс веськодъ, кын чужӧмӧн пыр на пукаліс да ассыс кутшӧмкӧ мӧвпгяс пӧжис. Паша да Люба синмасьлісны ӧта-мӧдыскӧд да гусьӧн кильксісны. Валя быгаліс чужӧм вылас. Сӧмын Нина быттьӧ ловзыштіс. Сюри помка пысасыны да.

– Ме тай шулі, – китшнитіс-серӧктіс сійӧ.

– Но морӧ Мишель, – сюри шуан кывйыс и Семе Митьлы.

Миш Ӧлелы ӧні сӧмын коли кызкӧ мездысьны шуӧмторсыс. Мукӧдыс эськӧ сылы пӧсь ни кӧдзыд, мед мый кӧсйӧны, сійӧс и думайтӧны. А Валяыс водзын кыззи бӧр бурнас лоны?

– Тэ кодъ мичаыс да статьяыс сәні абу, – уськӧдчис дорйысьны гӧтыр водзас Ӧлексан.

– Эн дорйысь. Ог жӧ эскы-а. Сідз висьталан, мед ог дӧзмы, – чушсӧ ноужӧдӧмӧн пинь пырыс кӧдзыда сёрнитіс Валя.

– Збыльысь абу. Менам сәні мӧд луннас нин тэысь гаж быри.

– А медводдза луннас эз? – пыр жӧ и пысасис Нина.

– Висьтав, Мишель, – гӧтырыслы отсӧг вылӧ быттьӧ воис Семе Мить. – Мый медводдза луннас вӧлі?

– Нинӧм эз вӧв. Карсӧ сӧмын видзӧді.

Кире Катялы налӧн тшетшкӧмыс эз кажитчы. Тадзи босьтчасны, да помыс оз ло. Та вӧсна мӧвпыштіс сюйсьыны томджыкуловлӧн сёрниӧ:

– Ӧвсьылӧй! Тэ, Ӧлексан, буретш ас кадӧ воин. Миян ӧд талун, Василейкӧд, тесьтыдкӧд...

– Мый нӧ талун тиян лои? – окота лои тӧдны Ниналы. – Валя, тэ он тӧд?

– Ме ог жӧ тӧд, – веськодямоз шуис чойыс.

Миш Ӧлелы тьӧщаыслӧн сюйсьӧмыс лои кивыв. Кежӧдіс сёрнисӧ да. Та вӧсна зэв небыд гӧлӧсӧн кутіс жӧ юасыны:

– Вай висьталӧй нин кодныдкӧ.

– Ми ӧд Василейкӧд буретш комын во сайын гижсьылім. Тайӧ луннас. Некор на весиг эг пасйылӧй. Василей, шу нин мыйкӧ. Мый нинӧм он шу?

Петя Васьлы тайӧ юӧрыс вӧлі гымыштӧм кодъ. Эз некыз виччысь татшӧмсӧ да. Но уна вонад Кире Катякӧд олӧгӧн велаліс нин ӧдйӧ ас садяс воӧдчынысӧ. Пыр жӧ тай адзис шуанторсӧ:

– Дзик некор. Но талун шуим пасйыны. Ӧлексан воан лунӧ тшукис да.

– Збыльысь ӧд ог вӧлі тӧд, – дорйысис быттьӧ Нина.

– Комын во сайын нин, – шемӧстіс юӧрыс Семе Митьӧс. – И та дыра ӧта-мӧдтӧ видзӧдінныд?

– Видзӧдім тай, – ышловзис Петя Вась. – Быдсямаыс эськӧ вӧлі жӧ да. Ӧглаын олӧгӧн и кык гырнич таркмунлӧны. А ми йӧз. Быдсямаыс вӧлі.

– Вӧвлі. Но ог тайӧс гаралӧй, – нимкодъ лои, мый сяммис ӧлӧдны тшетшкӧмсӧ, да ловзыштіс весиг Кире Катя, верӧс мозыс жӧ босьтчис кывйӧзӧн сёрнитны: – Бур бабакӧд и сьӧд вӧр шӧрын гажа овны. Сідз ӧд, Василей?

Петя Васьлы коли сӧмын гӧтыр ногыс сынны:

– Сідзи. Эг лёка и олӧй. Бур гӧтыр шӧрӧ веськалі. Кызд тай важ йӧз шуліс-

ны: бабыдлөн кө кутодыд абу, мужик најовитомнад оз озырмы. Пыдөстөм пельсатө ванад он тырт. А тиян мамыдлөн кутодыс тырманна вөлі. Эз вывтася некор. Нинөмөн эз. Абу өнія нывбабаяс кодыд.

– Аттьө бур кывсыд, – нимкодь лои Кире Катялы сысы, мый верөсыс зэв өдйө гөгөрвоис сылыс нем виччысьтөг шуөм юөрсө. – Рытнас мяняө кежалөй. Пасйыны кө шуим – и пасьям. Ми тай дасыгысим-а.

Сөрни бергөдчөмсыйс Миш Оле вочасөн ловзис. Зіліс кызд поэьө дырджык нуөдны тыщаыслыс панөмасө. Матыстчис тесыт дорас да топөдліс кисө:

– Чолөмала, сідзкө.

Сэсса видзөдліс тыща вылас да көсийс тшөтш жө кисө босытлыны. Но мөдыс тайөс казяліс да зэв өдйө дзөбис кисө мышкуладорас. Тыдалө, поліс, мый зятыс бара көсыяс окыштны. Миш Оле вашмуніс да меліа шуис:

– И тэнө, тыща, чолөмала!

– Аттьө, зятыө, зэв бур козин вайөмыд со и.

– Мерси, – нюмъяліс Олексан.

– Эн вай нерсы, – вочакывсө пыр жө аддзис Кире Катя.

– Мерсийс, Екатерина Кирилловна, француз ногөн аттьөалөм лоө, а оз нерсьөм, – ассыс төдөмлунсө петкөдлыны босытчис Виолетта. Но сійөс некод эз кывзы. Ковтөм морт кодь быттьө тані.

– И ме чолөмала, – эз жө пайтөг коль Семө Мить.

Валялөн, дерт, эз вун верөсылөн парижса нывъясөс ошкана кывъясыс, но ковмис такөдны асыө. Бать-мамыслөн со кутшөм ыджыд пас өтув олөмыслөн лоөма.

– Гашкө, пасйыштам өні тайөс да? А то пызан лөсьөдім мыйлакө... А пуксынысө помкаыс оз сюр, – чөвталіс кывъяссө Миш Олелань видзөдтөг гөтырыс.

– Кыдзи оз сюр? – шензыштіс Семө Мить. – А Мишельсылөн воөмыс?

– Разөдчытөдз вай точкисям. Бать-мам вөсна. Зэв лөсьыда олөны да. Оз мукөд моз, – быттьө эз кыв сійөс Валя. – Ми өд Нинакөд тиянөс чолөмавы жө көсыям.

– Гашкө, рытнас нин да? – став вылас видзөдліс Кире Катя.

Петя Вась өнтай слөймыліс нин гөтырсыс гусьөн сулея дорас вошйывны, да өні сылөн шуөмыс быттьө асыө явитөм моз артмис:

– Син пөвтө поэяс и тані юны.

Кире Катя эськө кодзнитліс сы вылө, но гора шуөмыс кутчысис. Мунасны да, сэки кывкөртөдсө вөчас.

Виолетта ас мөвпьясыс паляліс да весиг эз гөгөрво, мый йылыс сөрнийс мунө. Пель сэрөгнас быттьө кывліс, мый пызан сайө пуксыны көсийөны. А сылөн тані пукавы кадыс ньөти эз коль. Со и шуис:

– Ме ог. Меным мунны колө. Саша, тэ шойччышт да библиотекаө воы.

– Мыйла? – сы дорө весиг матыстчыліс Валя.

– Вевтыс розьясьөма, да кавшасылыны колө, мед тупкыны. Библиотекаас, шуа.

Ниналӧн вашыс петіс юрас воӧм мӧвпсыс. Эз и кут артасыны, позяс оз тайӧс шуны, пыр жӧ брӧльснитіс:

– Код тӧдас на кутшӧм розь тупкыны корӧ.

– Тэ вай, Нина, эн жӧ вывтіась, – чорыда вомаліс сійӧс мамыс. – Мыйкӧ бӧрря вежоннас дзикӧдз вежсин. Мыйыскӧ лӧктӧ песан.

– Воктӧ кор. Саша оз вермы, – Виолетталы вӧзйис Валя.

– Ме Митяӧс унаысь нин корлі. Оз лок да. Талун пӧ рыгнас зэрмас. Бара виявны кутас, небӧгъяс вылас.

– Менам юр бергӧдчӧ. Ог вермы вевт вылас кавшасынысӧ, – ыстысис та вылӧ вокыс.

Виолетта кӧ кӧвъясяс, бурӧн он мын. Ӧд эз кад лотӧм могысь татчӧ тапикты. Валяӧс дінйигмоз воськовтіс Миш Ӧлелань.

– Волан ӧд, Саша? Небӧгъясыс кӧтасысны.

– Вола, – медым сӧмын мынтӧдчыны, вочавидзис Ӧлексан.

– Виччыся, сідзкӧ, – ассыс волан могсӧ олӧмӧ пӧртӧм бӧрын ӧдзӧслань матыстчис Виолетта. Сэсся бергӧдчыліс Любалань да Пашалань. – Ті нӧ он мекӧд мунӧй? Ветлам библиотекаас. А то пытшсӧ нин вунӧдінныд.

Том войтыр весиг эз видзӧдлыны сыланьӧ. Мукӧдыс быттӧӧ найӧс медводдзаясь казялісны да ыстісны Виолетта бӧрся гожся ывла вылӧ.

– Миянлы дышӧдіс жӧ нин тӧянлысь бызгӧмтӧ кывзыны, – петігмозыс эльтчыштис на Паша. Любаыс нинӧм эз шу. Сӧмын пыльснитіс. Керка водзас петӧм бӧрын вашкӧдчыштисны да босытчисны гораа серавны. Кольчысыас недыр и чӧв олісны.

– Лэдза ме тэнӧ сэтчӧ... ӧтнадтӧ. Виччысь, – верӧсыс вылӧ нин каттысысны пондіс Валя.

– Митякӧд мед ветласны. Век нин отсӧг, – дорйысыны мӧдіс Кире Катя.

Мыйкӧ эськӧ кӧсйис на шуны, но Миш Ӧлелӧн кутіс триньгыны зептас новлӧдлан телепоныс. Ӧлексан тэрыба кыкис да пуктіс пель дорас.

– Алло. Алло. Некод оз шыась, – бӧр дзумгис зептас телефонсӧ Миш Ӧле.

– Код нӧ звӧнитліс? Кытысянь? – окота лои тӧдны гӧтырыслы.

– Парижсяныс кӧ-а, – юрас жваньӧбтӧм мӧвпсӧ явитіс Семе Мить.

– Сэтысянь ӧд оз жӧ? – шензис Кире Катя.

– Мыйла нӧ сэтысянь звӧнитасны? – вежсис мыйлакӧ чужӧм вылас Миш Ӧле.

Ниналы бара кывсӧ песыштны помка мыччысис. Шмонитны босытчис:

– Ачыл, Саша, тӧдан, да он висытав.

– Некод со эз шыась да, – водзсасис Миш Ӧле.

– Сэні ӧд телепоныс оз и кыв. Татчӧ лок сувт. Тані пӧ кылӧ, – быттӧӧ зятсьӧ дорйӧм могысь эськӧ шуис Петя Вась, но сылӧн мӧвпыс, мӧдарӧ, Валяӧс дурмӧдіс. Корис верӧсыслысь телефонсӧ, пуктіс пель дорас да ачыс сувтіс батыслӧн индӧминас:

– Видзӧдлам, кодлы нин тэ ковмӧмьд.

Ставӧн босытчисны виччысыны, кор телепоныс бара триньӧбтас. Но сійӧ немӧймӧма, чӧв олӧ.

– Вай дугдой йойтавынто, – медводдзаон казяліс Петя Вась. – Бурджык пызан саяс пуксылдой. Сэсса разодчамой дай. Рытдзыс.

Валяысь отдор ставон пуксялісны. Кисьталісны, точкысисны. Нина мыйкө вашкөдіс пеляс Семе Митьлы. Сійө гусьон ветліс чоботан дорас да тубрассө разьломон видзөдліс. Локтіс бөр да мыйкө вашкөдіс гөтырыслы пеляс. Мөдыс шензяна синъясон видзөдліс верөс вылас. Дырсө сэсса эз и пукавны. Миш Олелысь воомсө тай быттьө пасйисны-а. Сэсса со рыгнас на колө пыравны.

Госьтьяс мунісны. Петя Вась да Кире Катя кильчө вылөдзыс колльөдісны. Туй вылө петом бөрын Нина да Семе Мить веськыдвылө сетчисны. Сэні налөн керкаыс. Миш Оле, кокнялыштөм кык чоботансө киас босьтөмөн, кижис шуйгавыв. Валяыс весиг падъялыштис на, быттьө мөвпаліс, мунны абу верөс бөрсяыс.

– Мишель! – бергөдчылөмөн горөдіс Семе Мить. – Шойччышт, да ветлам библиотекаас. Виолетта со корис.

– Розьсө тупкыны, – зэв азыма серөктис Нинаыс.

Тайө лои тырмымөн, медым Валя пыркнитчис да вөтөдіс верөссө. Миш Оле сувтыштлөмөн бергөдчыліс сылань:

– Мыйкө абу сідз али мый тэкөд? Чужөмыд зумыш.

– Ставыс сідз.

И гозья тапиктісны водзө асланыс керкалань. Миш Оле мунігмызыс век на көсийс төдмавны гөтырыслысь, мыйла сійө татшөм зумыш.

– Аддза өд, мый кутшөмкө лөк мөвпьяс тэнө шымыртөмаось.

– Мыйла и лэдзлі тэнө Парижас ветлынысө-а? Сөмын майшасьөм чужтін.

– Вежөгтан али мый нин код дорө кө?

– Ачюд тай зэв сьөлөмсяныд шуин, мый сэні нывьясыс чөрс кодь кокаось.

– Быд шуөмысь өд он жө вежөгты? Мыйсө тай йөзыс оз шулыны да.

– Меным йөзлөн шуөмыс мускөс оз зырг. А кор тэ парижса нывьяссө ошкин, өтшкис тай меным.

– Некод вылө ме сэні эг видзөдлы. Кадыс эз вөв.

– Мый нө сэні вежонсө вөчин?

– Парижнас любуйтчи. Мича да.

Тадзи восьлалігмоз сёрнитігөн эськө и весиг бурмыштөм сьөлөмөн Валя воөдчис гортөдзыс, но паныд локтысьяс чужисны. Пашалөн да Любалөн довьялан уджыс абу на, тыдалө, помасьөма. Гозьяөс казялөм бөрын сувтісны. Мыйкө ота-мөдныслы висьталісны. Любаыс быттьө мыйыськө өлөдө зонкасө, мөдыс кинас и кокнас вөрөдігтырйи пыксө. Нывкаыс со дөзмыштіс да весиг вешйыштис туй бокас. Паша виччысис гозьялысь матыстчөмсө да дзөран гөлөсөн шуис:

– Ми Парижсянь письмө тіянлы ваям. Бур, мый паныд лоинныд.

– Кутшөм Парижсянь? – джөмдіс Миш Оле.

– Кытысь ті сөмын на воинныд. Со письмөыс, – мыччис конвертсө Паша. – Зэв чөскыд духиөн весиг өвтө.

Валя нетшыштис сетанторсө да лыддис:

- Коскоков Мишельлы. Парижса мадамсянь.
- Вайлы татчӧ! – горӧдӧмӧн весиг лои шуӧмыс Миш Ӧлелӧн.
- Пытшсыс лыддя да сэк, – пыксис Валя.
- Кытысь письмӧбыс? Коді вайис? – Пашалань ырыштчис воськовтны Миш Ӧле. Но зонка чепӧсйис боквыв да босьтчис котӧртны. Люба сы бӧрся ризӧдіс. Вель ылӧ воӧдчӧм бӧрын сӧмын сувтисны. Пашаыс, тыдалӧ, сералис, а Любаыс мыйыськӧ видіс сійӧс дай.
- Тані нинӧм абу да? – восьтіс конвертсӧ Валя.
- Он мӧй аддзы, йӧйталӧны том йӧзыс да? – нетшыштіс гӧтыр кисыс конвертсӧ да исыштіс. – Нӧшта ӧд на тройнӧй одеколонӧн резӧмаӧсь. Со ӧд кызди ышмӧны ӧнія том йӧзыд.
- Збыльысь тай тройнӧй одеколон дук кылӧ. Збыльысь йӧйтӧдлӧны али мый?
- Абу ӧд синтӧм. Со кызди шешъялӧны да. Ме час налы пуж петкӧдла!
- Эн вай вошлась. Кутан сәні челядь бӧрся котравны да став йӧз дырйиыс нӧшта на вылӧ горзыны. Яналам дзикӧдз.
- Мый нӧ эськӧ дурӧны? Сідз нин со тә менӧ вежӧгтан да. Найӧ со нӧшта содтісны.
- Кыз нӧ он вежӧгты? Тайӧ жӧ Париж.
- Шуа тай, мый тә кодъыс сәні абу. Сӧмын тәнӧ и радейта.
- Збыльысь?
- Збыльысь, дерт.
- Водзӧсӧ сәсся мунисны кокнялӧм сьӧлӧмӧн. Кыкнанныслы весиг телепит вӧлі сувтны да сывйыштчыны, но сикт водзас ӧд тайӧс он вӧч. Ковмис гортӧдзыс вотӧдз кутны асьнысӧ. Керкаас пырӧм бӧрын сьӧлӧмсяныс топӧдчисны ӧта-мӧд бердас. Гашкӧ, водзӧсӧ мый на эз вӧчны лун шӧра луннас, но Миш Ӧле зептын бара мӧдіс триньгыны телепоныс. Ачыс эз весиг слӧймы кыскынысӧ. Валяыс тәрыба суйліс киcӧ сълӧн зептӧ, босьтіс телепонсӧ да уськӧдчис ен ув пельӧслань. Сәні бурджыка куталӧ да.
- Алло. Коді звӧнитӧ? Нинӧм ог вела. Бурджыка висьталӧй. Дугдісны.
- Валялӧн чужӧмыс бара зумыштчис. Кыв шутӧг нюжӧдіс телепонсӧ верӧсыслы.
- Коді нӧ звӧнитліс? – юасис Миш Ӧле.
- Эг вела нинӧм да.
- Ылаліс, тыдалӧ, кодкӧ да меным веськаліс.
- Збыльысь мӧй тәнӧд кодкӧ Парижсяныс звӧнитчӧ? – сюся видзӧдліс Ӧлексанлы синмас Валя.
- Эн вай лӧсьӧдлы. Кутас кодкӧ меным Парижсянь звӧнитны.
- Код тӧдас тіянӧс.
- Вежӧгтан али мый?
- Колантор вежӧгтыны дай. Саша, а чоботанас нӧ мый куйлӧ? Кутшӧм сюрприз нӧ сы ылнасяныс лӧсьӧдін?
- Кутшӧм чоботанын? – йӧй улӧ видліс сетчыны верӧсыс.
- Эстӧн. Кутшӧм тубрас сәні? Петкӧдлы.

– Ог öні. Рытнас.

– Тэ рыгöдзыд верман сійöс шыбитны. Петкöдлы öні, – Валя копыртчис чоботан весьтö. Миш Öле видліс небыдика топöдöмön вештыны сійöс сэтись. Но гöтырыс песовтчис да мездысис. – Мыйла нö кутан? Кутшöмкö меысь гусятор али мый аскöдыд вайин?

– Тэныд ме сійöс вайи. Йöз дырйиыс öд ог кут разыны. Эз вöv лöсьыд.

– Öні петкöдлы. Некод тай со абу.

– Рытнас, водöм водзвылын кöсйи козьнавыны, но кутін сэнi дзайгысьны, да öні ковмас. – Миш Öле кыпöдiс чоботан вевтсö да кыскис нейджыд тубрасторсö. – На! Тэныд нöшта козин.

Валя полiгтыр разис тубрассö да вель дыр сюся видзöдiс. Верöсыс юасяна видзöдласön дзоргис сы вылö. Тыдалö, виччысис, кор гöтырыс босьтчас нимкодясьны вайöмторнас. Но мöдыслön чужöм вылас вашыс эз и мыгчысь. Сöмын шензöмön юасис:

– Тайö нö мый татшöмыс? Кутшöмкö гезторьяс да.

– Тайö стринг шусьö. Тэныд пасьтавыны вайи, – нимкодя шуис Миш Öле.

– Тайöс öд ог жö пасьтав. Но мыйла нö доныс абу? Мукöд козинас нö тай доныс öшалiс. А татысь нетшыштöмыд. Кодкöлысь новлöмасö али мый нин меным вайин?

– Орöдi биркасö. Зэв дона да, мövпыштi, мый броткöдчыны кутан. Сьöмсö таргайтöмысь.

– Кодлысь нö тайöс пöрччöдiн? – нимкодясьöм пыдди со скöрмис Валяыс.

– Лавкаысь, мися, ньöби, – дзыкöдз шемöсмис верöсыс да дорйысьöм мөгысь весиг ыстысис: – Сэнi став нывбабаыс татшöмсö новлöны.

– Кытысь нö тайöс тöдан? Став нывбабаыслысь али мый платтьö бöждорьяссö кыпöдлiн, мед видзöдлыны?

– Сiдз на тöда. Висьталiс öд вузасысьыс. Меным весиг аслым татшöмсямаöс жö вöзйö вöли, да сьöмöй жаль лои.

– Эн сөр. Мужикьяс кутасны тайöс новлыны.

– Новлöны пö. Тайö жö Париж.

– Абу жö колöма тэнö сэтчö лэдзнысö! – öдзöссö крапкöмön петiс ывла вылö Валя. Миш Öле весиг полiс вöтчыны сы бöрся, медым такöдана кывьясön бурöдны пузьöмсьыс.

Шемöсмöм Öлексан пуксис öшинь дорö сувтöдöм улöс вылö да дзыкöдз лигишмунiс. Мый нö тайö вöчсьö? Гортас сійöс кыскöмön кыскис. Франциьясыс лун-мöдön и пöтiс. Сэся пыр виччысис гортланьыс вöрзьöдчан кадсö. Чайтiс, мый танi сійöс ставön зэв ёна виччысьöны. Виччысьнытö эськö виччысьöмаöсь, но мыйла Валяыс тадзи песьсьö? Быдторйö крукасьö? Быттö нинöм сэтшöм лёксö эз вöч. Козиньясön на со локтiс, эз кут ас вылас сьöмсö таргайтны.

Валя вель дыр бöрсö эз пыр. Сійö збыльысь вежöгтысь морт. Оз вермы сусьыны таысь. Пыр верöссö вежöгтö быд дорö. Со тай Францияас мунтöдзыс Öлексаныс пыр Виолетта дорö котöртлiс, викторина юалöмьяс вылö вочакывьяссö корсис. Мыйкö эськö вöчис жö сэки сьölöмыс Валялön да. Пыр

кажитчис: Виолеттаыс Саша вылас кызкӧ мӧд ногӧнджык видзӧдӧ. Быттӧ радейтана видзӧдласӧн. Да и Сашаыс нимкодъпырысь библиотекаас котӧртліс. А сәні на костын мый вӧлі? Небӧгъясыс сӧмын тӧдӧны. Мыйла вежӧгтӧ верӧссӧ? Гӧгӧрвоӧ, мый мортылды пыр мыйкӧ олӧмад вьлитор колӧ. Йӧзыс эськӧ мед кызд кужасны оласны. Но мыйла Сашаыслы на бӧрся вӧтчыны? Ӧд Валя зэв ӧна радейтӧ верӧссӧ. И тайӧ радейтӧмыс сьлӧн сьӧлӧмын некор оз чусмы. Францияас мунны лӧсьӧдчытӧдз, збыльысь кӧ шуны, Валя эз тадзи вежӧгты Сашасӧ. Неунатӧ пыр вӧлі. А ӧні йирӧмӧн йирӧ вежӧгтӧмыс. Мыйла бара сійӧ эз пырысьтӧм-пыр паныд сувт? Сәкинас, кор викторина вылас верӧсыс ыштис? Вермис ӧд крапкины-шуны паныд, ӧлӧдны нинӧм абунас дурӧмысь. Но эз тай кут. Ӧні кӧть кияснад ӧтарӧ шенась. Сьӧлӧмыс оз дугды потны лӧк мӧвпъяссыс. Олӧмыс сьӧд вой кодъ пуксьӧ со. Мый и вӧчнысӧ? Час пырас да висьталас медся повзьӧданаторсӧ, мед тӧдлас сәки Францияӧ ветлӧмыслыс донсӧ. И пӧсьйивсыс пыригмозыс збыльысь крапкис-шуис:

– Ковмас, тыдалӧ, юксыны тәкӧд та бӧрын. Ӧні жӧ пукся да юксьӧм йылысь шыӧдчӧм гижә.

– Со ӧд кытчӧдз тайӧ Париж вӧснаыс воны кутім. Тӧді кӧ тайӧс, гортысь эг петав, – шемӧсысла бырӧм гӧлӧсӧн артмис Миш Ӗлелӧн. – Кӧть юрӧс керав, но кабала весьтӧ эн пуксьы. Колас-ӧ нинӧм абусыс тадзи вежӧгтыны?

– Тәныд, гашкӧ, нинӧм абу, а меным ӧна ӧтшкис.

– Мый ӧтшкис?

– Ставыс! – ылӧсас вочавидзис Валя.

– Код нӧ тәнӧ вермас вежны? Сәні збыльысь нывбабаясыс абу шыбитанаӧсь. Но нинӧм лӧксӧ эг вӧч. Дзевасинӧс эг кӧтӧдлы и, – мыйлакӧ шмоньялань сетчис Миш Ӗле. Водзгӧ унаысь тадзи жӧ дузгӧдчылас гӧтырыс – Ӗлексан шмонитыштас, и мӧдыс пыр жӧ сылас. Нӧ ӧні татшӧм шуӧмыс эз лӧсяв, мӧдарӧ на, пестӧмакодъ лои.

– Код тӧдас на! Ковмас больничасянь справка вайны. А сәтчӧдз...

– Эн вай йӧйтәв! Кута нӧшта больничәӧдз ветлыны. Тәнад вежӧгтӧм вӧсна.

– Кызд кӧсьян. А ме справкатӧг...

– Мый нӧ сәсся, пидзӧс вылӧ сувтӧмӧн эскӧдны тәнӧ али мый? Збыльысь шуа, асья лысва кодъ ме. Некод вылӧ весиг син эг чӧвтлы.

Валяыс эз вочавидз. Ӗшинӧ видзӧдіс да мыйкӧ ассыс мӧвпәліс. Вель дыр тадзи кадыс муніс. Гӧтырыс чӧв олӧ, верӧсыс оз жӧ тӧд, кызди сәсся эскӧднысӧ. Дыркодъ мысти Валяыс бергӧдчис сылань. Ӗлексан бара пондіс каттысьсӧм сысянь виччысьны. Но мӧдыс небзьыштӧм гӧлӧсӧн нин юәліс:

– Саша, збыльысь Парижас меысь мичаджыкыс абу?

– Абу, дерт. Оз ков менӧ вежӧгтынысӧ.

– Гашкӧ и, оз да. Коді нӧ тә вылӧ меысь кындзи видзӧдлас?

– Видзӧдлас на эськӧ да, – нем думайттӧг брӧльснитчис Миш Ӗлелӧн. Тайӧ кывъясыс пӧсь из вылӧ ва койыштӧм кодъ лоины.

– Со и кыйи, – бара пысәсис гӧтырыс. – Коді видзӧдліс? Кодӧс сәгысь аддзин?

– Некодӧс эг. Коді нӧ ме вылӧ, татшӧм вылад, видзӧдлас? Йӧз серам

туйо и олі сәні. Чуньнас вөлі индөны да ас ногныс мыйкө шуалөны. Тыдалө, висьталөны, кытысь татшөм урөдыс воома.

– Эн лөсьөдды. Абу на тэ сэтшөм мисьтөм, – верөссө нин дорйыштны уськөдчис Валя. Со и гөгөрво сэсся нывбаба рөдтө. Мый висьталан, сэтчө и пысасыны. Некор он төд, кутшөм шуөм налы лөсялас.

Валяыс мыйлакө кутіс матыстчыны Олексан дорө. Мужик мортыд весиг бөрлань сетчыштіс. Код төдас, мый гөтырыслөн юрас. Но Валяыс топыда сывйыштіс сійөс да вашкөдігмоз шуаліс:

– Ме тэнө збыльысь ёна радейта. Со и пола воштөмысь.

– И ме тэнө радейта, – воча висьтасис нинөм на пөтурайттөм Миш Оле.

– Гашкө, эсіё....

– Гөгөрвои. Мый нө войсө виччысьны? Гашкө, тэ эсіёс, коді тай тубрасас, пасьталан да?

– Эг өд йөймы....

А тайө каднас Паша да Люба потшөс вылө мышгьяснас мыджсьөмөн су-лалісны да ассыныс сёрни нүөдісны.

– Мыйкө йөймөдчисны ставөн тайө Парижнас, – ышлолалөмөн шуаліс Люба. Аслыс, дерт, телепит жө сэтчө ветлыны. Но кытысь сылы та ыджда шу-дыс?

– Сідз тай, – эз вөв сылы паныд Паша. – Вай ми налысь Парижнас йөйталөмсө видлам дзугны.

– Кызди?

– Гырысьяслысь сёрнисө коркө кывлі, Нинаыслөн гуся мусук пө вөлөма.

– Но и мый?

– Кызди мый? – аслас мөвпысь ыззьөмысла весиг вежсис гөлөсыс Пашалөн. – Физрукным ок ёна сійөс вежөгтө?

– Но и мый? – веськодя чөвтис Люба.

– Ми кө Нинаыслы кодсянкө письмө ваям? Быттө гуся мусуксяныс?

– Абу кызкө лөсьыд.

– Мый абу лөсьыдыс? Ота-мөд бөрсяыс босьтчасны кыйөдчыны, да Парижыс өдйө юрсыныс пыркалө.

Любалы тайө шуөмыс лөсяліс. Эз сэсся пыксыс:

– Вай гижам и эм. Миян гортын некод абу. Онтай тіянын гижим, да ичөт вокод дэльөдчыны кутіс.

Люба да Паша мөдөдчисны мөвпыштөмторсө оломө пөртны.

А тайө жө кадас Семе Мить да Нина ассыныс сёрни нүөдісны. Керкаас шоныдыс ёна йөрмөма, да лолавнысө весиг сьөкыд. Сайкөдчыны веранда вы-лас петісны.

– Миш Олеыслөн, тыдалө, збыльысь кодкө сәні вөлөма, – вомкөтшнас вашгьялөмөн висьталіс Семе Мить.

– Тэ нө кытысь төдан? Висьталіс али мый? – ёсь видзөдлассө чөвтис верөс вылас Нина.

– Висьталөм оз ков. Аддза өд. Шылялөма весиг чужөм вылас да. Бур сөян да парижса нывьясыд став чукурсө шыльөдөмаөсь.

- Эн вай лӧсӧдлы. Вежыд петӧ али мый? Петӧ кӧть оз.
- Меным тані гажа, – веськодямоз артмис Семе Митьӧн. Сэсса чӧв олыштис да кежӧдіс сёрнисӧ: – А со тӱянӧс, нывбабаясӧс, он лысыт лэдзнытӧ. Торйӧн нин тэнӧ. Парижас вотӧдз на крукыштасны.
- Менӧ позьӧ на лэдзнытӧ, – ас улас кӧть мый эз мӧвпав, но тадзи вочавидзис гӧтырыс. – Ме тэысь ӧтдор некод вылӧ ог и видзӧдлы.
- Код тӧдас на. Миш Ӗле кӧ ыштис код вылӧ кӧ, то и тэ ыштан.
- Вай дугдам нинӧм абусӧ изны. Миш Ӗлеыслы Валяысь ӧприч некод жӧ оз ков. Ме ӧд тӧда.
- А тэныд колӧ? Меысь ӧтдор кодкӧ колӧ? – весиг сувтис лабич вылысь Семе Мить да пондіс виччысьны гӧтырыслысь вочакывсӧ.
- Бара ассыд панны кутін? Кор нӧ нин ӧвсян? – эз весиг сылань видзӧдлы Нина.
- Быттьӧ ӧд ставыс нин бура мунны босытчис. А кызд Миш Ӗлеыс Парижас мунис, сідзи и тэ вежсин. Мыйкӧ несідз али мый нӧ? – ассыс водзӧ сынис мужичӧй.
- Ставыс сідз, – шуис Нина.
- Семе Мить чӧв ланьтис. Гӧтырыс велалӧма нин сылӧн вежӧгтӧм дорӧ да веськодямоз дзоргис туй вылӧ. Коркӧ дышӧдас да, ланьтас Митяыс. Воча кӧ шуан да дорйысьны босытчан – сылӧн сэсса ӧтиторсӧ дӧжналӧмыс помтӧм лоас. Тадзи эськӧ и пукалісны кыв шутӧг, но казялісны налӧн керкалань кежысь Пашаӧс да Любаӧс. Мый морыс нин налы ковмӧма? Мед кӧть керкаӧдзыс оз пырны, гозъя асьныс петісны воча.
- А ми тӱянӧс корсям, – полана гӧлӧсӧн шуис Люба.
- Мыйла? Мыйла корсянныд? – матыстчис локтысьяслань Семе Мить да нырсӧ кӧрліс челядь дорсянь ӧвтысь дуксыс. – Тройнойӧ одеколон али мый юинныд?
- Некутшӧм одеколон эг юй, – дорйысис Паша.
- Паркйӧ эськӧ да, – исыштис сынӧдсӧ Нина.
- Ӗнія том йӧзыдлы ставыс лӧсялӧ. Клейтӧ исаласны и одеколонтӧ юасны, – броткӧдчис Семе Мить.
- Ми абу сэтшӧмӧсь, – чушсӧ нюжӧдліс Люба да юӧртис на дорӧ кежан могсӧ. – Миянлы Нинон колӧ.
- Коді? – эз гӧгӧрво физрукыс.
- Нинон. Сылы со гижӧдтор ыстисны, – мыччис Любаясын гижӧм кабаласӧ Паша.
- Мый? Коді ыстис? – суйсис сёрниӧ Нина.
- Эз тшӧкты висьтавнысӧ. Асьныд пӧ тӧданныд, – потшӧс дорлань ылыстчигмоз вочавидзис Люба.
- Вай татчӧ гижӧдсӧ! – зонкалань нюжӧдіс кисӧ Семе Мить.
- Ті мӧй, Дмитрий Семёнович, Ниноныс? – бӧрлань воськовтис Паша. Школаын велӧдчан кадӧ эськӧ эз лысытлы тадзи велӧдыськӧд сёрнитны, но ӧд каникул. Пӧжысь шонді улад ставыс вежсьылӧ. – Ниноныс, чайта, гӧтырныд, Нина Васильевна, лоӧ. Сылы киас и сетам.

Зонка мыччис кабаласо нывбабалы да уйкнитис Любалань. Сэсса гөрбас сетомысь полдомысла котортисны потшос сайо.

Нина эз гогөрво, мый вочны тайо кабаланас. Та пыдди веросыс вөлі вос-терджык. Зэв өдйө нетшыштіс гөтыр кисыс вайөмторсо да босытчис лыддыны:

– Нинон, кор унмовсяс тэнад юръяндзимыд, волю мяян гуся места дорө.

– Эн сөр. Тайос өд абу жө гижөмаось, – чепөсийс сылань Нина.

– Кыдз абу тайос? – сы выло синъяссө чашкөдіс веросыс. – Ме өд лыддысынытө кужа на.

Нина нетшыштіс кабаласо да лыддис. Лбөбьясыс дзөран кисель моз мөдісны тіравны. Медбөрын скөра горөдіс:

– Да тайо этайояс ышмөны. Нинөм вочнысө да, дурөны. Йөзсө шызьөдөны аслыныс гаж выло.

– Мыйкө оз торъя эскыссы. Оз кө дурны-а, – нурбыльтис Семе Мить. Сэсса бара пондіс унаыс нин шуломторсо изны: – Збыльыс кодкө тэнад эм али мый? Тэнө тай здук кежлө син увсьыд он лысыт лэдзлыны! Мөд дорө нин ко-кыд пышйөдө.

– Кутшөм нө вежөгтөм көвьясис тэныд? Корсысян абутөм мыж. Юр вежөрыд дзикөдз пыркавны кутөма. Вөймөм ыж моз өтарө-мөдарө котравны со босытчин.

– Мый нө нин мясяныс тэныд оз тырмы? – эз кывзы весиг сылыс да ассыс водзө долис веросыс. – Шог али мый мекөд овнысө?

– Босытчин сэн быдторсө лөсьөдны, сөрны! Гортыс көть сэсса эн пет. Ок эськө пель бокад кө лөсыштны! Йөз водзас янала и быдөн. Чарзан сикт пась-талаыс да.

– Нөшта мый? Лэдза ме тэнө пель бокө вартны, – видзөдліс сиктса керка-яс выло да гөлөссө чинтыштөмөн нин шуис Семе Мить.

– Сідзкө, эн и вежөгты. Шуа тай: дурөны том йөзыс. Төдөны, мый вежөгтыны мөдан да.

– Збыльыс мөй йөйталөны юр вундысыясыс? Школаө локтасны да, ме налы пуж петкөдла. Лунтыр турник вылын өшавны тшөкта.

– Час сюрласны найө меным, – кабырсө килькысыс нывка да зонка выло чургөдліс Нина. – Пуж тіянлы петкөдла. Йөз вылас тешитчөмысь.

Паша да Люба тэрыба усйысисны. Дерт, эз гортаныс. Семе Мить да Нина пырисны керкаас. Сэні нин мужичөй полөмпырыс бара юасыны уськөдчис:

– Нинук, тэнад збыльыс некод абу?

– Абу, дерт.

– Вөлі кө өд, казялі жө нин. Меысь нинөм дзэбны он вермы.

– Абу, мися, некод. Абу.

– Код нө меысь өтдор тэ выло ыштас? – аслас сюсь шуөм выло весиг серөктыштіс Семе Мить.

– Абу на ме сэтшөм мисьтөм, – рөмпөштанө гоньөвтліс Нина.

– Со и гогөрво тіянөс, нывбабаясөс. Мый шуан, сэтчө и пысасынныд. Ме тэнө збыльыс өна радейта. Со и пола воштөмысь.

– Эн пов, он вошты. А кутан кӧ тадзи вежӧгтыны – муна кытчӧкӧ.

– Ме тӧкӧд муна. Ӧтнам ог кольччы. Мый нӧ ме ӧтнамӧн тайӧ керка пытшкас вӧча? – мый юрас воис, сийӧс и брӧльснитис мужичӧй. Весиг эз мӧвпыштлы, мый гӧтырыс кӧ збыльысь мӧд дорӧ усьиыяс, то сийӧс аскӧдыс, дерт, босьтны оз кут.

Пажын кад нин уйкнитис, а сиктса библиотекаӧ некод на нырсӧ эз мыччыв. Виолетта гажтӧмысла гожӧм воӧм бӧрас босьтчис велӧдчыны кысыны. Но ӧниӧдз на нинӧм сэтшӧмыс сълӧн ки улысь эз пет. Абу кӧ сетӧмаӧсь мортыдлы сямсӧ, кӧть сӧ во велӧдчы – бурасӧ оз и артмы. Но Виолетта оз энотчы. Он ӧд пыр небӧг лыдды. Юр вежӧртӧ ковмылӧ и шойчӧдыштны. Мыйсяма олӧм пуксис? Некод весигтӧ оз кежав. Гожӧм эськӧ ывла вылас да. Некор, тыдалӧ, йӧзыслы лыддысьнысӧ. Кулан тай тани гажтӧмысла. Мыйсяма олӧм?! Лыддысьнытӧ дугдिसны. Сашаыс мыйкӧ дыр оз лок и. Кутшӧм гажа ськӧд вӧли, кор викторина кузя вочакывъяссӧ ӧтлаын корсисны. Рытъясыс лӧбӧмӧн лӧбисны. Он тай бергӧд. Сашаыс Виолетталы збыльысь кажитчис. Дерт, во сизимӧн кымын ыджыдджык сыысь. Тайӧ быдмигад тӧдчылис. Виолетта сӧмын на чужис, а Сашаыс школаӧ нин мунис. Кызь арӧс бӧрад комынсӧ на тырттӧм мужичӧйясыд оз нин сэтшӧм пӧрысьӧн кажитчыны. Кадыс шылӧдыштӧ арлыд костсӧ. Кажитчыны эськӧ Сашаыс кажитчис, но нинӧм сэтшӧмыс на костын эз вӧв. Том мужичӧйыс сийӧс сӧмын викторина вылӧ вочакывъяс корсьысьны отсасьысьӧн и видзис. Дерт, ас кежад кольччылыгӧн ӧта-мӧд дорас кымыныськӧ инмыштлысьны жӧ. Виолеттаӧс таысь йирмӧг весиг босьтлывлис. Но мӧдыслы, тыдалӧ, веськодъ вӧли. Эз тай и вежсьыв чужӧм вылас-а.

Дерт, семья костӧ суйсыны Виолетта эз мӧвпав. Сидз асьсӧ пӧжис быттӧ Саша йылысь мӧвпьяснас. Код вылӧ кӧ ӧд кад нин ыштыны. А сиктсьыс сылы некутшӧм зон абу сӧлӧм сертиыс. Ок эськӧ Сашаыс кӧ гӧтыртӧм вӧли! Сӧк эськӧ! Кор сийӧ мунис сиктсьыс Францияас, Виолетта весиг гажтӧмалис. Виччысис бӧр воӧмсӧ. Гашкӧ, Саша бара кутас тшӧкыда библиотекаас пыравны. Виолетта кӧть нин аддзывны сийӧс пондас. Гажтӧм вӧснаыс и ветлис талун Петя Вась да Кире Катя дорас. Помкаыс вӧли да. Керка вевтыс збыльысь пысьтыштӧма. Оз эськӧ вывтисӧ, но войталыштӧ ӧна зӧригӧн.

Виолетталысь ӧтка олӧмсӧ торкис ӧдзӧс дзуртыштӧм. Нывлӧн сӧлӧмыс топавлис. Локтӧ али мый? Сашаыс. Но сы пыдди тагӧс вомӧн воськовтисны Паша да Люба. Библиотекарлӧн юланторйыс дзик ӧти:

– Небӧгла воинныйд?

– Колантор, – ӧвтыштчис Паша.

– Сидз пырим. Восьса ӧдзӧсыд да.

– Мукӧдлаас нӧ игнасьмаӧсь али мый?

– Абу жӧ эськӧ да, – серӧктыштис Люба.

– Пыринныйд кӧ, небӧгтӧг ог лӧдз, – гӧлӧссӧ весиг чорзьӧдыштис Виолетта.

– Оз ков, шуа, миянлы небӧгыд. Сытӧг гажа, – шеныштис кинас Паша.

– Кыдз нӧ лыддысьтӧгыс? Небӧгыс на мортыслы гажсӧ да мывкыдлунсӧ сетӧ. Босьтӧй кӧть кык вылӧ ӧтиӧс.

– Сибалис сэни, – дözмис весиг Люба. Сэссия кыскыштіс сойöдыс Пашаöс. – Мунам вай.

– Ме жö шулі, мый оз ков татчö пырнысö, – броткыштіс зонка.

– Лыддысытьöгыс нö кыз овны кутанныд? Нинöм вильсö тöдмавтöгыс? – шензис библиотекаар.

– Интернетыс нö мый вылö? Телепонас видзöдлам да ставсö тöдмалам. Небöг да газет оз ков, – вочакывйыс сюри Любалы.

Виолетта ветліс джадж дорö, босьтіс öти небöг да матыстіс нывкалы да зонкалы ныр дорас:

– Со исыштöй, кутшöм аслыспөлöс чöскыд көрөн öвтö небöгсьыс.

– Виолетта, дугды! – вешйис сы дорыс Паша. – Быд жежалігөн небöгсö ныр улö сюян.

– Исыштöй, исыштöй. Интернет пырыд лыддысигад татшöм көрыс оз кыв. Тайö сэтшöм жö, кызди компьютерыс дзоридз видзöдöм. Мичанас мича, а нинöмөн оз öвт. Дзоридзтö колö видз вылыс видзöдны да нимкодысьны. Сідз жö и лыддысьнытö небöгыс колö.

– Мунам вай. Öтнасөн олигас дзикöдз кежны со Виолеттаыс босьтчöма. – Люба эз и понды виччысьны өртсö, петіс библиотекаыс. Паша вöтчис сы бөрся.

– Эз öд и босьтны, – ышловзис Виолетта.

Öтнасөн кольöм бöрын эз нин кутчыс кысян уджас. Асьсö такöдöм могыс мöдіс бергалöмөн йöктыны. Во-мöд сайын сійö заводитіс кывбурьяс гижны. Некодлы на эз петкöдлы весиг. Яндысис. Но ас улас тшöкыда лыддыліс. Быттьö абу и омольöсь артмöмаöсь. Öтиös весиг сывывливліс. Шыладсö ачыс жö лосьöдіс. Гашкö, кутшöмкö сыланкыв вылö и манеритö. Абу öд тай сійö композитор. Но аслыс кажитчö сыввнысö. Зэв ёна сьölöмсö вөрзöдöны кывьясыс да. Со и öні йöктігмоз сійös сыввны кутіс. Весиг кавалерьясöс моз вежалöмөн небöгьяссö джаджсьыс босьтывливліс.

Мый нö тайö кутіс лоны?
Некод лыддысьны эз кут.
Небöгьяс эз мöдны ковны.
Оз-ö олöмыс нин сувт?

Меным лыддысьысьтöг гажтöм,
Натöг менам уджыс руш.
Колис казтьывлыны важсö,
Кор тай лыддысисны куш.

Мыйсяма нö пуксис олöм?
Йöзыс лоис дзик нин мöд.
Татчö лыддысьны оз волы,
Мый вöчöны, мун да тöд.

Дерт жӧ, мыжасӧ ме тӧда,
Мыжа таысь интернет,
Сы вӧсна олӧ тшӧтш сьӧдас
Томуловкӧд дзормӧм дед.

Чайта, локтас сийӧ кадыс,
Татчӧ ыльӧбтас кор йӧз,
Сэки менам уджвыв ладыс
Оз ло пемыд, лоас лӧз.

Сылыгас, бергалӧмӧн йӧктӧгас эз и казав ӧдзӧс шысӧ. Семе Мить да Миш Ӧле пырисны да шензьӧмӧн видзӧдисны Виолетта вылӧ. Вель дыр нинӧм шуны эз путьмыны. Ныв казалис найӧс да зэв ӧна гӧрдӧдис. Медводдза кывйыс вокыслы сюри:

– Тэ тай, Виолетта чойӧ, дзикӧдз вежӧрнад торксӧмьд? Небӧгыскӧд нин кӧ йӧктан?

– Гажтӧмысла со, – мый юрас воис, сы вылӧ и ыстысис Виолетта. Воксыс ӧнасӧ эз яндысь. Сылы кызкӧ эз вӧв лӧсыд Саша водзас. Мый сийӧ шуас? Кӧнкӧ, дивитӧ жӧ ӧтнасӧн йӧктӧмысь.

– Верӧс сайӧ пет нин ли мый ли. Сэки оз ло гажтӧм, – петан туйсӧ индис Семе Мить.

– Вевтсӧ кайлӧй да видзӧдлӧй, – кежӧдис сӧрнисӧ чойыс. – Ме эськӧ сӧмын Сашаӧс корлі да.

– А ме кайлі нин. Аддзи розьсӧ да тупкышти. Вешйӧма вӧлі ӧтилаті да, – юӧртис Миш Ӧле.

– Ме тай нӧ эг кывлы. Кайлӧмтӧ.

– Сийӧ ӧд вевт вывтыс эз котрав. Кыссьӧмӧн видзӧдліс, – вомалис чойсӧ Семе Мить.

– Аттӧ! Виялӧ зэв ӧна вӧлі да. А ӧні небӧг босьтӧй.

– Мӧдысь нин, – дӧзмыштіс весиг вокыс.

– Тэ ӧд школаын велӧдан, – дивитны пондис Виолетта. – Тэныд век колӧ мыйкӧ выльӧс тӧдны. Кыз нӧ татӧгыс?

– Ме ӧд ог литература велӧд. Физрукала. А сылы уна лыддысьӧмсыс нинӧм. Киыд да кокыд кӧ ӧн вӧлі и. Мед он велӧдчысыс водзас янав.

– А тэ, Саша, ӧні сэсса он жӧ кут волены? – тайӧ юалӧмсыс гӧлӧсыс тӧрзянаӧдз вуджис нывлӧн.

– Ог и тӧд. Быттӧ мogyс абу да.

– Кутшӧм бур вӧлі, кор тэ татчӧ воывлін, – ышловзис ныв. Сэсса казалис, мый вокыс зэв сюса босьтчис видзӧдны сы вылӧ, да думсыс каитчис гуся мӧвпсӧ гораа шуӧмысь.

– Мый нӧ бурьс? – синсӧ сувтӧдӧмӧн юасис Семе Мить.

– Бур вӧлі. Гажа, – ылӧсас вочавидзис Виолетта.

– Виолетта, мун да сӧйышт гортад, – мыйлакӧ татшӧм корӧм чужис вокыслӧн юрын.

– Эг на тшыгыяв да. Сөмын неважөн тшай тані пузьöдлі.

– А ме тэныд козин вайи. Отсалөмсьыд, – мыйкө кыскис пинжак зепсьыс Миш Öле. – Со Париж йывсьыс открыткаяс. Любуйтчы пөттöдзыд. Кутшөм сійö мича.

– Аттьö, – весиг нормыліс Виолетта. Абу жö тай дзыкöдз вунöдöма сійöс Сашаыс. Весиг со козин вайöма.

Ныв көсйис на мыйкө водзö шуны, но Öлексанлөн зептын триньöбтіс телепоныс. Миш Öле кыскис да пуктіс пель дорас:

– Силитчисны тай. Алло. Коді сэні? Кто там? Коминас кө он гөгөрво. Нинөм оз кыв. Мыйкө эськө тольгöны жö да.

– Вайлы меным, – корис Семе Мить.

– На.

Семе Мить босьтіс телепонсö, пуктыліс öти пель дорас, сэсса вуджöдіс мөд пель бокас.

– Тутсöны сөмын да, – бөр чургöдіс свöякыслы телепонсö Семе Мить.

– Выльысь кө звөнитасны – меным вай, – отсөг вылö зілис локны Виолетта. – Гашкө, збыльысь Парижсянныс да.

– Вай тэ нин көть эн йöймöдчы. Кутасны сэтсыянь звөнитны, – отсөг сетны көсйисьöмсьыс аттьöалөм пыдди скөрмыштөм гөлөсөн шуис Сашаыс.

– Колөкө, мыйкө колин сэтчö да? – нурбыльтіс ныв.

– Көйдыстö, – азыма серөктіс Семе Мить.

– Ланьт, Митя, – вомаліс чойыс.

– Тэ век на тані, – быттьö садьмис вокыс, шуöмыс эз лөсяв да. – Ветлы, мися, сөйышт. Ми тэнсьыд овмөстö видзыштам. Некодысь жö эськө да.

– Ог, мися, сөйнысö көсйи.

– Кывзысь ыджыдджык вокыдлысь. Мун, – мыйлакө вокыс дор лоис Саша.

– Оз тай нинөм тайö гөгөрво. Вөтлөмөн вөтлыны ковмас.

Семе Мить мурса тойлалөмөн эз йөткав Виолеттаöс уджаланінсьыс. Тыдалö, кутшөмкө гуся сёрни көсйö ёртыскöд нуöдны да. А юаланторйыс вöлі. Пыр на йирис мөвп: мыйкө вöчис эз свöякыс Францияас сэтчөс керкаясөн любуйтчөмысь öприч. А мый мужикьясыд гөтыр син водзсьыс вошөм бöрын вöчлöны? Дерт, нывъяс вылö синсö чөвтлöны. А сяммасны кө, позяс на и мусукасьыштны. Семе Мить эськө гөтрасьöм бöрас та кузя Нина водзас эз на мыжмыв. Но юрас быдсямаыс жö воывліс. А Öлексаныс, гашкө, эз сөмын мөвпьяснас тайöс вöчлы. Библиотекаö локтігөн нин көсйис та йылысь тöдмавны, но эз слöймы. Тшукджыка кө, поліс, мый сёрнисö кыласны. Быттьö эськө некодöс йöрас эз адзывны, но сиктад и керкаясыд, пывсяньясыд, пес лэбувьясыд весиг синма-пелясь. Катыд помас вомгорулад мыйкө сэтшөмөс шуан, кывтыд помас тöдöны нин. А тані, библиотекаас, көть мыйсö он сёрнит. Со кутшөм чөв-лөнъ. Татчö көть век гөтыр син увсьыд саймовтчыв да гусьöникөн ставтор йывсьыс бызгы. Дерт, мужикьясыд сёрнианыс выліті лэбавлöны. Эмсö и абусö вермасны сөрны. Семе Мить асьсö эз на пöрысьт. Том сьөлөмаөн на лыддис. Сідзкө и, свöякыс на сэтшөм. Синмыдлы мыйыс

на оз ков. Торйӧн нин мичаник кузь кока нывъяс. Дінтӱд мунасны да, пыдӱсянь сӧмын лолыштны ковмас. Комын арӧсад матыстчигӧн тай неуна ышман пачыд ваймыштлӧ. Ковмылӧ лӧдсыштны. Кӧть нин сӧрниясӧн.

– Мый нӧ кӧсьян сэтшӧмсӧ юавны? Чойтӧ со весиг вӧтлін, – свӧякыслысь падъялӧмсӧ казяліс Миш Ӧле.

– Ӧлексан, – босътчис Семе Мить. Сэсся серӧктыштӱс асьсӧ такӧдыштӧм могысь. – Бара сорси. Тэ ӧд ӧні Мишельӧн лоӧмыд.

– Дугды вай. Юалан кӧ, юав.

– Тэнад, Мишель, сәні кодкӧдкӧ мыйкӧ артмыліс эз?

– Мый артмыліс?

– Эн вай йӧй улӧ лӧччысь. Кодӧскӧ тшапнитлін эн? Парижанкаясыд пӧ ӧд ок мичаӧсь. Оз ӧд прӧстаысь Валяыд вежӧгты.

– Мичанад мичаӧсь. Но некодӧс эг топӧдлы весиг.

– Сӧран жӧ эськӧ да. Сы ылнаӧдз ветлін да, эн кӧ весиг топӧдлы, то мый татшӧм ветлӧмсыд?

– Ме ӧд сэтчӧ нывъяскӧд кутчысьлыны эг ветлы.

– Мыйла нӧ эськӧ? Тэ жӧ Парижӧдз тӧвзылін. Сәні пӧ и радейтчӧмыслӧн позйыс да.

– Ме Парижнас любуйтчӧм могысь сӧмын ветлі.

– Дугды сӧрнытӧ. Сыӧн любуйтчыны и серпасъяс вылысь поэьӧ. Ог эскы ме талы, – скӧрмис весиг Семе Мить. Кӧсйис кывны мыйкӧ дельнӧйтор. А мӧдыс со сӧмын пыксьӧ, некыдзи оз кӧсйы збыльсӧ висътавыны.

– Эскы кӧть эн.

– Мыйла нӧ эськӧ Валяыд вежӧгтыны кутис? Эз нӧ мӧй ачыс лӧдз ветлынысӧ?

– Сылысь юасътӧг эськӧ эг жӧ мун да. Весиг ӧтнамӧн ог вӧлі кӧсйы муннысӧ. Но ачыс ыстис. Ог и тӧд, мыйысь вежӧгтӧ. Нинӧм абусысь.

– Найӧ сэтшӧмӧсь, – ышловзис Семе Мить. – Быттӧ збыль кӧ висъталан. Менам тай Нина тшӧтш жӧ нинӧм абусысь босътчылас вежӧгтыны да. Кӧть эськӧ ачым...

– Мый ачыл?

– Нинӧм. Сидз шуи. Энлы, кодкӧ ӧдзӧснас дзуртыштӱс. Виолетгаыс бергӧдчис али мый нин?

Ӧдзӧс воссис, да медводз мыгчысис Петя Васълӧн юрыс. Сйӧ кыйкнитліс ӧтарӧ-мӧдарӧ, казяліс, мый зятъяссыс ӧприч некод абу, да повтӧг вӧськовтис.

А таӧдз Петя Вась вель дыр кывзис нывбабаяслысь лӧвтӧмсӧ. Медводз Катяыс кесйӧдліс, пыр велӧдіс, кытчӧ колӧ пызансӧ рыт кежлас вештыны, кымын улӧс сувтӧдны. Сэсся Нина нылыс воис. Кык нывбабаыл вель дыр арталісны, кыдзи кутасны рытйысьны. Валяыс эськӧ мӧгӧн пырис. Тӧдмавын, збыльысь-ӧ верӧсыс библиотекаас Семе Митькӧд мунис. Нина эськӧ кӧсйис тшӧкӧлдывайтыштны, шуны, мый Митяыс гортас тытвидзӧ. Но мамыс тай кыдз вуззысис! Сэсся куимӧн пуксисны да босътчисны лӧвтны, мыйла та дыра мужикъясыс довъялӧны. Семе Мить пӧ эськӧ мед да, но Миш Ӧлеыс ӧд сӧмын на локтис. Некыдзи эз воны кутны, да мӧвпыштисны библиотекаас вет-

лыны. Найо сөмын на саялысны, а Петя Вась уськөдчис веськыд туйод зять-ясылы налысь локтөмсө висьтавыны. Колөкө, кык мужик мый сәні оз вөчны да. Ковмас өлөдны, мед нывбабаяс локтөдз став лёкторсө эновтисны. Гусьон юоны ли мый ли кө. Кире Катя, Валя да Нина вель на дыр оз воны. Налы век кодкө паньд веськалас. А нельөд нывбаба кө на кельбөбө сөльнитчас, то сувтөмөн варовиттөг оз янсөдчыны.

– Муртса и слөйми, – аштөмысла өдва лолыс шедіс Петя Васьлөн.

– Мыйкө лоис али мый? – майшасис Миш Оле.

– Нинөм эськө сэтшөмыс эз ло да. Тянлысь татчө локтөмтө казялі да со пыри. Гортын эськө уджыс тыр да. Ог на тай паччөр сэрөгын туплясь. Дерт, паччөр вылад куйлігөн гөйгөйд оз вөрззы. Мый йылысь нө сёрнитанныд? Көні нө Виолеттаыс?

– Гортас ыстім. Пажнайтны, – суйсис Семе Мить. – Тесът, мыйла нө татшөм өдйөсө локтін? Аштөмыд со. Мыйкө збыльысь лоис али мый нө?

– Öлөдны вои. Нывбабаяс талань вөлі локтөны, да кытшлалөмөн пановті висьтавыны. Водзынджык нывъясөй. Бөрсяныыс менам нимкодьторйөй тапиктө вөлі. Сійөн и ашти.

– Татчө мөй жө локтөны? – шензьөм босьтис Митя зятьсө.

– Талань тай веськөдчисны-а. Мый йылысь нө та дырасө варовитанныд? Öлексан зятьө, вай висьталышт, кыдзи да мый сәні Парижас олін? Йөз пос улө лэбынтө эн тшукйөдлы? Висьтав. Меным өд позьө. Ме өд тиян моз жө гач новла. Нинөм менам вомысь оз пет.

– Нинөм сәні сэтшөмыс эз вөв. Но кутінныд өна юасьны, да висьтала нин. Олышти ме, мужикъяс, сәні. Ок, олышти да. Ставторйыс вөлі, – медым мынтөдчыны, ковмис лөсьөдны Миш Öлелы.

– Ме эськө ог эскы да, – мыйлакө өні тадзи шуис Семе Мить, көть эськө неважөн на буретш татшөм висьтасьөм и виччысис. Сэсся пысасис Петя Вась дорө: – Тэныд, тесът, мыйла тайөс вөлі төднысө колө? Öлөмаыслы.

– Нинөм на тай ті, томулов, он пөтурайтөй. Пөрысь да вөрысь на. Мөвпьясөн быдсямасө на вөчлывлa и. Со мый ме тиянлы шуа. Дерт, больгөмсьыд нянь шомөсыд оз сукмы, но сёрниттөг некыдзи жө дай. Миянлы, мужикъяслы, колө отувтчыны. Мөд ног бабаясыд кокаласны.

Петя Васьлы кө кыв сетісны, он бурөн мын. Висьталас и висьталас. Со и өні помся бызгис. Ме пө сюра-пеля морт, да көсья тиянөс велөдыштны. Бабаясыд пө сэтшөмөсь, а ми, мужикъяс, татшөмөсь. Ог кө пө куччысьөй отув, бурсө эн виччысь. Гөтыръяс пө таяласны. Пурасны да нырасны. Ми пө, мужикъяс, олөм кутысьясыс, а насянь пө тусь ни пызь, сөмын горзөны, пинялөны да ойзөны. Дыр на эськө кывнас печласис Петя Вась, но Семе Мить өшиньө пыр видзөдіс да нем виччысьтөг шуис:

– Збыльысь өд татчө локтөны.

Петя Васьлөн юргана гөлөсыс кусі. Вашкөдөмөн нин сёрнитіс:

– Биысь моз наысь повны ковмө. Мунам нин вай. Син улас кө усям, бара мыйкө думыштасны миян йылысь.

Мужикъяс ньөв моз лэбыштисны лөнь керкаысь да полөмпырысь мунісны.

Ылӧкодъ пызйыштӧм бӧрын разӧдчисны, быдӧн шавксӧдӧс аслас оланӧн-лань.

Библиотека пытшкӧ Нина да Валя пырисны муртса эз котӧрӧн. Тыдалӧ, лача кутӧсны, мый суасны верӧсьяссӧ кутшӧмкӧ лектор вӧчигӧн. Ньӧжйӧ кӧ пондан пырны, кыласны да ставсӧ дзеблаласны. Та бӧрын сӧсса он нин найӧс дзескӧд, вензясны да соссясны. Кире Катя кольччис наысь. Паньд сюри томдырся нывьӧртыс. Важӧн нин пӧ эг аддзысьлӧй да варовитыштам неуна. Налӧн неунаыс вермас часӧдз нюжавны. Нывьясыс эз кутны виччысьны.

Библиотека пытшкас некодӧс эз аддзыны. Джаджъяс сайсьыс эз жӧ и. Шемӧса сувтӧсны жыр шӧрас да шензьӧмӧн видзӧдлӧсны ӧта-мӧд вылас. Быттьӧ юасисны, мыйла нӧ пӧ тэ татшӧм ӧдйӧсӧ пырин? Тадзи тай Валя гӧгӧрвоис-а. Та вӧсна и дорйысьыштӧс весиг:

– Сьӧлӧм абу местаын. Тайӧ лек Париж вӧснаыс. Мунӧс да та дыра Сашаыс ветлӧдлӧ. Корсьны весиг ковмӧ.

– Вежӧгтыны тай, чойӧ, Сашатӧ босьтчын. Виолетта дорас.

– Виолеттаыс нӧ кӧнӧ? И Саша со абу.

– Вежӧгтан. Аддза ӧд, – асьыс водзӧ кӧк моз кӧкис Нина.

– Саша Виолетта вылӧ оз на ышты, – вомалӧс Валя. Но весиг ачыс эз вермы тайӧ кывьясыслы эскыны. Вежӧгтӧмьд кӧ йирны пондас, весиг мыр кутас кажитчыны верӧсыдлӧн мусукнас.

– Код тӧдас на, – водзӧ пестысис Нинаыс. Сылы эськӧ, мӧдарӧ, ланьтны да такӧдны чойсӧ вежӧгтӧмсьыс, но эз кӧсйы. Быттьӧ мыйыськӧ пытшкӧсса лексӧ песӧ. – Парижас ветлӧм да быдторсӧ аддзылӧм бӧрын, гашкӧ, код тӧдас кыз ышмас. А тэ ачӧд кодӧскӧ аддзы. Сэки Сашаыдлӧн ставыс вунас. Оз кут Виолетта дорӧ котравны, а сӧмын тэ бӧрся и кыйӧдчыны босьтчас. Вежӧгтӧмысла.

– Сӧран нинӧм абусӧ. Бӧръя вежоннас быттьӧ вежисны тӧнӧ. Сашалӧн Парижас мунӧм бӧрын, – вомалӧс Валя да бара сюся видзӧдлӧс чой вылас. – И синьясыд кызкӧ кодзлавны кутӧсны. Дзик сэкса мозыд.

– Тэысь тай нинӧм он дзеб. Збыльысь ӧд быттьӧ мыйкӧ бара вӧрзис. Бара мыйкӧ эз кут олӧмас тырмыны.

– Тэнад ставыс эм да.

– Пидзӧса гача Митя кындзи некод абу. Век сы ногӧн сӧрнитны ковмӧ. Дышӧдӧс голя помӧ вотӧдз.

– Нинӧм тэнсьыд ог гӧгӧрво.

– Сашаыд Парижас мунӧс да, менам та вылӧ веж петны кутӧс. Телепит сы пыдди ветлыны лои. Ок эськӧ веськавлыны кӧ сэтчӧ.

– Мыйла?

– Быттьӧ он тӧд. Парижыс ӧд радейтчан поз. Аддзи эськӧ кодӧскӧ.

– Дугды сӧрнытӧ.

– Ме ог сӧр. Тэныд быттьӧ оз волю юрад мӧд мужиккӧд кутчысьлӧмыс да окасьӧмыс?

– Оз. Меным и Саша тырмымӧн.

– Ылӧдлан. Быдӧнлы татшӧм мӧвпыс волӧ. Мыйкӧ вежыштны олӧмас.

– Тэ օтчыд видлі нин вежны.

Нина пыдісянь ышловзис тайօ кывъяс бօрас. Во куим сайын налօн сиктօ воисны туй вօчысяс. Овмօдісны найօс օти тыртօм керкаб. Луннас уджалісны, а рытъяснас гажօдчисны. Он шу, мый юисны-кодалісны ли мый ли. Но сиктса том нывъясօс кыскօмօн кыскис сэтчօ, кытօн юргисны сьыланкывъяс, гажа серам. Нина ыштіс жօ օти том мужичօй вылօ. И мօдыслы, тыдалօ, сійօ сьօлօм вылас жօ воис. Первой паныдасигъясас синмасисны, сэсся кызкօ ас кежын паныд лоины. Кыв-мօдօн шыбитчисны. Та бօрын и босътчис Ниналօн гуся мусукасьօмыс. Кык тօлысьыс унджык кыссис.

Гусян налыс аддзысьлօмъяссօ шуны некыз. Пыр кодкօ аддзылысьыд сурас. Но гораа та йылыс сиктын эз жօ сёрнитны. А вашкօдօмօн висьталօмыд օдйօджык паськалօ. Воис и Петя Вась да Кире Катя пельясօдз. Видлісны օлօдны нывсօ. Но кольօма тай велօдан кадыс. Колօ пօ челядътօ велօдны сэк, кор крօвать вомօныс куйлыны на тօрօны. А кузьтала водօмօн узылан кад воօм бօрын сёр нин. Эз кывзыс, паныд тшетшкис. Гозъялы сօмын коли виччысьны, мый бурօн помасяс нылыслօн йօйталօмыс, оз торксы Семе Митькօд олօмыс. Виччысьнысօ эз и дыр ковмы. Гуся радейтчօм йывсьыс сօмын казтылօмыс и коли. Быдсямаыс вօчьыліс Ниналօн сьօлօмын та бօрын. Бурис и лօкыс. Но օні век жօ асьсօ важ дойсьыс такօдօм могыс ли мый, шуис:

– И ог каитчы таыс. Кутшօм шуда здукъяс тайօ выльторйыс сэк вайліс.

– И абу весиг яндзим таыс?

– Мыйыс яндзимыс? Шудсьыс? Виль пօлօс радейтօмыс?

– Меным кօ эськօ юр яндзим вօлі, – кօритны босътчис чойсօ Валя. – А тэ со кутшօм օзъян синмօн казтылан.

– օдйօ тай ставыс ваймис-а, – дивитօмыс воча шуօм пыдди ышловзис Нина. – Сэкинад. Туй вօчыс шоперыс мօдлаօ вуджис, и ставыс помасис. Некод меыс кындзи эз и тօдлы.

– Ставныс казялісны. Батьыд да мамыд, кызди тօда, весиг пинялісны тэнօ. И Саша, и ме тօдім, но нинօм эг шуօй. Гашкօ, сօмын Митяыд эз тօд.

– օтчыд эськօ шопер дорас машинаас пуксьօмօс казявліс жօ да, – пычиктіс быттьօ серамсօ Нина. – Но ыстыс, мый шօрсиктօ ветлыны пօпутнօй куті. Эскис օд.

– Гуся радейтօмыд абу радейтօм. Таыс он пօт.

– Ачыд видлы, да сэки гօгօрвоан, кутшօм тайօ.

– Мекօд татшօмыс некор оз ло. И тэ эн мօвпав. օвсьы сэсся.

– Кօсья эськօ, да ог вермы. Ме абу тэ кодь. Меным выльтортօгыс гажтօм.

– Мыйкօ мօдтор йылыс мօвпышт, мед олօмтօ гажօдыштны.

– Радейтօмыс бурджыкыс нинօм абу. Ок эськօ Парижас кօ веськавлыны.

– Тэкօд вензы кօть эн. Пыр асьыд долян.

– Сэтшօм нин ме моргыс да. Кадыс тай օдйօ лэбօ. Он и казявлы, кыз рушмам, нярмам, некодлы ковтօмօн лоам. А нинօм олօмсьыс эг и аддзылօй, – тайօс шуалігօн Ниналօн гօлօсыс пыр лօнис и лօнис. Бօръя кывйыс вашкօдігмоз нин артмис. Сэсся нем виччысьтօг бергօдіс сёрнисօ, да бара

горзбӧм гӧлӧс письтӧс. – Валя, мый нӧ сэтшӧмсӧ Сашаыс тубрасторас вайис?

– Нинӧм эз.

– Ме Митялы тшӧктылі видзӧдлыны, да весиг висьтавнысӧ эз сяммы. Кутшӧмкӧ кӧвторыяс пӧ. Висьтав, мый? Аскӧдыд ӧд тай тубрассӧ босьтӧн. Адзылі ӧд сумкаад пунктӧмсӧ.

– Весиг висьтавнысӧ дыш. Адзӧма ваянтор.

Ӧнтай Валя пунктӧс верӧсыслысь вайӧмторсӧ ичӧт сумкаас. Эз и тӧд, мыйла буретш сэтчӧ дзумгис. Нывбабаясыд тай сэтшӧмӧсь, мый асланыс ичӧт сумкаыскӧд оз убӧлитны янсӧдчывны. Керкасыс петӧгӧн век аскӧдныс босьтӧлӧны. Сэні налӧн став озырлуныс да. Ичӧт рӧмпӧштан, льӧбтор мавтан, сынан да мукӧд лӧтӧ-мӧтӧ. Кодъяс налы мыйлакӧ ковмылӧны быд здукӧ. И ӧні Валялы телепит лои мыгчӧдлыны чойыслы Сашаыслысь козинсӧ. Кыскис тай сумкасыс-а.

– Петкӧдлы нин ӧдйӧджык.

Валя разис тубрассӧ да чургӧдіс Ниналы, мед видзӧдлас да шензыштас верӧсыслӧн ковтӧм козин вылас.

– Со мый.

– Мый нӧ тайӧ татшӧмыс? Да тайӧ жӧ эсійӧ... Стрингы. Кылан, Валя, гашкӧ, эз тэныд сійӧс вай да? Эсылы...

– Кодлы эсылысӧ?

– Виолеттаыслы. Шуа тай, лӧсьӧдлы кодӧскӧ.

– Вай татчӧ. Кутӧн сэні нинӧм абусӧ дольны, – нетшыштӧс козинсӧ чойыслӧн кыысь Валя. Сэсса кывзысьыштӧс. – Энлы. Кылӧ кодкӧ локтӧ.

– Некод оз лок. Татчӧ нӧ кодӧ локтас?

– Ӧдзӧс дзуртыштӧмыс ӧд кыліс.

Локтысьӧс дыр виччысьны эз ковмы. Мамныслӧн сӧрнитан уджыс, тыдалӧ, эштӧма. Бӧрсӧ гортас Кире Катя эз жӧ кос, нывъяс бӧрся со воис.

– Лоӧ, мися, вӧтчывны, – пыригмозыс висьталӧс локтӧмыслысь помкасӧ Кире Катя. – Зэв нин ӧдйӧ ме дорысь мунӧнныд да.

– Мыйла нӧ, мамӧ, вӧтлысян? – дивытыштӧс Валя.

– Кыдзи мыйла? Мам ӧд. Ковмас нэмтӧ тӧян бӧрся кыйӧдны, мед нинӧм сэтшӧмсӧ он вӧчӧй.

– Мый нӧ ми вермам сэтшӧмсӧ вӧчны? – шензыштӧс Нина.

Валя весиг эз на слӧймы бӧр суйны тубрассӧ сумкаас. Сійӧ и уси мамыслы син улас.

– Со тай мыйкӧ видлаланныд. Йӧзсыс саймовтчӧмӧн.

– Нинӧм ог видлалӧй да, – кӧсйис дзебны верӧсыслысь козинсӧ Валя.

– Абу ӧд синтӧм. Мыш саяд дзебин мыйкӧ да. Вай петкӧдлы жӧ мамыдлы.

– Тэныд, мамӧ, петкӧдлы кӧть эн, он жӧ гӧгӧрво-а, – крукыштӧс Нина. – Олӧма морт нин да.

– Эн на мамтӧ пӧрысьт. Мыйсюрӧ гӧгӧрвоа на. Вай петкӧдлӧй.

Валялы ковмис сетны. Ӧні кӧ бӧр сумкаас сюяс, мамыс нэм кежлас лӧгасяс.

– На видзӧдлы. Саша со вайис. Парижсянь кыскӧма.

Кире Катя полӧгтыр разис тубрассӧ. Чайтӧс, мый кутшӧмкӧ вывтӧ кола-

натор гартыштöмаöсь. Кисьыд усяс да пасьмунас, гашкö. Сэссия вель дыр чуймöмön видзöдiс аддзывлытöм на вайöмторсö.

– Мый нö тайö татшöмыс? Вöв сермöд али мый?

– Абу эськö вöв сермöд да. Меным новлыны вайöма. Парижас пö став ныв-бабаыс тайöс пасьталöмаöсь.

Нинаыс пыльсялигтыр тöдмöдiс, кытчö тайöс пасьталöны парижса ань-ясыс. И нöшта на шензьöдiс мамсö.

– Ас вылад öд он жö? Нинöм оз дзед да.

– Зато моднöй, – тöдмöдiс öнiя олöмысь нинöм гөгöрвотöм мамсö Нина.

– Парижсянь öд тайöс эз жö вай?

– Дона на пö и, – шуис Валя.

– Татшöм гезгорьясыд миян сарайын тырыс туплясьö. Ки пасьта тюль-торйыд сюрö и. Тайöс öд он жö ас вылад пасьтав?

– Валя кö оз новлы, мед меным сетас дай.

– Ачым новла.

Кире Катя бара босьтлiс киас кöвторьяс вылын новланторсö да пыр на шензис:

– А ёна повзьöдасны, да прöступитан.

– Нинöм тэ он гөгöрво öнiя паськöмсьыс. Абу и колöма петкöдлыны, – босьтiс сылөн кийсь зятъыслысь вайöмторсö Нина да сетiс чойыслы.

– Тайöс кö тöдi, эг эськö и вöтчы, – броткыштiс мамыс. – Чайтi, мöдтор кузя гусьön мунiнныд.

– Öнi сьölöмыд бурмис? – шусис Валялөн.

– И сьöм таысь мынтöма и? – бөр бергöдчис аддзылöмтор дорас Кире Катя.

– Татшöмыс öд вель дона на и, – дэльöдыштiс Нина.

– Тöдi кö, та ылнаö эг жö лок. Ставсö энöвтi да тiян бöрся вöтчи. Чайтi, мыйкö мöвпыштöмныд да. Метöгыд мыйкö несiдз вöчанныд дай. Яналам ми батыдкöд сэссия.

– Тырмас, мамö, миян бöрся кыйöдчынытö, – кöритыштiс Валя. – Абу öд тай ми ичötöсь нин.

– Меным тi век ичötöсь лоанныд. Муна бөр. Дасьтысян уджыс на тырмымön. Эн дыр ветлöдлöй. Миянö локтöй сэссия. Комын во со Василейкöд олöмлы тырöма. А быттö ставыс на тöрыт вöлi.

– Локтам, локтам, – кöсьысисны нывьясыс. – Ми танi Сашаöс да Митяöс вичысьслам.

Кире Катя убöлитiс кольны быдтасьяссö. Валя да Нина öшиньö видзöдöмön кольнöдiсны мамсö. Сöмын кор сiйö саялiс, Нина брöльснитiс юрас воöм мöвпсö:

– А мыйла нö биркаыс абу? Нетшыштiн мöй?

– Кодлөн абу? А-а-а... Эсылөн. Эз и вöв.

– Кыдзи эз вöв?

– Сiдзи.

– Гашкö, код вылысь кö пöрччöдiс да? Паметь вылö вайис, – водзö пестiс

Нина. Мортыслы кӧ татшӧм ру сетӧма, он нин веж. – Абу быттӧ вьлькодъ и.
 – Эн вай лӧсьӧдлы нинӧм абусӧ. Меным вайис. Лавкаысь ньӧбӧмаӧс.
 – Мед сідзи лоас. Кӧть эськӧ мужикъясыд быдторсӧ сәні, Парижас, вермас-ны сӧтвӧритны.
 – Менам Саша абу сәтшӧм. Сійӧ оз кут.
 – Тайӧс тә асьтӧ такӧдӧм понда шуан. А ачыл, кӧнкӧ, вежӧгтан.
 – Ог, ог вежӧгты.
 – Дугды. Кыз нӧ татӧгыс? Вежӧгтан кӧ, сідзкӧ, радейтан. Дугдан кӧ, абу торъя бур. Сідзкӧ, радейтӧмыс кусі. Веськодъ кӧ нин мортыс лоас.
 Бур, Виолетта воис. Эз кӧ, гашкӧ, налӧн сёрниыс кытчӧдз на эз кыпӧдчы.
 – Ті нӧ небӧгла локтінныд? – найӧс казялӧм бӧрын нимкодъ лои библио-текарлы. – Менӧ виччысянныд? Кутшӧмӧс бӧрйинныд?
 – Сідз пырим. Эг небӧгла, – коса вочавидзис Нина.
 – Сыла бӧрвыв волам, – шмонитігмоз артмис Валялӧн.
 – Босьтӧй кӧть ӧтиӧс кык вылӧ. Менӧ ӧд видасны, мый некод оз лыддысь.
 Тупкасны на библиотекасӧ и.
 – Некод оз тупкы. Сюрасны на лыддысьсысьясыс, – такӧдіс Нина.
 – Сюрасны? А кор?
 – Ми нӧ кытысь тӧдам? – чорзьӧдіс гӧлӧссӧ Валя.
 – А Сашаыс да Митяыс нӧ кӧнӧсь? Найӧ татчӧ колисны да. Менӧ мырдысьӧн пажнайтны ыстисны. Оз на эськӧ сәйнысӧ вӧлі ков да. Гортын пукышті да со локті.
 – Вевтсӧ кӧть дзоньталісны эз? – пинь пырыс сӧдзӧдіс Валя.
 – Дзоньталӧмӧн тай шуисны-а. Сәсся менӧ гортӧ ыстисны. Гуся сәрни пӧ миян.
 – Кутшӧм гуся сәрни? – ырсмуніс Нина.
 – Мый йылысь нӧ варовитісны? – самасис ныв дорӧ Валя.
 – Ме нӧ кытысь тӧда? Пажнайтны мӧдӧдісны да. Мырдысьӧн.
 – Ми налы петкӧдлам гуся сәрни. Час паныдасьласны, – быттӧ ӧти во-мысь петіс чойяслӧн.
 Эз сәсся верӧсьяссӧ водзӧ кӧйгыны. Мунісны.
 – Мый нӧ тайӧ кутіс лоны? Некод лыддысьны эз кут, – асьыс шогсӧ го-раа ышловзьӧмӧн шуис тыртӧм керка жырлы Виолетта. Недыр видзӧдіс ӧшинӧ да пуксис кысьыны. Колӧ ӧд рытӧдзыс кызкӧ кадсӧ катгыны. А удж бӧрас со Петя Вась да Кире Катя асьыныс гижсян лунсӧ корисны пасйыны. Бара на Сашасӧ аддзылас. Комын во со гозъяыс олӧмаӧсь. Ӑтлаын. Гашкӧ, и сылы кодкӧ сӧлӧм сертиыс сюрас.
 Кире Катя да Петя Вась кӧсйисны бура пасйыны кӧлысь луныслысь ко-мын во тырӧмсӧ. Мужичӧй юрын эськӧ и мӧвпъяс кытшлалісны, но горасӧ нинӧм эз висътав. Гӧтырыс медся мича паськӧмсӧ пасьталіс да тшӧктіс сійӧс вӧччыштны. Рытыс ылын на, а налӧн ставыс нин дась. Но Кире Катя сідз жмутвидзны верӧссӧ некор оз ләдзлы. Пыр жӧ и удж аддзас. Ӑні со некымы-нысь тшӧктыліс вештывны пызансӧ. Ӑтилаӧ сувтӧдласны – недыр мысти оз нин лӧсяв. Тшӧктас мӧдлаӧ вештыны. И бара на несідз. Гӧсьтъяслӧн воан кад

пондіс матысмыны. Гозъя өшинь дорё пуксисны да кыйкъявны кутісны. И он өд дзик сёрниттөг пукав.

– Комын во коли. Эг и казавлы, – ышлолагігмос артмис шуөмыс Кире Катялөн.

– Коли тай. Кадыд мунё. Сійё и сирёд мырөс сісьтё. А морттё вермас нин.

– Водз на сісьмынысё миянлы. Лёсьыда видзи, да чужөмыд шыльыд на.

– Быдсямаыс жё эськё вөлі да. Первойсё ёна на и венад волывлім.

– Эн сөр. Ме некор на тэкөд эг вензъыв.

– Эн кө и эн. Ме тай эг на вунөд-а. Первой нырас тэ ок кутшөм вөлін! Дузгөдчан мыйыскё да вежон он сёрнит. Ме сэсся велалі да эг и кут сетны дөзман помкасё. Өти пескыд дыр оз сотчы. А кык пескыд орччөннад ок кутшөм яра сотчыны босьтчасны.

– Лөсьөдлан сәні нинөм абусё, – өвтыштчис гөгырыс.

– Ог эськё да. Унаторйё на ковмис тәнө велөдны. Ас улө вөчны. Кыдз шуласны, пөжтөгьд мегьртё он кусынт.

– Мун сэтысь. Мегьр пөжысь аддзсысьома.

– Нинөмла эськё и тайөс казъывнысё да. Олім тай кызкё. Кадыс мунё. Ар бөрын гожөм оз пуксыывлы. Колис сөмын челядь вөсна майшасьны. Ме өд төвйылөм көч нин. Бабаяскөд на ног сёрнита, мужикъяскөд на ногөн жө дай.

– Ме эськё на тәнө та вылө велөді да. Кос кыддзысь зарава пычкөм кодъ вөлі тәнө ас улө вайөдөмыс.

– Востер тай кыв вылад лоны кутін, – шпыньмунліс Петя Вась.

– Тэсянь велалі. А тэнад, Василей, юрсьыд ставыс нин пыркалөма. Весиг он төд, кор гижсыылім.

– Кыдзи ог төд. Арнас. Тэ тай со кадсё мыйлакё вештін-а. Гожөмас вуджөдін. Ме лунтыр тайөс шуны көсийи да эг лысьт. Мися, скөрман. Дерт, шензъышти, кор юөртін, мый талун гижсыылім. Но нинөм эг шу. А мыйла нө вуджөдін?

– Кыдзи мыйла? Челядь радиыс. Парижас Өлексанлөн ветлөмыс со кыдзи ставнысё вежис да. Ниналөн со сәкся мозыс жө синъясыс кодзлавны кутісны. Код рөдө бара сійөс кыскөма-а? Виолеттаыс на сәні мыччысис и. Сійөс өд кори жө. Валяным вежөгтё со. Мед первой нырсё ставныс син улын вөліны, та вөсна и мөвпышти комын восё талун пасйыны. Аски кежлө мыйкё бара на мөвпышта. А сэсся ставыс вунас, олөмыс важ мозыс лөнь пуксяс, да сәки бара лючки-ладнө олам. Өлексанлөн ветлөмыс лөнь ва вылө изтор шыбитөм кодъ лои. Кутшөмкө Парижтөг быттё эз позь Өлексаныслы овны. Ми тай нө олім.

– Олім тай кызкё. Быдса комын во. Бур нывъясөс быдтїм чурки-будийөн.

– Бурөсь. И зятъяснымөс кулитны нинөмла и.

– Сідзи, сідзи. Кутшөм вужйыс, сэтшөм и баддыс, – кывкөрталіс Петя Вась.

Да, унатор мыш сайё колис гозъялөн. Кадсё өні көть пидзөсчанысьөмөн кор, он нин бөр бергөд. Кыкнанныслөн сьөлөмлы гортыс вөлі муса, көні виччысис дона морт. Челядьыс со быдмисны да разалісны. Бур, ас сиктас кольччисны. Сөмын өтитор ёна майшөдлө гозъяөс: некоднан нылыс на пөчөн

да пӧльӧн шуысьӧс эз лӧсьӧдны. Оз артмы ли мый ли. Керка кыпӧдигад, дерт, пузчужӧм челядыд торкасны. Но ӧнӧ со кыкнанныслӧн нин керка да карта эм. И век на нюжмасьӧны.

Медводз локтӧсны Нина да Семе Мить. На бӧрся недыр мысти пырисны Миш Ӗле да Валя. Сэсса и Виолеттаыс абу вунӧдӧма корӧмсӧ да на дорӧ жӧ кежис. Быдӧн кутшӧмкӧ козинъяс вайӧмаӧсь.

– Чолӧмалам тӧянӧс. Тайӧ тӧныд, батьӧ. Тайӧ тӧныд, мамӧ, – мыччалӧс тубрасьясӧ гартыштӧм козинъяссӧ Валя.

– Эсӧйӧс, Парижсьыс вайӧмасӧ, али мый меным сетан? – шмонитыштіс Кире Катя.

– Бура олӧй и водзӧ, – батыслы чургӧдіс вайӧмторсӧ Нина.

– Аттьӧ, нылук.

– Мед ставыс лоас тӧян бур, – ассьыс кывсӧ тувйыштіс Семе Мить.

– Аттьӧ ставсьыс тӧянлы, – эз жӧ пайтӧг коль Миш Ӗле.

– И ме чолӧмала, – воис чередыс и Виолетталы. Козиныс сысянь, дерт жӧ, небӧг вӧлі. – Медбур козин со вайи. Кӧть нин ті библиотекаас кежавлӧй.

– Пуксялӧй вай пызан саяс, – корис Кире Катя.

Кызкӧ сідз артмис, мый мужикъяс ӧтилаӧ пуксисны. Таыс Нина пыр жӧ и крукыштіс:

– Мый нӧ миянысь торйӧдчинныд? Бара кутшӧмкӧ гусятор йылысь кӧсьянныд бызгыны?

– Огӧ эськӧ да. Кутшӧм нӧ гусятор тӧянысь миян эм? – дорйысис Семе Мить.

– Сашалӧн эськӧ эм да, – коса артмис Валялӧн.

– Абу. Некутшӧм гусятор тӧысь абу.

– Василей нӧ мый татчӧ шуас? – верӧсыслысь юасис Кире Катя.

– Тӧянлы век кутшӧмкӧ гусятор каститчӧ. Пӧлӧс морт вылын и паськӧмыд пӧлӧс.

– Миянӧс пӧлӧсӧн лыддьӧ. Ми на олӧм пыкӧдъясыс эськӧ да. Сідз ӧд, нывьяс?

Нывбабаясыдлы кӧ сӧрни дом поводсӧ сетан, найӧ вермасны помтӧг лыддьӧдлыны ассьыныс коланлунсӧ. Ми пӧ и гортса олӧм кутысьясыс. Митӧг пӧ тӧлк и слӧй оз ло. Весиг муыс кутчысьӧ миян вылын. Ми кӧ пӧ мунам, керкаыд кушмас да гажтӧмыдла куланныд.

– Миянлы ӧд сюрас жӧ, мый шунысӧ, – вомалӧс найӧс помтӧг ошйысьӧмсьыс Петя Вась. – Бур мужик дорад и йӧй баба прӧсуж.

– Со, со! Миянӧс йӧйясӧн лыддьӧ, – серӧктӧс Кире Катя.

– Тэ, Митя, сідз жӧ чайтан? – верӧс дорас пысасис Нина.

– Ог, дерт. Тэ кодъ прӧсужсӧ корсьны на колӧ. Тесьтлӧн быд шуӧмлы эн эскӧй. Быттӧ сӧйӧс он тӧдӧй.

– Тӧян, нывбабаяслӧн, сӧмын кывныд вӧрӧ. Босытчанныд, да сӧрни помыс оз тыдав. Ми со абу сэтшӧмӧсь, – чӧвтіс Петя Вась да мӧдіс лыддьӧдлыны, кутшӧм ыджыд доныс олӧмас мужикуловлӧн.

Мужиктӧгыд пӧ олӧмыс быздас, сылы пом воас. Ми на пӧ бергӧдам став

уджсö, олöм вужйыс пö миян сөнöд киясын. Вель кузя лыддьöдлiс. Ставöн чöв ланьтiсны, быттö эз лысытны торкны аснас ошйысьöмсö керка кутысьыслысь. Таысь Петя Васылы лои любö, да нимкодя помалiс висьтасьöмсö:

– Мый татчö шуаннды? Ланьтiнныд. Кывтö нылыштiнныд.

– Вай мыйкö сёйышт кöть. Гажман да быд нинöм абусö сөрны кутан.

– Сёйышт, батö, сёйышт, – корис и Валя.

– Со кызди бать вöснаыс тöждысьöны. Сёйышта и эм. Кыз шуласны, чöскыд кö – нылышт, а курыд кö – сьöлышт.

– Мамлысь дасьтöм сёян век на нылыштлiм, – ас ногыс гөгöрвоис батыслысь шуöмсö Нина. – Сiйö пусынытö сяммö.

– Да, да, – пыр жö и гöтыр дорыс лоис Семе Мить. – Тьöщалöн дасьтöм сёянысь чöскыдджык некöн эг видлыв.

– Öлексан нö мый оз сёй? – ошкöм вылас эз видзöд Кире Катя.

– Сiйö пыр на чöв олiс. Ассыс мыйкö пöжö. Парижсö казтывлö, – крукыштитiс Нина.

– Дугдöй нин тайö Парижнас. Тöдi кö, мый тадзи лоас, эг и ветлы, – муртса пызан пöвьяс эз сизьдышт Миш Öле.

– Мый нö сэтшöмыс лоис? Нинöм на эг шулы да, – повзис весиг Валя.

– Лөнълöй вай, – кисталiс бара ставныслы курыдторсö Петя Вась. – Ме кöсья юны миян öтувья семья вöсна, а тi со танi öта-мöдныдлы паныд пыр на ыршасинныд.

– Эг жö эськö ыршасьöй да. Сидз, аскежся сёрни, – дорйысис Валя.

– Вай батлөн шуöм вöсна и юам, – суйсис Нина.

– Ме тайöс жö кöсйи шуны, да Нина панйис. Вай юам миян öтувья семья вöсна, – тувйыштитiс ассыс кыв и Семе Мить.

Ставöн сувтöмөн гулькнитiсны кистöмторсö. Кире Катяысь öтдор. Сiйö сöмын вом дорас инмöдлiс. Сэссия, гашкö, ставыс водзöсö бура мунiс. Эз кö Миш Öле зептын триньгыны кут телепоныс. Öлексанлөн таысь весиг чужöмыс вежсис.

– Алло! Алло. Нинöм ог гөгöрво, мый и висьталöны.

– Кодi нö звöнитчö? – кельдöдiс Валя.

– Парижсянныс, тыдалö, – гöтырыслы чесьтö уськөдчöм могысь шуис Семе Мить.

– Эн сөр, – мыйлакö вомалiс гöтырыс.

– Парижсянь öд оз жö татчö звöнитны? – шензис Кире Катя.

– Саша, личкышт, мед ставöн кыласны, – тшöктiс верöсыслы Валя.

Миш Öле полiгтыр личкыштитiс. Керкаын кутiс юравны нывбабалөн тöдтöм кыв вылын сёрни.

– Нинöм ог гөгöрво да. Мый и висьталö? Кодi нö тайö? – эз дугды шензынысö Кире Катя.

– Бонжур, мадам, – тыдалö, кылiс сылысь сёрнисö да, шуис тыдавтöм нывбабаыс.

– Бурнадтö эськö, мадаöй, бур да, но ог велав, мый и висьталан.

Телепонсянныс тельгисны-висьталiсны на мыйкö, но гөгöрвотöгыд мый

тӧдан. Медбӧрын телепоныс тутсыны босътчис. Тыдалӧ, нывбабаыдлы дышӧдӧс жӧ бызгынысӧ.

– Саша, кодӧ нӧ тайӧ сӧрнитӧс? – дзӧран гӧлӧсӧн юасис Валя.

– Ме нӧ кытысь тӧда?

– Мишельӧн шуӧм тай кывлӧ-а. Сэсся нинӧм эг гӧгӧрво, – сюри мый шуны и Ниналы.

– Мый нӧ, Мишель, гӧрдӧдӧн? – гора гӧлӧсӧн топӧдӧс гажмыштӧм Семе Мить. – Ачӧд со пыксян вӧлӧ.

– Шогсыд он пышӧй ни он дзебсы. Быдлаысь сӧдас, – ышловзис Петя Вась. – Мый бара висъталӧс-а?

– Ме тӧда. Ме ӧд школаын француз кыв велӧдлӧ, – воис кад сӧйссыны сӧрниӧ пыр на чӧв олысь Виолетталы.

– Тӧдан кӧ, висътав, – сувтӧдӧс сы вылӧ синсӧ Валя.

– Мишельсӧ ошкӧ мыйыськӧ али мый? – пыр водзӧ ыззис Семе Мить.

– Ошкӧ.

– Мыйысь? – тӧдны кӧсӧйс Валя.

– Бытгӧ он тӧд, – вашмунӧс Семе Мить.

– Виолетта, гӧгӧрвоин кӧ мыйкӧ, висътав нин, – кевмысис Миш Ӗле.

– Нывбабаыс шуӧ, мый...

– Мыйкӧ Сашаыс сылысь аскӧдыс босътӧма али мый? – торкис Валя.

– Эз жӧ кӧ ӧд нинӧм гусяв-а, – шемӧс уси Кире Катя.

– Абу нинӧм босътӧма, – такӧдӧс Виолетта. – Сӧйӧ шуӧ, мый Сашаыс зӧв бур морт, да бара на корӧ волены. Тайӧ сылӧн экскурсоводыс звӧнитчис. Мишель нима нывбаба. Сӧдз тай некымынысь висътасис-а. Ме пӧ став волысьылы звӧнита, мед бара воласны. Прӧштта корис и быдӧн дӧсадитчӧмсыс. Менам пӧ уджыс сэтшӧм – унджык мортӧс ышӧдны воленысӧ.

– Ме эськӧ ог эскы да. Эз тайӧс висътав, – ассыс пыр на песӧс Семе Мить.

– Ланьт. Этштӧ тӧдышт жӧ. Эн пестысь, – вомалӧс сӧйӧс Виолетта. – Збыльысь тайӧс и висъталӧс.

Керка ӧдзӧс воссис, да сӧрмӧм гӧсьгъяс моз пондӧсны пырны Паша да Люба. Нывкаыс эськӧ оз жӧ лӧдз зонкасӧ пырнысӧ да. Сӧйӧдыс кутӧ. Но мӧдыс сы водзын ошӧйысӧм могысь ли мый, вынӧн кӧсӧй вӧськовтны.

– Нӧшта тӧ танӧ он тырмӧй, – кодзнитлӧс налань Миш Ӗле.

– Мишельлы телеграмма вайим. Парижсянь ыстӧмабсь, – кутшӧмкӧ каба-ла кутӧс чургӧдны Паша.

– Ме тӧянӧс ӧнтайясыс на пельӧдныд эг нетшкы! – пырысьяслань уськӧдчис Семе Мить.

– Вай петам. Нинӧм вывтӧасьнысӧ сэсся, – ывлалань котӧртӧгас нин горӧдӧс Люба.

Ставӧн чӧв усыны. Эз тӧдны, мый водзӧсӧ вӧчны. Гажӧдчыны, пасӧйны кӧлысьыслысь тшупӧда пассӧ либӧ водзӧ майшасьны. Быдӧнлы ассыс мӧвпгъяссӧ пӧжны. Медводз ас саяс воис Кире Катя да изъватас кывгъяс весиг сӧрниас сӧйыштӧс:

– Мый нӧ баздӧнныд? Мыйкӧ чӧв-лӧнь пуксис. Некод нинӧм оз и висътав.

Василей, радиосё коть чуткыв. Гашкё, сьылёны, да йёктыштанныд, том йёз.

Петя Васылы мёдысь тшөктём эз ков. Радиосянь керка пасьталаыс ылькнитис Париж йылысь сьыланкыв.

– И тані Париж, – броткыштис Валя.

– Кёсья Парижё! – горёдіс Нина да пондіс веглясьёмён йёктыны. Семе Мить чирк моз чечыштис сы дорё да гётырсьыс на ёнджыка босьтчис лысьёмсё песны. Миш Оле матыстчис Валя дорё, медым кутчысьёмён йёктыны корны, но мёдыс сёмын пыркнитчис. Виолетта вугравны эз понды. Ачыс корис Олексанёс йёктыны.

– Ме тай кымынысь шойччыны эг ветлы, да некор на гортё эз звёнитлыны. Саша, коді нё эськё звёнитліс? – эз торья гораа юав сійё Миш Олелысь.

– Тэ од ачылд висьталін, коді звёнитліс.

– Ме, колёкё, мый ог висьтав да...

Кёсийс на мыйкё нёшта шуны, но Валя тэрыба матыстчис да торйёдіс найёс. Гозья босьтчисны йёктыны. Посни челядь моз, óta-мёдсьыс вешйыштёмён. Сьыланкыв помасьём бёрын бара пуксисны пызан сайё. Виолетта ас улас нимкодясис, мый шуис Сашаыслы бёрьяпомсё. Мед сэсья ёні мёвпалё. Кутас библиотекаас волёмён юасьны, коді звёнитліс да мый висьталіс. Миш Оле шемёсмёмён кузь рытивбыд пукаліс. Нина да Семе Мить некымынысь на йёктыны сувтлісны. Валя кызкё вермис жё помёдз овны. Разёдчём бёрас котөрөн муніс гортас. Миш Оле видліс эськё мыйкё шуны, но гётырыс эз и кывзы. Кор Олексан тэрмасьтөг воис ас керкаас, сылы вылё торья вольпась нин дасьтёмаёсь. Эн пё ме дорё сэсья инмёдчы, ыршасис Валяыс.

Некыз эз вермы унмовсьны Миш Оле ётнадён куйлігад. Пыркнитчёмён сувтис да петис ывла вылё. Дерг, Валяыс вочасён бурасяс, да ставыс важ моз лоас. А талун ковмас терпительны. Сэсья ётрасён некытчё нин оз ветлы. Пуксис керка дорё вёчём лабич вылё. Сиктыс лёньюма. Сёмын ю сайын помся кёк кёкис. Олексан видзёдіс небылн кылалысь юлань. Ваыс лёнь. Мёдар пёлёнас видз, сэсья вёр шылкнитчёма. Миш Оле быттьё олёмас медводдзаысь казяліс, кутшём мичлун кытшалё сійёс. Вель дыр видзёдіс вёр, ю, дзоридза видз вылё, да пётнысё синмыс эз вермы.

«Я вновь с тобой, родимая глубинка...»

(Стихи)

* * *

Ты хотела иметь слона,
Ну, хоть маленького слонёнка,
Только как велика страна,
Так мала твоя комнатёнка.

А на улице дед Мороз
Застеклил мимоходом лужи,
Слон бы точно у нас замёрз,
Не имея мехов от стужи.

Так погибла твоя мечта.
Незамужняя, без ребёнка,
На бессонье взяла кота,
Очень маленького котёнка.

Пусть без хобота и ушей,
Что похожи на опахало,
Но зато он ловил мышей,
Если кильки не доставалось.

А на улице вновь мороз
Застеклил мимоходом лужи,
Слон бы точно у нас замёрз,
А котёнок живёт, не тужит.

Александр ГЕРАСИМЕНКО

Александр Вячеславович Герасименко родился 22 февраля 1971 года в с. Додзь Корткеросского района Республики Коми. Публиковался в альманахе «Белый бор» (Сыктывкар), журнале «Север» (Петрозаводск), журналах «Арт» и «Радуга» (Сыктывкар). Стихи выходили отдельным сборником «Росная тишь» в 2018 г. Живёт в Сыктывкаре. Работает сварщиком.

* * *

У ночного костра угли маком цвели,
Ворошил я их веткой рябины.
В стороне от меня в незабудках сплели
Пауки свой гамак паутинный.

В гамаке невесомом гирлянды из рос,
Что развешены хмурым туманом.
Тишина! Лишь шептание ив и берёз
Не сумевшим уснуть северянам.

Что шептали они, распознать я не мог,
Думал лишь о своём, это ближе.
Вспоминал, как в душе кровоточил ожог,
Нанесённый мне осенью рыжей.

Как глаза её в пламя задорно влекли,
Как потом вдруг наполнились ядом...
Не дымится костёр, угли все отцвели
Под моим растревоженным взглядом.

* * *

По вертлявой глиняной тропе,
Сквозь туман, плывущий в клеверах,
Раньше солнца к берегам успел,
Чтоб просить живого серебра.

Много мне не надо: поплавок
Пусть ныряет в омут иногда,
Пусть трещит задорный костерок,
Не морщинит ветер гладь пруда.

Насладившись тишиной лугов,
Я вернусь, чтоб оживить перо.
Пусть и не велик совсем улов,
Но упало в душу серебро.

Рыбное

Словно стерлядь в купоросе,
Как в лазури тучный сом,
Ходит в небе рыба-осень,
Машет рыжим плавником.

Чешую она роняет
Вместе с чистой слезой...
А в телеге, замерзая,
Лето едет в край иной.

Светлой радужной форелью
Память кружит в голове:
Солнца луч с небесной гжелью
Отражается в плотве;

Мечет спелую морошкой
Лещ среди купав икру;
Щука, водка и картошка –
Дополнение к костру;

Цвета окуня морского
Зори тех прошедших дней...
Уезжает лето снова
В тишину монастырей.

Разговор

– Студёно?
– Пока ещё нет.
Прочь шапки, перчатки, береты.
Сентябрь вручил нам билет
На киносеанс – «Бабье лето».

– Когда же закончится фильм?
– Мгновений осталось немного.
Разденутся тополь и ильм
Под взглядами осени строгой.

– А что же затем будет, дед?
– Снегами накроет дороги,
Оставят на них первый след
Твои неокрепшие ноги.

– А что же случится потом?
– Весною, внучок, снег растает,
И вы с нашим рыжим котом
Хлебнёте душистого мая.

– Хлебнёте? А как же... а ты?
– Меня ждёт другая дорога,
По ней мне всего полверсты
До вечного мая. До Бога.

* * *

Сапоги как батраки
Ног, в поход зовущих,
Месят глину вдоль реки,
Мох трамбуют в куцах.
И за плугом, и в навоз,
В кузню к наковальне,
И с рассветом на покос,
К тракторным педалям.
Их мечта – с паркетом зал,
Туфель бы манеры!
Хочется попасть на бал –
Дамы, кавалеры...
Но всё та же топь болот,
Камни перевалов,
Кирзовый, рабочий род,
Их в стране немало.
Так вся жизнь пройдёт в грязи,
Но роптать негоже,
Проще выжить на Руси
С огрубевшей кожей.

* * *

Капля за каплей в стекло лобовое,
Не остановишь ручьи.
Спрятали солнце от нас золотое,
Мерзко, тоска, хоть кричи.
Мокнут прохожие, лужи всё шире,
Льёт весь июнь и июль.
Кажется – Бог развлекается в тире
Всеми калибрами пуль.
Дробью его разбивает дороги,
Те, что и так не ахти.
Впору упасть небожителю в ноги –
«Грешных, Всевышний, прости!
Дай насладиться стрекозам полётом
В мареве знойного дня,
Дай вдохновения Марье с Федотом
И не забудь про меня...»

* * *

Здравствуй, росная тишь,
Небо синее в белом!
Утро доброе, шмель –
Работяга лугов.
Взгляд направо скосишь –
Там река обмелела,
Взгляд налево – артель
Двух различных веков.
Вот и дом мой родной
С покосившейся крышей –
Эх, года вы, года!
Свежий крест у крыльца.
Встречусь с мамой, сестрой
И седым дядей Гришей,
Но уже никогда
Взгляд не встречу отца.

* * *

Проснулся – уже хорошо!
С кровати поднялся – и ладно.
За плечи походный мешок
И с песней к туманам прохладным.
Шалаш свой построил, пей чай –
В мешке есть заварка и сахар,
Уйдёт ненадолго печаль,
Дыши, измочаленный пахарь.
Потоками солнечных струй
Полянки ромашек прогреты,
Цени этот мир и ликуй,
В закаты ликуй и в рассветы.
Имеешь лишь редьки вершок
В судьбе своей не звёзднопадной?
Но жив и уже хорошо!
Проснулся с рассветом и ладно.

* * *

Констатировал врач – «Задохнулся от дыма...»
Человеческий фактор – доктор был с бодуна.
Не дышал пациент, но святыми хранимый,
Оклемался уже у холодного дна.

Человеческий фактор – крышку гроба не стали
Заколачивать люди, что его погребли,
Размышляя, наверно, что покойный едва ли
Вдруг решится свой лик показать из земли.

А усопший был жилист, отдохнул он к тому же –
Летаргический сон как неожиданный покой.
Прошептав – «До свидания, мёртвые души»,
В потолок домовины упёрся ногой.

И поддался песок, крест свалился на плечи,
Солнца луч прокричал – «С возвращеньем, родной!»
И услышал он вновь птиц знакомые речи,
Скинул крест торопливо и поплёлся домой.

Вышел он на дорогу, а навстречу маршрутка,
За рулём сильно пьяный водитель-стервец...
Справедливо уже через год незабудки
На могиле цвели.
Вот и сказке конец.

* * *

– Лет эдак через ...дцать,
А может, через ...сот
Сумеет вольным стать
Россеюшки народ.
В хрущёвках грызть хрящи
Закончится пора.
Не будет люд борщи
Варить из топора.
«Несущая» страна
Изменит свой уклад,
Отступит сатана –
Скалдырник-казнокрад.
Культурой обростут
Чиновник и спортсмен,
И будет всем уют
Внутри надёжных стен.
Закроются суды,
Сотрутся тюрьмы в прах,
Не будет в них нужды...
Пока ж – увы и ах!

– Пока?
Бросай мечтать!
В лаптях помрёт народ
И лет так через ...дцать,
И даже через ...сот.
И правду не ищи,
Не сгинет казнокрад,
Из топора борщи –
Надёжней во сто крат.

* * *

Заполнив низину у пристани
Прохладною влагой своей,
Туман молчаливый, таинственный
Ввергает в истому кипрей.
Кольшется облако млечное
Над гладью воды, как вуаль,
Закончилось лето беспечное,
Гуляй же, сентябрь, карнаваль!

Ты в память заметные пятнышки
Впечатал по воле Творца,
Ты красен рождением матушки,
Ты чёрен уходом отца.
Надеждой живу, верю в лучшее –
Жду светлые лики твои.
Лечу паутинкой к излучине,
Сорвавшись с еловой хвои.

* * *

Взять бы ссуду, лет двадцать у Бога,
Не успел надышаться ещё,
Коротка оказалась дорога,
Мне судьбою был выставлен счёт.

Дай Господь хоть лет десять в подарок,
Без меня затоскует река,
Жизнь моя, словно свечки огарок,
Оплывает, реальность горька...

Безнадёжно молю, Всемогущий,
Ты услышь мой отчаянный крик,
Я, своею тропею идущий,
Год прошу ещё, сделай, старик!

Не ответил правитель небесный,
Не один я такой на земле...
Коридор вдруг открылся чудесный!
И потухла свеча на столе...

* * *

Его я вовсе и не звал,
Но он пришёл, покой отнял –
«Ну что, отметим?»
Гуляем снова на мои
Пятиконечные рубли
В осеннем цвете.

Ему не смог я отказать,
И вот встречаем мы опять
Закат в обнимку.
А к ночи он осоловел,
Уснул пронырливый пострел
Под паутинкой.

Взглянул я в зеркало пруда –
Ещё немного и беда –
Я гол – иначе.
А он наутро вновь ко мне,
На призрачном, лихом коне,
Боюсь, прискачет.

И будет нагло обирать,
Попросит рубль, снимет пять –
Со мной заметен.
Раздев меня, умчит к другим...
Какие разные мы с ним!
Я – клён, он – ветер.

* * *

На днях ко мне пришла в рейтузах
(пообносились, нет денег)
И блузке полинялой Муза
И стала в ухо мне жужжать:
«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог...»
Её я к лешему отправил –
Ушла с обидой за порог.

Ушла, но вижу в небе синем
В чернилах Пушкина листы:
«Ах, ножки, ножки! Где вы ныне?
Где мнёте вешние цветы?»
Куда ни глянешь – строки тёзки,
Что ни напишешь – плагиат:
И о пергаменте берёзки,
О птице, что летит в закат.
И в мареве над тополями
Слова, что разум теребят:
«...Мы почитаем всех нулями,
А единицами – себя...»
Отстань, прошу, чужая Муза,
Зачем мне гения жнивья?
Возможно, я пишу кургузо,
Но в том кургузом всё моё.

* * *

Земля, как прежде, крутится
По Божьему велению.
Пришла с весной распутица
В забытую деревню.
Пришла и ухмыляется:
Грязь – не пролезть на танке.
Но души млеют, маются,
И завелась тальянка.
Проснулся лес, судачит
Многоголосьем птичьим.
Теплеет, не иначе,
К страданиям девичьим...

Земля, как прежде, крутится,
Но жизнь остановилась –
Ушла моя попутчица,
На гнев сменила милость...

* * *

У неба нет начала
И нет ему предела –
Лазурная с ягнятами поляна.
Но мне лазури мало,
Я вижу то и дело
В ягнёнке белом – чёрного барана.

Плевать полкам Сварога
С высокой колокольни
На то, что в ясный день во мне ненастье.
Круги выводит сокол,
Стрижи – многоугольник,
А мне квадрат Малевича – напастью...

А если жить иначе?
Средь тьмы авангардиста
Изобразить жирафа молодого.
Пусть он задорно скачет
В палитре от Матисса,
Влюблённый в зарисовки Гумилёва.

Пусть с длинной шеи пятна
Слетят на лист бумажный
И, словно пазлы, выстроятся в крылья.
Тогда в просторах ватных
Уймёт полёта жажду
Идей чудных лихая эскадрилья...

* * *

Повод был – обмывали гармошку –
Развлекали игрой облака,
Жгли костёр, запекали картошку,
Рядом камни ласкала река.

Цвёл закат над разморенным лесом,
Распаляя весенний порыв,
Три дружка – тракторист, плотник, слесарь –
Пели русские песни у ив.

Пели так, что туман вышел слушать,
И плясала в восторге чехонь:
«Песня смелых», «Смуглянка», «Катюша»,
«Одинокая бродит гармонь...»

Винный градус подкрался слезою
(Трезвый глаз мужика не речист) –
Из шестнадцати выжили трое –
Морячок, пехотинец, танкист.

А гармонь всё играла, играла,
Про войну, про любовь, про весну...
Услыхав петуха, солнце встало,
Припекая. Тянуло ко сну.

Возвращались домой краем леса,
Под ногами в росе каждый лист,
Три дружка – тракторист, плотник, слесарь –
Морячок, пехотинец, танкист.

* * *

Сталагмиты, сталактиты,
Полумрак сырых пещер.
Посылает нам флюиды
Призрак местных полусфер.

И бормочет подсознание:
«Берегись обвала стен,
Любопытству в наказанье
Обретёшь ты вечный плен».

В тишине, объятой мраком,
Под нависшим мокрым сводом
Тяжело бродить без страха:
Нам не обмануть природу.

Но влечёт нас неизвестность,
Манит и играет в прятки.
Ищем мы в пещере тесной
Мироздания разгадки.

И летучей мышью крикнет
Новизна за поворотом.
Голос внутренний воскликнет –
«Что скрывается там?! Кто там?!»

* * *

Мне холодно, включите обогрев –
Душевный калорифер, сердца печку,
И в памяти я вырублю засечку,
Чтоб стала дамой черви дама трэф.
Мне одиноко, так же, как и вам.
Так, может, вместе будем одиночить?
И станут краше дни и ярче ночи,
Зимой глубокой выпорхнет листва.
И полетит над нами звон ручьёв.
И понесут нас крылья вдохновенья.
И станут крепкой цепью наши звенья,
И будет общим бывшее ничьё.

* * *

За подорожником дорога –
За поворотом поворот.
Там бражник мёртвый спит под Богом,
Там Бог за брагу воздаёт.
Там смерч, крутящий пыль событий,
И ветер, рвущий паруса.
Там острова чудных открытий,
И душ погибших голоса.
Там корни зла и тень сомнений,
Там пни несбывшейся мечты,
Там горечь лживых песнопений
И боль от пошлой красоты.

За подорожником дорога,
За розой розовый рассвет,
Подкова счастья над порогом,
И хрупкой бабочки привет.

Там пухленькие щёчки внуков,
Детишек свет, тепло друзей,
Отрада мелодичных звуков.
Там водопады из идей.
Там радуга над милым домом,
Сирени дивный аромат,
Там майский жук мчит над затоном,
Там новогодний маскарад.

За подорожником дорога,
В конце всего пути – закат...
Ты не спеши, ещё немного –
Ты переступишь детство, брат.

* * *

Дом родительский тих и угрюм,
Ставни всхлипнули – «не возвратится...»
Смотрят в окна прозрачные лица –
Мать, отец и братишка-горюн.

Бог забрал их в назначенный срок,
Им периной – песок на погосте.
В давний день я отеческий мостик,
К северам умотав, слепо сжѐг.

Добывая богатства земли
И себя забавляя монеткой,
Позабыл о земле добрых предков,
О родных не тревожась вдали.

Стынет озеро. Ветрено. Рябь.
Мокнут неба глаза всё сильнее,
Солнца нет ни в душе, ни над нею.
Расстаёмся в осеннюю хлябь.

Я сюда с покаяньем вернусь.
Всё поправлю, что вышло из строя.
И, возможно, по новой открою
Для себя деревянную Русь.

* * *

Я вновь с тобой, родимая глубинка,
Твой ветхий быт для глаза с детства мил,
В душе поёт старинная пластинка –
Гармонь соседа, с кем я водку пил.

Зашёл в свой дом заброшенный, продрогший,
К холодной печке подалась рука,
В углу лежат отцовские калоши,
Без очага скучает кочерга.

Ухват всё так же в саже застарелой
Напомнил мне, как мать пекла с утра
И колобки, и шаньги, песни пела.
Как их любили я, сестра и брат.

Я бросил вас, уехал на чужбину
И приезжал, чтоб лишь похоронить...
Смотрю в окно на спелую калину,
Сквозь трещину стекла – седую нить.

Зашёл я в сени: сани, сети, вилы, –
Всё как всегда: знакомый колорит.
Мой милый дом – подгнившие стропила,
Заросший сад, сарай доской забит...

Пойду я в магазин, возьму закуску,
Куплю вина, на кладбище схожу,
Там помяну родных своих по-русски,
Цветов нарву, к могилам положу.

Я вновь с тобой, родимая глубинка,
Но скоро мы расстанемся в тиши,
И горько мне, что на моих поминках
Не будет ни одной родной души.

Игорь ЗОТКИН

Игорь Петрович Зоткин родился в 1960 году в г. Омске. В 1983 году окончил автомобильно-дорожный институт и по распределению был направлен в Республику Коми на строительство автодороги «Сыктывкар-Усть-Кулом». В дальнейшем строил дороги по всему региону, работал на крайнем севере в районах Усинска и Салехарда, обустривая нефтяные месторождения. Строил технологические дороги для заготовителей «Монди». С вахтовым посёлком прошёл от Лузского месторождения (Печора) до Баренцева и Карского морей. В начале девяностых какое-то время служил в МВД. Живёт в с. Усть-Кулом.

Испытание ВРЕМЕНЕМ

1

Монах бежал по лесу, не разбирая дороги. Рубище, и без того изрядно потрёпанное, цепляясь за кустарники, вот-вот должно было разорваться в клочья. Предрассветный сумрак понемногу начал рассеиваться. На верхушках деревьев заиграли первые солнечные лучи. Монах согрешил. Да-да, согрешил. Любопытство – не смертный грех, но именно оно привело его к гибели души. В этом он был абсолютно уверен...

Монашеский скит Серафима находился на острове, затерянном в зарослях на длинном озере, бывшей старице Вычегды.

Монахом он стал недавно, после прокатившейся по России гражданской войны. Бывшему морскому офицеру было трудно соблюдать монастырские порядки, и потому, в наказание за многочисленные провинности, на него наложили епитимью – год прожить в одиночестве в заброшенном скиту. Приняв монашеский постриг, Серафим удалился в пустошь.

Не зная дороги, попасть на этот остров было почти невозможно. Наверно, поэтому цыганский табор выбрал место для стоянки рядом со скитом отшельника. Серафим не имел ничего против: во-первых, цыгане пришли ненадолго, а во-вторых, они хоть и заблудшие, но всё же живые души.

Однажды, после утренней молитвы, Серафим, взяв пару вёдер и коромысло, пошёл по воду. Со стороны табора не раздавалось ни единого звука. Над цыганскими шалашами висела сизая дымка от ещё тлеющих костров. Табор спал безмятежным сном.

Подойдя к берегу, Серафим решил искупаться.

Он снял всё, что на нём было, и медленно вошёл в тёплую воду. Раздвигая руками лилии, он довольно далеко отплыл от берега и, перевернувшись на спину, раскинув руки в стороны, стал покачиваться на волнах.

Плавать он научился ещё в молодости, когда служил офицером на флоте. «Сам император поздравлял, вручал награды за призовые места», – вспомнил Серафим. Как всегда, когда он вспоминал прошлое, у него начинало портиться настроение. Перевернувшись и усиленно работая руками, Серафим поплыл к берегу.

Выйдя на берег, он остановился в растерянности – его одежды нигде не было. Краем глаза Серафим заметил в кустарнике какое-то движение. Недолго думая, он бросился к кустам и замер как вкопанный. Сквозь густые ветви, весело смеясь, на него смотрела молоденькая цыганка. То, что он стоял перед ней совершенно голый, до Серафима дошло позже, когда вдоволь насмеявшаяся девушка с ловкостью ящерицы скользнула между кустов и убежала в сторону табора. Придя в себя, Серафим нашёл спрятанную одежду, наполнил вёдра водой и вернулся в скит.

Весь день в его ушах серебряными колокольчиками звучал смех девушки. С этого дня Серафим не мог жить без Рады – так звали цыганку. Её голос слышался ему в шелесте вечернего леса, в звоне родника на опушке, в утреннем щебете птиц. Склоняясь над озёрной гладью, чтобы набрать воды, он видел среди лилий её отражение; когда он уходил в лес, в прикосновениях каждой веточки чувствовал нежность её рук.

Не помогли ни власяница, сплетённая из грубого конского волоса, ни вериги, кровавые рубцы от которых не заживали на его теле. Плоть страдала, но душа не желала смирения.

Однажды вечером цыганка пришла к нему в скит с каким-то вопросом, якобы по делам табора. Смеясь и смущаясь одновременно, девушка, не в силах долго усидеть на одном месте, то соскакивала с самодельного кресла и принималась рассматривать наградной кортик Серафима, то, прикладываясь к чашке чая, смешно дула на обжигавший кипяток, то через несколько секунд уже стояла в одном из углов скита, с любопытством рассматривая нехитрый скарб отшельника. Глядя на неё, позабыв, кто он, Серафим впервые за много лет был счастлив. На следующее утро она, уже не скрывая этого, ждала его у реки, и вскоре их встречи стали постоянными.

Любовь, вспыхнувшая между ними, не оставляла времени на раздумья и сомнения. Раде было семнадцать лет, Серафиму же – за тридцать, но разница в возрасте не мешала их любви. По ночам, когда табор засыпал, Рада приходила к Серафиму, и их тела и души сливались воедино. Утро они воспринимали как неизбежное зло, разлучавшее их до следующей ночи, днями Рада и Серафим жили ожиданием новой встречи.

Именно в одну из таких ночей Рада открыла Серафиму тайну их табора. Оказалось, что место, где сейчас стояли цыгане, выбрано вожаком не случайно.

Ещё в древние времена люди знали, что на земле существуют места силы. Издавна там строились языческие капища, да и православная церковь не

оставляла эти места без внимания. Одно из таких мест находилось совсем рядом, в местечке под названием Войпока. Там, среди густых зарослей смородины, ещё можно рассмотреть плиты со странными надписями. Если верить легенде, это остатки древнего храма. Говорят, когда-то жрецы этого храма могли управлять временем, перемещаясь из прошлого в будущее и обратно. Символом храма было кольцо как зримое воплощение времени, не имеющее ни начала, ни конца.

– Моя бабушка рассказывала, что если положить на древние плиты перстень или кольцо в день, когда солнце и луна встанут друг против друга, уравняв свои силы, древняя магия наделит это кольцо властью над временем, – однажды сообщила Рада Серафиму.

– Что значит встанут друг против друга? Так не бывает, – заметил он.

– Не могу сказать точно, но, по-моему, это значит, что день и ночь станут одной длины.

– Ах, вот в чём дело, ты имеешь в виду летнее равноденствие, – догадался Серафим.

– Может быть, – согласилась Рада.

– Кстати, равноденствие начинается завтра, – подметил отшельник.

На следующую ночь Рада и Серафим вновь встретились в скиту. Утомлённые любовью, они лежали, крепко прижавшись друг к другу.

– Завтра баро пойдёт освещать кольцо в старом храме, – нарушила молчание Рада.

– Почему завтра? Равноденствие же началось сегодня.

– Сегодня нельзя, день должен быть нечётный, а сегодня число чётное, – ответила Рада.

– И что с того?

– По преданию, если нарушить это правило, на души нарушивших запрет падёт проклятье, и они будут скитаться неуспокоенными в нашем мире, пока кто-то не освободит зачарованное кольцо от приобретённой силы.

– Всё это языческие глупости, – возразил Серафим, – наслушались сказок.

– А давай сейчас сходим на развалины, это недалеко, а на обратном пути искупаемся.

У Серафима не было желания идти на развалины, но вот искупаться с Радой в тёплом, как парное молоко, озере он не отказался.

Пробравшись через кромешную тьму ночного леса, они подошли к нужному месту. Назвать несколько покрытых мхом каменных плит, выглядывавших краями из-под земли, развалинами можно лишь с большой натяжкой. Только в одном месте, где рука любопытного человека соскребла с плиты мох, виднелось несколько строк непонятной письменности и какие-то разрозненные символы.

Смутило и насторожило Серафима то, что эти письмена светились в темноте. На Радую светящиеся надписи действовали возбуждающе, она с азартом бросилась расчищать плиту, и вскоре уже вся плита мерцала в темноте древними символами.

– Это правда, это всё правда, – шептала Рада, глядя на надписи округлившимися глазами.

Серафим с замершим сердцем подошёл ближе. Ярче всех символов светился круг, находившийся в центре плиты. Казалось, его кольцо, подарок покойной матери, само скользнуло с пальца в ладонь. Не понимая, что делает, Серафим наклонился и положил кольцо в центр горящего круга.

– Нет! – Голосом, полным ужаса, закричала Рада. – Проклятье!

Но было поздно.

Яркое пламя окутало кольцо, вспыхнуло и погасло, погасли и письмена, покрывавшие плиту.

– Оставь кольцо, не трогай, – почти простонала Рада.

– Почему? Почему я должен его оставить? – Незнакомый, чужой голос прозвучал в голове Серафима. – Это – подарок моей матери, – двигаясь, как сомнамбула, он наклонился, поднял кольцо и спокойно надел его на безымянный палец левой руки. Дикая боль, похожая на ожог, опалила его руку. Серафим вскрикнул и в тот же миг осознал, где он находится и что с ним произошло.

«Проклятье, – подумал он. – Что всё это значит?»

– Сними, скорее сними это кольцо! – закричала Рада.

Серафим что было сил начал стягивать кольцо, но оно как будто вросло в кожу, монаха охватили отчаяние и ужас.

– Молитва и вера, только вера и молитва смогут помочь мне, – прошептал он и рванулся к скиту.

Монах бежал по лесу, не разбирая дороги. Страх подгонял Серафима лучше любой плети, но всё же он не забывал оглядываться и придерживать рукой цеплявшиеся за него ветви, чтобы они не хлестали Раду. К скиту они прибежали вместе. Серафим первым забежал внутрь и схватил лежавшую на столе Библию, точнее, хотел схватить. Как только его окольцованная рука коснулась Библии, адское пламя прожгло руку от ладони до самого плеча. Серафим вскрикнул и отскочил от стола. Рядом стояла Рада:

– Тебе больно, любимый мой? – Раньше она никогда не называла так Серафима.

– Больно, родная, очень! Но ничего, сейчас всё закончится, – Серафим отошёл в угол скита и достал с полки свой офицерский кортик. – Сейчас всё закончится.

Он подошёл к столу, положил ладонь на край и приставил лезвие к основанию пальца, на котором было надето кольцо. И тут произошло страшное.

– Нееет! Не надо! – закричала Рада и, схватившись двумя руками за кортик, вырвала его из рук Серафима.

От неожиданности Серафим выпустил оружие, и отточенное до остроты бритвы лезвие на всю длину вонзилось в Раду, прямо под левую грудь.

«Там же у неё родинка», – почему-то не к месту подумал он.

Взгляд Рады затянуло туманной поволокой, и она медленно опустилась на пол. Кольцо на пальце Серафима вдруг стало свободным, упав на стол, оно покатилося дальше и, отвернувшись от Библии, со звоном упало под стол.

Серафим долго сидел на полу возле уже начавшего коченеть трупа Рады. Он не мог осознать, что её больше нет. Он не мог поверить, что больше никогда не услышит её голоса, не посмотрит в её глаза, не почувствует запах её волос и что уже никогда его руки не коснутся её руки. Кольцо спало с его руки, значит, ушло и проклятие.

– Кто? Кто запросил за мой грех такую цену? Я хочу знать! Кому моя Рада заплатила своей кровью? – диким голосом заорал Серафим.

На глаза ему попала лежавшая на столе Библия. Серафим в ярости схватил её двумя руками и разорвал пополам. Затем он бережно взял на руки Раду и положил на стол. Волосы Рады, не заплетённые в косу, пышной пеной рассыпались по её окровавленной груди. Серафим вынул кортик из раны – капелька крови стекла по лезвию и упала на разорванную книгу.

Он сел в самодельное деревянное кресло, приставил клинок к груди, к тому месту, где билось обожжённое горем сердце, и с силой нажал на рукоять.

2

Безликим, хмурым осенним днём Николай стоял на крыльце районной больницы. Мимо него то и дело проходили посетители. Сегодня наплыв больных был велик как никогда.

Николай часто и жадно затягивался сигаретой.

– Проклятая привычка, раз десять уже бросал, а всё никак.

По лестнице спускалась операционная медсестра, улыбка играла на её чувственных, слегка полноватых губках. Девушка была весьма недурна собой и откровенно выказывала к Николаю свой девичий интерес. Николай хотел пройти мимо, но не получилось – держась рукой за перила, она как бы незначай преградила ему дорогу.

– Хорошо работаете, Николай Павлович, чувствуется мастер, – произнесла операционная сестра с улыбкой.

– Так учили, – ответил ей Николай и попытался пройти мимо, но не тут-то было.

– А я вот сейчас домой, отдохнуть, – лукаво улыбнувшись, сказала девушка, не уступая дороги, и многозначительно посмотрела на Николая.

– Отдохнуть не помешает, денёк тот ещё.

Улыбаясь, он всё-таки обошёл разочарованную медсестру и поднялся в ординаторскую.

Николай был молод, высок, статен. Нельзя сказать, что ему не нравились красивые девушки, но всякий раз, когда отношения с очередной красавицей могли перерасти в более чем дружеские, он их прекращал. Николай боялся привязанности. Возможно, это последствие неразделённой любви в юности, а может, просто нежелание брать на себя ответственность за создание семьи, ко-

торую начинаешь понимать только с годами. Николаю было уже за тридцать.

Составив отчёт о проведённой операции, он наскоро хлебнул чаю с остатками подсохшей сгущёнки, переоделся и, отказавшись от помощи водителя «скорой», ехавшей попутно, пошёл домой пешком.

«Как быстро человек привыкает ко всему, – подумал Николай. – Сколько же их было, этих съёмных квартир, комнат в общежитии, случайно приютивших меня мест? И везде, немного пообвыкнув, начинаешь чувствовать себя дома. А где же теперь мой дом?..»

Николай родился и вырос недалеко от этих мест, в небольшой деревушке. Его детство было радостным и безоблачным, до тех пор, пока в дом не пришла беда. Раковая опухоль, обнаруженная у отца, не оставила ему никаких шансов. Здоровый мужик, бригадир знаменитой на весь район строительной бригады, буквально сгорел за какой-то месяц.

Наверно, горе, испытанное Николаем в юности, а тогда ему только-только исполнилось четырнадцать лет, и определило его дальнейшую профессию, он решил стать врачом.

Время снимает с души тяжкий груз и лечит раны на сердце. Прошло немногим больше двух лет, и по деревне поползли слухи о романе его матери с директором заготконторы, которым Николай не верил. Но слухи оказались правдой...

Холодный воздух не бодрит, а вызывает озноб. Солнышко, только что сиявшее над головой, неумолимо и даже как-то поспешно катилось к горизонту.

«Ещё один день, вычеркнутый из жизни, – подумал Николай и почувствовал, как безо всякой на то причины начало портиться настроение. – Возможно, всему виной переменчивая северная погода».

Слишком короток осенний день на севере. Ближе к обеду утренние сумерки плавно переходят в вечерние. Если во время первых заморозков нет-нет да и проглянет бледное северное солнышко, то в оттепель серая муть буквально затягивает всё кругом. Серое небо, серые улицы, серые дома, даже лица людей словно выцветают. Резкие звуки вязнут в воздухе и долетают до ушей уже робкими, несмелыми.

Сегодняшний день выдался именно таким. Николай дошёл до центра села. Отсюда хорошо просматривался перекрёсток двух главных улиц, небольшая площадь с вездесущим Ильичом, нестройный ряд домов государственной типовой и крестьянской архитектуры, площадку «Вечного огня» да пойму реки Вычегды. Остальные детали лишь служили фоном, не внося существенных изменений в деревенский пейзаж.

Ленин бодро скидывал руку, зачем-то указывая на крышу районной администрации и гордо выпячивал подбородок, но кепка Ильича из-за налипшего на неё снежка казалась глубоко нахлобученной шапкой, из-под которой торчал только нос, что придавало вождю весьма комичный вид.

С недавних пор место вблизи памятника облюбовали коммерсанты-челноки, появлявшиеся здесь по субботам и воскресеньям. Сегодня была среда, и площадь пустовала.

Два бомжа, пересчитав мелочь и пересыпав её с ладони в ладонь, торопливо зашагали в сторону магазина. Ильичу так и не удалось привлечь их внимание.

Потеряв надежду насладиться последними солнечными лучиками, Николай не торопясь шагал по пустеющим улицам. Вслед за бомжами он зашёл в магазин и на автомате купил бутылку водки.

«Одинокий вечер одинокого холостяка, – подумал он с грустью. – Имею право, да и всё равно упрекнуть меня некому».

Вообще-то, Николай пил мало, даже более того, после того случая, произошедшего давным-давно, когда мать впервые привела в дом отчима, он старался не пить совсем, но иногда... уж лучше водка, чем тоскливый вечер наедине со своей грустью.

Дойдя до квартиры, которую Николай снимал в частном доме, он встретил возле калитки свою хозяйку. Увидев его, пожилая женщина заулыбалась и поздоровалась первой.

– Добрый вечер, Николай Павлович! Какой-то вы сегодня хмурый, и вид у вас уж больно уставший, случайно не заболели? – поинтересовалась она.

– Да вроде нет, слава богу. С утра работы было много, полдня на ногах, но зато вечер свободный, отдохну.

– А вы через пару часиков ко мне в гости заглядывайте: мне сноха из города свежей свининки прислала, так я вас таким борщом угощу, что про всякую усталость забудете.

– А что, сегодня свининку в деревню из города привозят? – засмеялся Николай.

– Ну уж это как получится, – в тон ему ответила хозяйка. – Сын у меня в городе в своём доме живёт, а в своём доме можно и в городе животину держать, было бы желание.

– Борщом усталость не снимешь, – продолжал поддерживать шуточный тон Николай.

– А у меня и сто грамм найдётся, для здоровья-то.

– Большое спасибо, – уже более серьёзным тоном сказал Николай и незаметным движением поправил в кармане бутылку, чтобы не выпирала.

Ещё раз вежливо кивнув хозяйке, он прошёл в свою квартиру.

Квартира, которую снимал Николай, была, по сути, половиной старого бревенчатого дома, который надвое делил холодный коридор. С одной стороны коридор имел «парадный» вход, которым пользовались хозяйка и Николай, другой стороной он выходил в хозяйственную пристройку, где когда-то, по словам хозяйки, держали овец. Правая дверь вела из коридора на половину Прасковьи Ивановны, так звали хозяйку, а левая – на половину Николая.

Половину Николая надвое разделяла огромная русская печь, что и определяло планировку. Угол справа от печи становился спальней, а слева располагалась кухня.

Печь занимала слишком много места, но зато кардинально решала вопрос с теплом. Обычно русскую печь топят раз в сутки, причём с утра, так как кро-

ме обогреть её используют для варки, жарки, выпечки, но Николай в этих функциях не нуждался и топил печь по вечерам. Кроме всего прочего, это придавало зимним вечерам особый уют.

Кухня была просторна и благодаря стараниям Прасковьи Ивановны сияла стерильной чистотой.

Мебель, сделанная в незапамятные времена толковым деревенским столяром, практична и удобна. Вплотную к стене, под окнами, занавешенными белоснежными занавесками, располагался стол, накрытый накрахмаленной розовой в узорах скатертью. На столе стояла стеклянная, до половины наполненная водой ваза с сосновыми ветками, которые источали аромат хвойного леса.

На стенах из тёсаных и хорошо подогнанных брёвен, проконопаченных мхом, висели лубочные картинки, вырезанные из старых журналов.

В переднем углу на стене белели пятна: это хозяйка, перед тем как пустить постояльца, сняла со стены дорогие ей семейные фотографии.

Войдя в дом, Николай первым делом затопил печь, затем покрошил в чугунок очищенную картошку, добавил целую головку лука, немного сушёной зелени, посолил и опустил туда же крупную свиную косточку. Учить Николая обращению с русской печью необходимости не было.

В русской печи все ингредиенты закладываются одновременно, и, как ни странно, это – плюс. Разварившееся мясо, отстающее от кости, и овощи, распаренные на берёзовом жару, обладают умопомрачительным и необъяснимым ароматом, который знает лишь тот, кто хотя бы раз в жизни попробовал это.

Вот только готовить в русской печи можно после того, как дрова почти прогорят, поэтому в ожидании Николай прямо в джинсах и свитере развалился на заправленной кровати.

В памяти сквозь наполняющую дрёму начали всплывать картины из прошлого. Вот он сидит у окна на кухне с книгой в руках, готовится к выпускным экзаменам. На скрипнувшую дверь он не обращает внимания. «Наверно, мать пришла с работы, по времени как раз», – думает Николай, но голос матери, доносящийся из коридора, отрывает его от чтения.

– Коленька, сынок, подойди сюда.

Думая, что матери нужна какая-то помощь, Николай босиком, в одних спортивных штанах выходит ей навстречу. В коридоре рядом с матерью стоит их односельчанин, тот самый директор заготконторы.

– Познакомься, сынок, это – Олег Петрович, – тихим голосом, на выдохе произносит мать и, зардевшись, опустив голову, добавляет: – Мы решили жить вместе...

Догорающие дрова потрескивали раскалёнными углями, осыпая топку багровыми снопами искр. Николай, когда находился дома, не закрывал печь заслонкой, чтобы любоваться огненной феерией.

Стрелки настенных часов ещё только подходили к цифре семь, а смолисто-чёрная северная ночь уже укутала дом тёплым шерстяным одеялом.

Оба окна в этой половине дома оказались на кухне, поэтому в спальне царил полумрак. Мысли Николая рисовали всё новые и новые картины из его прошлой жизни, и эти картины становились почти реальными, почти осязаемыми.

...Никто из присутствовавших не знал, как вести себя в подобной ситуации, поэтому за столом чувствовалось гнетущее напряжение. Мать, чтобы разрядить обстановку, предложила выпить по рюмочке, за знакомство. Никогда раньше мать не предлагала Николаю спиртного, но сегодняшний случай был исключительным. Все согласились. Хмель быстро ударил в голову неопытному Николаю. Мысли кузнечиками заскакали в голове, вызывая бурю противоположных чувств: «Моя мать молодая, красивая женщина. Многие и женатые, и неженатые мужики оборачиваются ей вслед. Но как же она могла забыть отца?»

– Ну, что, Николай, ещё по рюмочке за знакомство? Мы ведь теперь родня, – Олег Петрович, мужик, в общем-то, неплохой, добрый, лез из кожи, стараясь понравиться Николаю. Мать то и дело выбегала из-за стола, принося из погреба всё новые и новые разносолы.

– Ты прости нас, Николай, но жизнь продолжается. Я вдовый, твоя мама – одинокая женщина. Мы никого не предаём, никого не обманываем, мы просто живём и любим друг друга.

Николай слушал Олега Петровича с хмурым видом, он понимал его и даже был согласен, но...

В памяти всплыла рыбалка с отцом. Жаркое лето. Вода в протоке тёплая, пахнущая летним разнотравьем. Тишину утра нарушают только шелест камышей, плеск волн, запугавшихся в зарослях кувшинок, да далёкое жалобное покрякивание утят, окликающих свою мать.

Перегнувшись через борт лодки, отец что-то поднял над бортом и бросил Николаю:

– Лови! – Не успевший среагировать Николай чуть не упал на дно лодки под тяжестью охапки речных лилий. – С рыбой сегодня не получилось, ну и ладно. Зато посмотри какой шикарный букет мы матери принесём.

Когда они вошли в дом, отец, шедший первым, крикнул:

– Мать, приготовь посуду под цветы, мы с сыном их для тебя набрали.

Николай почти воочию увидел, как суетящаяся мать вышла ему навстречу с голубой фарфоровой вазой, подаренной отцом вместе с цветами на прошлый день рождения и всплеснула руками, увидев охапку лилий.

Сейчас мать внесла эту вазу в комнату и поставила на стол. В вазе багряным огнём горели три розы. Цвет роз подействовал на Николая, как красная тряпка на быка. Гася возникшую в груди ярость, он схватил вазу со стола и со всего размаха впечатал её в стену. Осколки вазы, подобно осколкам ручной гранаты, разлетелись по всей комнате, дождём осыпаясь на пол кухни. Воспоминания были Николаю неприятны, и он постарался прогнать их прочь.

...Полумрак, нарушаемый сполохами, играющими в печи, в сочетании с исходящим от неё жаром становился чарующим. Мысли, согретые блажен-

ным теплом, текли плавной рекой из прошлого в будущее, по пути растекаясь в мечтах и фантазиях. Приятная нега качала Николая на своих волнах, но не усыпляла, а только баюкала, предоставляя ему выбор, уснуть или наслаждаться дремой, и он подыгрывал ей, как канатоходец, балансируя между сном и явью.

Дрова почти прогорели. Николай поднялся с постели и подошёл к печи. Ухватом, предварительно растолкав по сторонам оставшиеся угли, поставил в печь чугунок. Теперь нужно закрыть топку заслонкой, и пусть жаркое тушится хоть до утра.

«Хотя мне до утра не нужно, хватит и пару часиков, а пока можно и сухомяткой «червячка заморить».

Он подошёл к столу, нарезал варёную колбасу, хлеб и наскоро соорудил простенький бутерброд.

«Для гурмана слабовато, а вот для голодного человека в самый раз», – подумал Николай.

Плеснув в гранёный стакан водки, примерно на треть, и залпом выпив, он с аппетитом закусил бутербродом. Приятное тепло медленно разливалось по телу. Убаюкиваемый полумраком, он снова лёг на кровать и прикрыл глаза.

Завтра выходной день и открытие охотничьего сезона на боровую дичь, поэтому Николай принял приглашение друга, заядлого охотника, посидеть на берегу реки у костра и, может, даже попробовать шулюм из только что подстреленного рябчика. Охотником Николай был неважным, но друг, врач-нарколог, утверждал, что охота дело пустяковое – «наливай, да пей», и этот аргумент убедил Николая.

3

Местом для охоты выбрали старицу реки Вычегды, напротив недавно восстановленного монастыря. Через реку их должен перевезти знакомый охотник Прохор, а до деревни, расположенной почти под самыми монастырскими стенами, они решили доехать на попутном автобусе, так удобнее.

Автобус местного ДРСУ был забит пассажирами до отказа. Охотников, таких же, как они, оказалось немало. Коротая время в пути, мужики травили байки и подшучивали друг над другом. В одном из охотников Николай узнал своего пациента, приходившего к нему на приём ещё вчера.

Мужичок невысокого роста, в очках, по-видимому, на радостях изрядно принявший на грудь, доставал окружающих.

– А вот скажи, кто ты по китайскому календарю? – обратился он к одному из попутчиков.

– Ну, крыса...

– Всё правильно, вот и морда у тебя, как у крысы. Ыыыы, – он попытался изобразить крысиный оскал.

– А ты кто? – повернулся он к другому пассажиру.

– Собака, – спокойно ответил тот.

Мужичок в очках залился радостным смехом, как будто услышал необычайно весёлую шутку:

– Правильно, я тебя давно знаю, злой ты, как собака, что у тебя ни попросишь, ты в ответ только гавкаешь.

– А сам-то ты кто? – спросил пассажир, которого он начал доставать первым.

Мужичок на какое-то время задумался и, поправив очки на переносице жестом Валерки из «Неуловимых мстителей», уверенно произнёс:

– Петух!

Пассажиры, все как один, повернули головы в его сторону, но тактично промолчали: на его счастье, все они были трезвыми.

Прохор встретил их на автобусной остановке и помог загрузить вещи в багажник старенького «жигулёнка». Поездка к берегу, где их ожидали лодки, не заняла много времени.

Местные мужики, с детства прекрасные рыбаки и охотники, взяли инициативу в свои руки, поэтому всё участие Николая в предстоящей охоте свелось к пассивному присутствию. Охота начнётся только на утренней зорьке, спешить необязательно.

К отдыху подошли комплексно. Возле избушки, в которой им предстояло ночевать, в порядке обмелевшей, но всё ещё рыбной старице поставили пяток сетей. Не для наживы, как говорится, а чтобы свежей ущицы покусать. И сразу по приезду разожгли костёр, достав из рюкзаков припасы и разложив их на стоявшем поодаль дощатом столе.

Врач-нарколог достал из сумки литровую бутылку спирта, чем вызвал дружный возглас одобрения. Николаю показалось, что это именно то, за что мужики ценили своего приятеля.

Закипевший на костре чайник обдал охотников паром и залил часть углей убежавшим кипятком. Неподдалёку раздавался неторопливый гомон гусей. Выступившие на небе звёзды отражались в реке, подчёркивая трёхмерность пространства.

Мужик по имени Прохор, на чьей лодке они сюда приехали, помешивал угли в костре и проверял на готовность печенчу – картошку, запечённую на углях. Его взгляд блуждал то ли от выпитого спирта, то ли от воспоминаний.

Охота должна начаться завтра, а сегодняшней вечер и ночь отводились для отдыха.

Что может быть ценнее во время охотничьего привала, чем байки у костра? Талантливых рассказчиков в таких случаях, как говорится, хоть пруд пруди. Немой и тот норовит слово вставить.

Жаркий костёр, чай, пахнущий дымком, холодная водка, подогретая в банках тушёнка, несколько луковиц и вечный спутник рыбака и охотника на привале – солёное сало. Что ещё нужно для прекрасного вечера?

Только за полночь накал страстей у костра начал спадать. Охотники, утом-

лённые дневными хлопотами и разморённые спиртом, уходили спать в избушку.

Несколько человек, в том числе и Николай, всё ещё оставались у почти догоревшего костра.

Их вниманием завладел Прохор, он рассказывал историю, от которой кровь стыла в жилах.

– Недалеко от старой поймы Вычегды, там, где сейчас находится монастырь, монах-отшельник Серафим построил свой скит. Дикие звери не причиняли ему вреда, признавая его святость, половодье не трогало его жильё, лесные пожары обходили его стороной. В молитвах и покаянии проводил монах время, осеняя своей святостью все окрестные леса, – Прохор затаился «Беломориной» и продолжил: – В тех местах уже давно гулял табор цыган. Народишко дрянной, отпетый. Не украдут, так обманут, не обманут, так украдут. И вот, в очередной раз, скрываясь от преследования, набрели они на скит святого Серафима.

Отшельник, как и положено, накормил и приютил воров, прощая им грехи, да, видать, липучий он, этот грех, – Прохор снова перевёл дыхание и, затаившись ещё раз, отхлебнул из кружки чёрного и густого, как дёготь, чая. – А была в том таборе цыганка Рада. Девка-огонь, мужикам при встрече с ней крышу напрочь сносило. И направил её дьявол на злое дело, решила Рада святого человека соблазнить.

Две недели стоял табор возле монашеского скита, а на третью собрались тати уходить. Хватились, а Рады-то и нет. Пошли цыгане к скиту монаха, постучались в хлипкую дверь. Тишина. Тогда вожак табора распахнул ударом ноги дверь, и цыгане замерли от ужаса. На грубом дощатом столе лежала Рада с окровавленной грудью, а в деревянном самодельном кресле, напротив неё, сидел Серафим с ножом в сердце, – Прохор отодвинулся от костра, допил чай и выплеснул остатки заварки в огонь, давая понять, что рассказ закончен.

– Послушай, Прохор, ты сказал, что скит находился рядом с монастырём. Так вот же, монастырь, через речку. А где же был скит? – спросил Николай.

– А вот где-то здесь он и был, – немного подумав, ответил Прохор. – Только не даётся он людям. Говорят, охотники набредали на него, но, поняв, куда попали, бежали сломя голову. Цыгане Раду-то забрали, а Серафима так и оставили сидящим в кресле. И напоследок эти нехристи пополам разорвали его Библию и бросили на стол. Говорят, что человек, нашедший и соединивший две части Библии, сможет изменить мир и спасти свою любовь, чего так и не смог сделать Серафим.

Звёзды на небе начали тускнеть. Повеяло предутренним холодком. Полночники, что слушали рассказы старого Прохора, вместе с ним ушли спать. Николай помешивал веткой угли догорающего костра и, ни о чём не думая, вглядывался в краснеющие среди пепла огоньки. Ветерок с реки дохнул сыростью – Николай повёл плечами. Пора идти спать.

Если хочешь спать спокойно, первое правило – не забудь перед сном схо-

доть кое-куда. Из санитарных соображений Николай углубился в лес метров на сто. В лесу стояла полная тишина. Решив свои вопросы, он хотел уже вернуться в лагерь, но тут его внимание привлекло какое-то строение справа, метрах в двадцати.

Николай решил подойти поближе. Выглянувшая из-за туч луна залила поляну призрачным светом.

Перед Николаем стоял охотничий домик, как показалось ему поначалу. Крыша прохудилась во многих местах, вместо стёкол на оконных переплётках под ночным сквозняком покачивались обрывки какого-то тряпья, но дверь по-прежнему висела на петлях.

Николай подошёл, рывком открыл перекосившуюся дверь и вошёл внутрь. Дверь, открывшаяся с трудом, легко захлопнулась за его спиной. Кромешная тьма окутала Николая. К счастью, в кармане ему удалось нащупать спичечный коробок, оставшийся после розжига костра. Чиркнув спичкой и оглядевшись вокруг, он обнаружил свечной огарок, стоявший на краю стола в глиняном черепке. Фитиль занялся не сразу, а разгораясь, шипя и плюясь искрами, наполнил помещение запахом горелого сала.

Когда глаза привыкли к мерцающему свету, Николай разглядел скромно убранную комнату, грубый деревянный стол, покрытый толстым слоем пыли, и разорванную пополам книгу, лежащую на столе.

Мёртвого человека Николай заметил не сразу: деревянное кресло, в котором он сидел, находилось в самом дальнем углу. Только отблеск лунного света на рукояти ножа указал Николаю место, где находился высохший труп Сефафима.

«Вот он какой, этот мистический скит», – пронеслось в его голове.

Свеча разгоралась, в помещении становилось светлее. Библия покрылась пылью, но Николай без труда прочёл:

«Тогда придите – и расудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, как снег, убелю; если будут красны, как пурпур, как волну, убелю».

Николай задумался над смыслом прочитанного и вдруг в неверном, дрожащем свете огарка заметил, как что-то блеснуло под столом. Склонившись и подобрав предмет, он поднёс его поближе к свече. Это оказалось простенькое кольцо с неразборчивой надписью по внутренней стороне.

Позади раздался лёгкий шорох. Николай резко обернулся и встретился со взглядом пустых глазниц мумии. В какой-то момент ему показалось, что поза трупа изменилась. «Да нет, этого не может быть. Просто при таком освещении не то что труп, а вон и Библия кажется ожившей».

Оттирая кольцо от налипшей пыли, совершенно машинально Николай надел его на безымянный палец левой руки.

Монашеский скит качнуло, в глазах Николая померк свет, и, сам не понимая как, он вдруг оказался сидящим на полу, опирающимся спиной на ножку стола. «Наверно, спирт разбавили слабовато», – сделал вывод Николай. Несмотря на головокружение, он поднялся с пола, загасил свечной огарок и шагнул к двери. За окном неожиданно громыхнул гром, и по крыше засту-

чали крупные капли дождя. Выходить в такой дождь на улицу Николаю не хотелось, но сидеть в маленькой комнатёнке рядом с высохшим трупом желания было ещё меньше.

Дождь, к его удивлению, оказался не по-осеннему тёплым. Упругие струи хлестали по лицу, заливая глаза и мешая как следует разглядеть дорогу. Нужное направление Николай помнил абсолютно точно, но теперь, шагая уже почти полчаса, он усомнился в своей памяти.

Минуя очередной бурелом, Николай вышел на опушку леса и едва не раскрыл рот от удивления. Перед ним открывался хорошо знакомый ему монастырь. Нет, не за рекой, как это должно было быть, а прямо перед ним, в конце вспаханного поля, стояла монастырская стена. Дальше, за стеной, виднелись строения, среди которых в центре возвышалась церковь.

Николай не раз приезжал сюда ранее полюбоваться монастырём после его ремонта и реставрации, поэтому сейчас, кроме всего прочего, его что-то смущало во внешнем облике.

Приглядевшись повнимательнее, он понял: над куполами отсутствуют кресты. «Наверно, опять решили что-то переделать, – подумал Николай. – И всё же как я попал на этот берег? Не мог же я вброд перейти Вычегду, не заметив этого? Да и где он, этот брод?»

Справа от монастыря, в низинке, виднелась деревня, в которую упиралась пашня. Не желая после дождя идти по вспаханному полю, Николай пошёл вдоль борозды, которая заканчивалась возле крайних изб.

На востоке всходило солнце. «Осенью, в такую рань? Ничего не понимаю», – удивился Николай. Гомон птиц, которые уже давно должны улететь на юг, разносился на всю округу из пробуждавшегося леса, да и лес выглядел слишком уж зелёным для этого времени года. От одежды Николая уже не шёл, а валил пар, начинала одолевать усталость.

Вблизи деревни Николай набрёл на деревенское кладбище. Старые могилы с подгнившими крестами в беспорядке чередовались с новыми. По-видимому, недавно умерших людей старались хоронить рядом с их давно усопшей роднёй. В городах такого нет, но в деревнях свои порядки.

Николай решил отдохнуть, присев на огромный валун, выглядывавший из земли у свежего могильного холмика немного в стороне от других могил. Жаль, сигареты оставил у костра. Сейчас бы пару хороших затяжек.

Усталость бессонной ночи и пережитое давали о себе знать. В сон клонило нещадно. Потянувшись, Николай хотел зевнуть, по привычке поднося ладонь ко рту, и тут же замер, словно окаменев. На кресте из струганных сосновых брусьев он прочёл: Путинцев Николай Павлович, дата смерти 20.07.1937 г.

Николай не знал, чему удивляться больше: полному совпадению фамилии, имени и отчества со своими или дате на свежей могиле – 20 июля 1937 года.

Он посмотрел на кольцо Серафима. Какая-то мысль настойчиво стучалась в его голову, но ухватить её суть Николай пока не мог.

Существует теория, что наша жизнь – результат движения астрального тела в некоем пространстве. Всё, что окружает нас, – это огромное поле,

у которого нет границ, поле, покрытое событиями, словно россыпью жемчужин. Каждое мгновение, что бы человек ни делал либо делал, он выбирает одну из жемчужин и нанизывает её на нить. Жемчужина – это свершившееся, нить – это время, отпущенное каждому из нас, а получившиеся таким образом чётки – это и есть наша жизнь. И пока человек не сделал свой выбор, события не связаны со временем, а значит, нет в нашем мире прошлого, нет будущего, в нём всё настоящее, ничего ещё не было и всё уже произошло.

Николай видел, как в окнах деревенских изб начали зажигаться огни. Судя по тусклому свету, это либо керосиновые лампы, либо свечи. Как ни странно, но над деревней стояла полная тишина, такая же, как на кладбище, где сейчас находился Николай. Не лаяли собаки, не мычали коровы, не блеяли овцы, даже петухи не тревожили тишину раннего утра.

По единственной улице села в сторону кладбища шагала женщина с корзиной. Тётка была дородной: огромная обвисшая грудь и двойной, а то и тройной подбородок колыхались в такт шагам.

Решившись, Николай вышел ей навстречу, обдумывая, о чём спросить в первую очередь, чтобы не показаться сумасшедшим. По мере приближения походка женщины становилась всё менее уверенной. Подойдя к Николаю метров на пятнадцать и пристально взглядевшись в его лицо, женщина вдруг дико взвизгнула и, свернув в сторону ближайших дворов, с неожиданным для неё проворством рванула напрямик, снося изгороди и оглушительно вереща.

Растерявшийся Николай стоял посреди улицы, не зная, что ему делать дальше.

– Николай, давай бегом сюда, да побыстрее, пока не поздно, – раздался приглушённый голос из-за ближайшей изгороди.

Николай подчинился и свернул в соседний двор.

– А я не верил, что тебя расстреляли, – это говорил седой мужчина, которого Николай видел первый раз в жизни и мысленно окрестил «Седой». – И отец Прохор не верил, хотя Резник вчера перед всем народом бахвалился, что кирдык тебе. А Крысятница говорила, что сама видела, как тебя расстреливали.

– Какая Крысятница? – единственно, что смог спросить Николай.

– Как какая? Та самая, которую ты только что едва до кондрашки не довёл.

Николай оглянулся: на не успевшей подсохнуть дороге, в грязи, валялась перевёрнутая корзина, вокруг которой белела скорлупа раздавленных яиц и местами просвечивали яркие пятна желтков. Выпавший из корзины кусок сала уже начали поклёвывать воробы.

– Куда ты теперь? Эта стерва тебя видела, а значит, и Резник скоро будет знать, что ты жив, – Седой замолчал, ожидая ответа.

– Не знаю, – ответил Николай. Это «не знаю» относилось не только к вопросу.

Седой, не скрывая, разглядывал Николая, и, чем больше он к нему присматривался, тем больше сочувствия читалось в его взгляде.

– Слушай, давай-ка я тебя в монастырь проведу. Никому раньше не говорил, что я знаю, как туда попасть без посторонних глаз.

– А что я буду делать в монастыре? – спросил Николай.

Седой глянул на него как на полоумного:

– Выживать, Николай, выживать.

Пробираться пришлось позади огородов. Молодые репы обладали буль-дожьей хваткой. Вся одежда покрылась цепкими, колючими шариками. Иногда репей умудрялся вцепиться в волосы, и тогда его приходилось выди- рать по кусочкам. Стена монастыря приближалась очень медленно. Подсох- шая на солнышке дорога уже начинала пылить под ногами выходявших на работу крестьян, а здесь тропинка была осклизлой, прилипающей к подошве комьями густой глины.

Седой подвёл Николая к куче хвороста, наваленной возле стены, и начал её разгребать.

– Помогай, – коротко бросил он Николаю.

Вдвоём они разгребли хворост, и перед ними открылся лаз, ведущий под стену монастыря.

– А через ворота нельзя? – спросил Николай у Седого.

– Ну, ты даёшь, – только и смог ответить тот. – Там же пост ГПУ, тебе ли этого не знать.

Поборов изумление, Седой несколько грубовато прихватил Николая за локоть и подтолкнул к лазу.

В отсыревшей человеческой норе пахло плесенью и крысиным дерьмом. Руки Николая постоянно натывались на какие-то мягкие осклизлые комья. Было мерзко, противно, но он упорно продолжал ползти вперёд. Вскоре лаз закончился. Солнечный свет, кроме рези в глазах, вызвал бурный восторг в груди. Ещё несколько метров Николай прополз на четвереньках, прежде чем принять нормальное положение.

– Тихо, – прошептал Седой. – Пост рядом. Если не спят, то могут услы- шать.

Растекаясь тенями по монастырской стене, Седой и Николай подкрались к зданию, где находилась опочивальня посвящённых в сан служителей. Солнце возшло довольно высоко, но батюшка, проводивший всюнощную службу, и братья спали крепким сном. Никем не замеченные, Седой и Николай подня- лись на второй этаж жилого помещения. Постучавшись в комнату отца Про- хора и не дождавшись ответа, они тихонько открыли дверь и вошли внутрь.

Комната, в которой отдыхал отец Прохор, была светла и просторна. В при- открытое окно ветер приносил запах выгоревшей на солнце травы и свежесть просторов Вычегды. Привычный ко сну в дневное время, отец Прохор, раски- нув руки и сладко всхрапывая, спал на широкой кровати.

Седой подошёл к священнику и, взяв за плечо, несколько раз встряхнул его. Судя по всему, он знал, что делает. Даже после этого отец Прохор ещё долго не мог прийти в себя, часто моргал глазами и смотрел в пустоту. Наконец взгляд его стал осмысленным, и Прохор с лёгким испугом уставился на Николая.

– Да жив он, отче, жив! Я и сам сначала не поверил, но теперь посмотри, – втолковывал Седой отцу Прохору.

- Вижу, – ответил тот. – А она знает, что ты жив?
- Кто она? – переспросил Николай.
- Наталья же...

4

В некогда весёлом и шумном застолье теперь чувствовалась немалая похмельная усталость. Матвей, герой революции, два года назад штурмовавший Зимний, праздновал первую годовщину рождения своей дочери. Шёл 1919 год. Матвей, будучи в духе времени воинствующим атеистом, категорически запрещал жене крестить свою дочь Наталью.

Но его тёща, Прасковья, считала иначе. Со временем противостояние набирало всё больший и больший накал. И вот оно разрешилось.

Матвей, в соответствии со своим характером и буйным нравом, затеял празднование дня рождения дочери, собрав за свой стол пол-округи. Беспобудная пьянка продолжалась несколько дней. Надеясь остаться незамеченными, Настя, жена Матвея, и её мать Прасковья задолго до рассвета, потеплее одев так и не проснувшуюся Наташку, вышли за околицу. Они надеялись пораньше дойти до райцентра, где находилась церковь.

Церковь встретила их жарко натопленной тишиной. Где-то в углу слышался лёгкий шорох: то ли мышка пыталась затащить в норку украденный кусочек пирожка, то ли сквознячок шуршал фантиком дешёвой карамельки.

Воздух был насыщен особыми запахами, в которых аромат ладана мешался с тяжёлым духом пота, рогожи, сапог, смазанных дёгтем. Десяток свечей не освещали помещение, а лишь подсвечивали суровые лица святых, смотревших с икон.

Прасковья осматривалась по сторонам с благоговейным восторгом и тихим смирением, а вот Насте было не по себе. Вопрос, раздавшийся в полной тишине, заставил Настю вздрогнуть.

– Что вам нужно, уважаемые? – поставленный голос батюшки прогремел раскатисто, басовито, уходя под высокий свод. Всклоченная борода и помятое лицо говорили о том, что он только что встал с постели.

– Нам бы внученьку окрестить, – смиренно поклонилась Прасковья.

– Окрестить дело хорошее, да только нет никого, отдыхают все после всенощной. Приходите завтра с утра, вот и окрестим.

– Не можем мы завтра, – просящим голосом продолжила Прасковья. – Нам бы сегодня.

Прасковья прекрасно понимала, что увести внучку из-под носа у зятя второй раз не получится и сегодня единственная возможность сделать то, что она считала сделать необходимым.

Отец Прохор, так звали священника, внимательно посмотрел в глаза

Прасковьи, затем перевёл взгляд на поникшую, испуганную Настю и о чём-то задумался.

– Что же, раз уж так надо... – многозначительно протянул он. – Приходите часа через два. Думаю, можно будет всё решить.

– Спасибо, батюшка! Благослови... – протянула руки священнику для благословения Прасковья. – Спасибо.

– Да полно, полно. Уж вы только смотрите не задерживайтесь, – и уже глядя куда-то в сторону, добавил: – Да, времена нонче непростые...

Увы, в нашем мире всё взаимосвязано. Каждый наш шаг, каждый поступок, даже каждое желание, вдруг, невзначай исполнившиеся, могут изменить сложившийся мир, да так, что мало никому не покажется.

Если бы не служба, начавшаяся вчера и закончившаяся только под утро, если бы Прасковья с Настей выбрали любой другой день, если бы мучимый похмельем Матвей, вставший спозаранку, чтобы выпить холодной водицы, а может, и остограмиться, не заглянул в спальню, где должны были спать Настя с Наташкой, если бы... Но всё случилось так, как случилось. Хорошо ли, плохо ли? Да кто же теперь разберёт.

Нельзя сказать, что крещение прошло гладко. В церкви оказалось жарко и душно, и Наташка непрерывно заливалась отчаянным плачем, придавая обстановке напряжённую нервозность.

Свеча, по-видимому, из дешёвого воска, в руках Прасковьи постоянно гасла, вызывая у той суеверную тревогу. И всё же Наташку окрестили.

Дорога домой была легче. С подвод, гружёных мясом и шкурами, выехавших из села позже Прасковьи с Настей, тем не менее, уже успели перенести груз перекупщикам, и теперь они, подгоняемые хмельными возницами, ходко шли обратно. Грязь, та, что утром вязала ноги тяжкими путами, теперь, подплавившаяся на осеннем всё ещё тёплом солнышке, густыми волнами выплёскивалась из-под колёс. Разветрилось. Редкие облака, то и дело пробегавшие по небу, погоды не портили. Ехать на телеге, высланной мягкой соломой, было очень удобно. Дорога, ещё не покрытая зимними колдобинами, раскачивала телегу плавными толчками.

Намучившаяся за утро Наташка, помусолив хлебный мякиш, уснула крепким, сладким сном. На розовом личике отражались блаженство и умиротворение. В уголке маленького ротика подсыхала капелька слюнки.

Настя, удобно расположившись за спиной возницы и даже немного привалившись к нему, что было удобно обоим, крепко прижимала к груди дочь. Недавние хлопоты окончательно лишили её сил, и теперь она находилась в состоянии вязкой, приятной дрёмы.

А вот Прасковье было не до сна. Более того, душа её ныла от предчувствия непоправимого.

День рождения Наташки отмечали с размахом. Три дня беспробудного пьянства довели особо упорных до потери ориентации во времени и в пространстве.

Гости, что попутёвее, давно разошлись, а самая отпетая алкашня продол-

жала заливать глотки дармовым самогоном. Закуска уже почти закончилась, но это не обескураживало оставшихся: одни занюхивали самогон остатками изрядно зачерствевшего хлеба, другие доскребали из чашек остатки квашеной капусты. Кто-то устраивался отдохнуть на скамье, не выходя из-за стола, а кто-то и под столом. В доме уже не пахло, а воняло, причём не только перегаром, но и мочой.

В центре, на почётном месте хозяина, сидел Матвей. Он не был алкашом по жизни. Более того, Матвей мог считать себя малопьющим, во всяком случае по сравнению с другими деревенскими мужиками. Но не сегодня.

В глазах Матвея постоянно вспыхивали искры безумного огня.

– Старая ведьма, – шептали губы Матвея, сдабривая эти слова отборной руганью. – Ведь знал, знал, на что она способна. Не уследил. Вернутся – убью.

К Матвею подошёл один из любителей дармовой выпивки, ещё не старый, но уже изрядно потрёпанный мужичок, Илья. Матвей и Илья одно время подрабатывали у местного купца, перевоза в город на своих санях мороженую рыбу. Поэтому Илья, считая себя приятелем Матвея, третий день не выходил из его дома.

– Брось страдать! С женой поцапался, ну и что? Все бабы курвы, – принялся Илья успокаивать Матвея, наклоняясь к его уху. – И твоя такая же курва, как и все. Вот послушай, что я тебе... – Договорить Илья не успел – мощный кулак Матвея врезался ему в переносицу.

– Заткнись, гнида, – Матвей поднялся из-за стола и наклонился над свалившимся на пол Ильёй. – Много ты знаешь о моей жене! Если бы не эта ведьма! – Глаза Матвея загорелись адским пламенем. – Убью.

– Что ты, что ты, успокойся, я не хотел, – заверещал Илья, поспешно заползая под стол и не замечая, что Матвей уже забыл про него.

Тяжело опустившись на скамью, Матвей налил себе треть стакана самогона и одним глотком осушил его. Мир в отравленном мозгу закружился ещё быстрее. Ему мерещилась то смеющаяся над ним Прасковья, то Анастасия, его застенчивая скромница-жена, одетая в откровенно непристойные одежды и гуляющая на каком-то чумном пиру, среди полулюдей-полуживотных. Он снова, как и сегодня ночью, зашёл в спальню жены и склонился над кроваткой младенца. Но в этот раз кроватка не была пуста: кто-то шевелился под детским одеяльцем. Матвей осторожно приподнял край и в ужасе отскочил в сторону – под одеяльцем лежал и сосал соску маленький розовый поросёнок.

Матвей лежал грудью на столе, держась за голову руками, и стонал. С ним не посчитались, его, хозяина, не ставят в грош. Сердце Матвея, отравленное злобой и самогоном, рванулось так, что кровь понеслась в мозг с разрушительной силой, и в тот же миг в его голове негромко, но твёрдо, хорошо различимо голос произнёс:

– Тебе бы жену с дочкой дожидаться, родные ведь люди, с тещей поговорить. Может, и не так велика обида, а может, и нет её вовсе, если друг друга поймёте.

Матвей даже успел удивиться тому, что говорит сам с собой чужим голосом.
– Что за..?

И в тот же миг вспышка яркого пламени разорвала его мозг – Матвея не стало.

В народе говорят, что сироты счастливыми не бывают. Наверно, это правда. Ничего не понимающая Наташка, сидящая на руках у Анастасии, с удивлением смотрела на больших дядь и тетю, которые опять толпились у них в избе.

– А где же тот большой бородатый дядька? – вроде как спрашивала она взглядом. – От него неприятно пахло, но он так здорово качал меня на руках, подбрасывал под самый потолок, аж дух перехватывало. – Наташка вертела головкой и смотрела по сторонам. – Да вот же он! Но почему лежит, почему не подходит ко мне?

На Анастасию было страшно смотреть: казалось, что за прошедшие два дня из неё вынули душу. Глаза, ранее цвета чистого неба, теперь потускнели и как-то выцвели изнутри. Она сидела возле гроба, не выпуская из рук дочь, а та, оглядываясь по сторонам, хватая мать за подбородок и свисающие волосы, удивлённо смотрела вокруг и не понимала, почему с ней не играют, не смешат, не качают на руках.

Прасковья несколько раз пыталась забрать её у матери, но Анастасия, не говоря ни слова, только крепче прижимала Наташку к своей груди.

Не зря в народе есть выражение: «Вдовушка после крепкого мужа». Сейчас оно абсолютно точно подходило к Анастасии.

Растерянность и страх, переходящий в ужас перед неизвестным будущим, безумной тоской наполняли её взгляд. Сгорбившись, скрестив кисти рук на коленях, она глядела в одну точку, и невидимый адский огонь пожирал её душу. Трудно сказать почему, но, посмотрев на неё, люди думали: «Не жилец баба».

5

Шли годы, беспощадные для старости и дающие надежду юным. Наталья росла замкнутым ребёнком. Сирота, одним словом; кто-то пожалеет, а кто-то, пользуясь безнаказанностью, и обидеть норовит. Но вот Наталья выросла. Стройная фигура, тугая коса цвета спелой пшеницы, глаза василькового цвета, чистое лицо с правильными чертами и руки с тонкими, длинными пальцами, покрытые золотистым загаром.

Поутру, подоив корову, задав корма скотине и наполнив водой бездонные поилки, она любила выходить за околицу. Для этого нужно было лишь шагнуть за калитку, встроенную в забор на заднем дворе.

Дорога, начинающая парить под первыми солнечными лучами, убегая

за поворот, обещала Наталье счастье, и фантомы этого счастья возникали в утреннем мареве, нечёткие, размытые, дававшие её воображению возможность довести мечтания до конца.

Сегодня, вглядываясь в даль, Наталья заметила одинокую фигуру, приближавшуюся к деревне. Когда путник подошёл ближе, она по одежде узнала в нём монаха из находящегося поблизости монастыря.

– Здравствуй, красавица, – с улыбкой поздоровался путник. – Не напоишь ли водицей, уж больно утро сегодня жаркое.

– Конечно, напою, подожди меня, инок.

– Я не инок, я послушник, и звать меня Николай. А тебя как, красавица?

Вопрос повис в воздухе – проворная девушка скрылась за калиткой. Вскоре во дворе загремела колодезная цепь и громыкнуло ведро, ударившись о сруб колодца. Не обращая внимания на игривые взгляды парня, она напоила его колодезной водой и, не дав ему завести крамольные разговоры, быстро скрылась во дворе.

В следующий раз Наталья встретила своего нового знакомого на ярмарке, в соседнем селе.

Подвыпившие мужики толпились у телеги с огромным чаном, из которого хозяин черпал огромным ковшом сур, местный аналог браги, и за вполне приемлемую плату щедро разливал его в подставленную посуду. Женщины в праздничных одеждах, с вышивками немыслимой красоты на платьях и передниках, торговали с лотков паренчой – вяленой морковкой, пользующейся успехом у детворы, заменяющей им сладкие тянучки. Молоко, творог, сметана, мясо и рыба всех видов и способов приготовления, овощи с огородов – всё это грудями лежало на прилавках.

Продав утреннее молоко и творог из накопившейся за неделю простокваши, Наталья уже направлялась к выходу с рынка, как кто-то неожиданно окликнул её. Обернувшись, она увидела знакомого монаха, стоявшего у монастырского прилавка со снадобьями.

– Подходи, красавица, продам тебе зелье приворотное, – со смехом предложил ей монах.

– А что, есть и такое? – спросила подошедшая к монаху, порядком растерявшаяся Наталья.

– Конечно, нету, но если надо... хотя зачем тебе приворотное зелье? За тобой и так любой парень пойдёт, как бычок на верёвочке. – Наталья зарделась и отвела взгляд в сторону.

– А как тебя всё же зовут? В прошлый раз ты так и не сказала, – спросил монах.

– Наташа, – ответила та, смутившись ещё больше.

– А где искать тебя, я и так знаю, – выкрикнул монах уже вслед быстро уходившей девушке.

Калитка на заднем дворе вскоре стала их постоянным местом встречи.

Любовь грешная, любовь запретная – нет, наверно, ничего на свете слаще тебя. А разве бывает жизнь без греха? Разве не от греха рождаются дети? Вот

только не надо рассказывать про святые чувства: вы в эти глупости и сами-то не верите, а если верите, значит, никогда не любил.

6

Отец Прохор смотрел на гостя подслеповатыми глазами. За спиной Николая прохаживался Седой и делал отцу Прохору какие-то знаки, что, конечно, не нравилось Николаю. Когда Николай резко повернулся к Седому, то успел заметить, как тот покручивал указательным пальцем у виска. Поняв, что он разоблачён, смутившийся Седой сел на табурет рядом с батюшкой.

– Если вы решили, что я сумасшедший, то это не так, – заявил отцу Прохору Николай.

– Успокойся, послушник. Трудная доля выпала тебе, не каждый смог бы вынести её с непомутившимся разумом.

Почему-то Николай вспомнил «Кавказскую пленницу» и дурдом, в который попал Шурик. Чтобы не подражать герою комедии, он поудобнее устроился на предложенном стуле и, закинув ногу на ногу, спросил:

– Ладно, а как считаете вы? Кто я и где я?

Отец Прохор, не сумев усидеть на месте, встал и начал прохаживаться по комнате.

– Ты послушник, – уверенно ответил батюшка. – Однажды, проходя мимо здешнего кладбища, я увидел тебя сидящим на камне, недалеко от свежих могил. Одежда, в которую ты был одет, показалась мне странной, – отец Прохор пристально посмотрел на Николая. – Наши монахи посчитали эту одежду бесовской, и я думал, что они сожгли её, но я вижу, она опять на тебе, – отец Прохор прокашлялся и, заходя за спину Николаю, продолжал. – Ты не помнил, кто ты, и не знал, откуда ты, только названия некоторых деревень совпали с правильными названиями здешних поселений, в остальном же ты нёс какую-то ересь. – Николай почувствовал капли влаги на своей шее и оглянулся на батюшку.

Отец Прохор стоял рядышком и кропил Николая святой водой, его лицо было напряжено. Усмехнувшись, Николай спросил:

– Ну что, доволен, отец? Живой я, не сгинул...

Отец Прохор, по-видимому, действительно удовлетворённый результатами опыта, вернулся к рассказу:

– Когда я окликнул тебя, мол, кто ты, странник, ты ответил, что ты песчинка, которую, играя и забавляясь, несёт по неведомым лабиринтам время.

– А что было после? – спросил Николай, заинтригованный услышанным.

– А потом я привёл тебя в монастырь, где ты и стал послушником, готовясь принять монашеский постриг. Да вот только не для пострига рождён ты, сын мой. Ты не подумай, я не осуждаю, верно ведь сказано: каждому своё.

Твоя встреча с Наташей была назначена Небесами, и ничего тут не поделать.

– Да кто она такая, эта Наташа? – не сдержавшись, выкрикнул Николай.

Отец Прохор переглянулся с Седым. Покручивать пальцем у виска нет необходимости: красноречивые взгляды и без того говорили о многом.

– Она твоя жена, я сам венчал вас, – ответил отец Прохор.

7

Берег со стороны монастыря был пологим и глинистым. Ближе к урезу воды, там, где плескались волны Вычегды, вошедшей после половодья в свои берега, раскинулись буйные заросли кустарника. После поворота картина резко менялась. Берег становился обрывистым, крутым, и, хотя его высота не превышала трёх-четырёх метров, подойти к урезу воды можно было только вдоль береговой линии. Многочисленные ручейки, сплавлявшие в Вычегду талые воды, порезали берег на маленькие бухточки. Между двумя такими бухточками, в небольшой нише под обрывистым берегом и нашли свой приют Наташа и монах.

В непогоду, когда серые буруны, словно лихие всадники, оседлавшие волны, серой пеной захлёстывали берег, в маленькой пещерке Наташе и монаху было тепло и уютно.

– Любимый мой, я боялась сказать тебе об этом, но скоро ты и сам заметишь, – Наташа покраснела и плотно прижалась к плечу монаха, чтобы спрятаться от его пронизательного взгляда.

– Ты хочешь сказать, что у нас будет ребёночек? – улыбнувшись, спросил монах.

Отпрянув и посмотрев на него с изумлением, Наташа переспросила:

– Откуда ты это знаешь? – она внимательно вглядывалась в лицо монаха.

– А чего тут не знать? Носик распухший, походка, как у уточки, и губы, как у Анджелины Джоли.

– Кто такая Анджелина Джоли? – с ревностью посмотрела на монаха Наташа.

– Успокойся, её здесь нет, и вряд ли ты её когда увидишь, – монах с хохотом завалился на спину, увлекая за собой Наталью. – Я вчера разговаривал с отцом Прохором, и он обещал обвенчать нас, если, конечно, ты не против. – Счастливая Наташка всем телом прижалась к монаху.

В вечерних сумерках воды Вычегды казались свинцовыми. Взбесившийся ветер швырял тяжёлые волны на берег, а те, раздосадованные нанесённой им обидой, покрывали побережье густой пеной прибоя.

– Вчера снова приходил Резник, местный ГПУшник. Уж и не знаю, как от него отвязаться, – грустно прошептала Наталья.

– И что ему надо? – спросил монах.

– А что кобелю надо? Известно, что, – ответила Наталья.

- Даже в вечерних сумерках она заметила, как побледнели скулы монаха.
- Я уж и тем боком и другим к нему. Думаю, заметит же. Заметил...
- И что? – сглотнув вязкую слюну, с волнением спросил монах.
- Да ничто, орал, как бешеный, обещал пристрелить тебя. Ой, боюсь я, Коленька, очень боюсь, как бы беды не случилось.
- Не бойся, всё будет хорошо, – сказал монах, хотя уверенности в его голо-се не было.
- А кто он такой, этот Резник? – спросил монах. – От человека с такой фамилией добра не жди.
- А что такого в его фамилии? – спросила Наташа.
- Как что? Раньше, да и теперь иудеи в праздник привязывали корову или другое животное так, чтобы она не могла упасть, и специальный человек вскрывал ей вены. Умершая таким образом обескровленная корова считалась пригодной в пищу, а человека, совершавшего эти обряды, называли резником.
- Наверно, это самая правильная фамилия для этого гада. Он уже из всей округи кровь выпил. – Наталья, подрагивая всем телом, прижалась к монаху. – Это по его приказу ЧОНовцы сорвали кресты с куполов церквей и почти всех монахов из монастыря отправили неизвестно куда. И собак в деревне тоже они перестреляли.
- Ну, об этом-то я как раз знаю всё.
- А скажи, – не унималась Наталья. – Где ты научился делать свои снадобья? О них вся деревня говорит. Считают, что они способны поднять даже мёртвого.
- Ну, мёртвого-то вряд ли, а вот тяжело больным помочь могут, антибиотики всё же. – Увидев на лице Натальи вопрос, монах махнул рукой. – Ладно, забудь... – И нежно поцеловал её в завиток волос на виске.
- Успокоенная и вмиг ставшая счастливой Наталья вновь прильнула к монаху, но тему не оставила.
- А вот Крысятница по всей деревне разносит враки, что ты своё лекарство из плесени да из подвальных тенет делаешь. А Резник сказал, что ты мракобес и шарлатан и что тебя нужно расстрелять.
- Ну, во-первых, это не враки, антибиотик действительно вещь специфическая, а твой Резник – просто дурак.
- Он не мой, – обиженно произнесла Наташа, отодвигаясь от монаха.
- Ну ладно, ладно, не сердись. – И монах вновь привлёк к себе девушку, жарко целуя её в губы.

8

- Разговоры в келье отца Прохора продолжались до самых сумерек.
- Ты уж хоть Наташку-то не пугай своим беспамятством. Вспомнишь ещё всё, вспомнишь, – посоветовал Николаю Седой.

В распахнувшуюся дверь вбежал запыхавшийся монах и, склонившись к уху отца Прохора, что-то жарко зашептал ему, захлёбываясь словами.

– Да не части ты и говори нормально, тут все свои, – одёрнул его отец Прохор.

Монах встал почти по стойке смирно и голосом бывшего служаки доложил:

– Обыскали всё, но Наташку не нашли, продолжаем искать. А в деревне появился Резник.

– Плохо, очень плохо, – нахмурившись, произнёс отец Прохор. – Вот что, Афанасий, отведи-ка ты послушника в дальнюю келью и запри, да не забудь потайной лаз показать.

Афанасий круто развернулся на каблуках, едва не прищёлкнув ими, выдавая тем своё служивое прошлое, и кивком головы позвал за собой Николая.

Маленькая комната, где даже разойтись вдвоём проблематично, жёсткая кровать, сколоченная из неструганых досок, стол, заляпанный каплями свечного воска, и ведро в углу – вот и всё убранство кельи, в которую привели Николая.

Монах с замашками денщика приоткрыл полог из валявшейся в углу полуистлевшей рогожи. Там, в стене, чернел лаз, в который в здравом уме не полез бы ни один человек.

На стоявший поодаль чурбак монах поставил пару тарелок с холодным творогом, сыром, чашку со сметаной, а возле чурбака опустил на пол крынку с молоком.

Николай, слегка перекусив, откинулся на жёсткую кровать. Разглядывая узоры на дощатом потолке, он старался не сойти с ума. Когда-то на лекциях по психиатрии он, позёвывая, рисовал в конспектах каракули, будучи уверенным, что это ему никогда и нигде не пригодится.

Теперь Николай думал иначе.

Как всегда, не желая трепать свои нервы, Николай постарался думать о чём-то другом, хотя человеку, вышедшему осенью 2017 года на охоту, сегодня или вчера (он уже не мог вспомнить), и оказавшемуся в полуразрушенном монастыре летом 1937 года, отвлечься на постороннюю тему трудно. Но всё же усталость и нервное напряжение дали о себе знать. Веки начали наливать свинцом, а ресницы стало невозможно разлепить. Дрёма переходила в сон.

Николай снова, уже будучи студентом, сидел дома за столом. Мать, не зная, чем угодить сыну, металась по кухне:

– Скушай, сынок, оладушек, только-только напекла, маслице у нас своё, сметанка свеженькая, молоко у нашей бурёнки жирное. – Мать ловила взгляды сына и явно заискивала перед ним. Сердце Николая обливалось кровью, глядя на мать. Да он и сам хотел встать перед ней на колени, но... мы ведь думаем, что жизнь бесконечна, куда спешить.

Отчим «по срочным делам» уехал в район, оставив Николая наедине с матерью, за что тот был ему благодарен.

– А скажи, сынок, есть ли у тебя девушка? Нет-нет, я не тороплю. Но пойми, я ведь мать, хотелось бы внучат на руках покачать.

Только чёрт мог подсказать Николаю следующую фразу:

– У тебя вон муж молодой, вот с ним и говори на эту тему.

Мать сгорбилась, как от удара плети, а Николай, прикусив свой длинный язык, вышел во двор.

Пока он учился в мединституте, он больше ни разу не приезжал домой. Распределившись в глубинку, в райцентр, находящийся недалеко от его родной деревни, он снял квартиру, где и проживал до последнего времени.

Однажды к нему приехала мать.

– Здравствуй, сынок. Что же ты к нам не приезжаешь?

«Как сильно она состарилась», – подумал Николай.

Руки, когда-то ласковые и нежные, теперь сплошь покрылись узелками вен, суставчики распухли и ломали ровную линию когда-то нежных пальчиков. Морщинки вокруг глаз мелкой сеточкой покрыли половину лица. Чёрные тени под глазами придавали глазам траурный вид.

– Мама, ты случаем не болеешь? – спросил Николай.

– Нет, сынок, – со вздохом отвечала та и повторила: – Ты почему домой не приезжаешь? Столько времени прошло, сынок. Ну, прости уж ты меня. – Мать горько вздохнула, потупив взгляд.

– Мама! – Николай едва успел подхватить мать, иначе она точно упала бы на колени. – Я люблю тебя, мама, просто жизнь нынче изменилась, надо много работать.

Он, конечно же, лукавил, но разбитую чашку по новой не склеишь. Не мог Николай находиться в доме отца рядом с чужим, пусть и не плохим человеком.

– Мамка, родная моя, – обнимал он мать за худенькие плечи. – Ну чего ты? Вот он я, рядом, приеду, как будет время.

– Сынок, я ведь уже не молодая. Порадовал бы ты нас с дедом. – Мать даже не заметила, как царапнула сердце сына. – Так хочется с внучатами понянчиться, – сквозь слёзы прошептала мать.

– Да понянчитесь ещё, – без всякой надежды ответил Николай.

Почти неслышно скрипнула дверь. Николай даже не повернулся на другой бок, предположив, что это вернулся монах Афанасий.

Тихий девичий кашель привлёк его внимание – Николай резко обернулся. У двери, как ему показалось, стоял ангел. Девушка с длинными чёрными ресницами, с синими глазами бездонной глубины, с косою толщиной в руку, сквозь слёзы смотрела на него. Николай приподнялся на локтях, а девушка, сорвавшись с места, крепко обняв его шею руками, прижалась к его груди.

– Я знала, я верила, ты обещал мне, – футболка с надписью Nike на груди Николая моментально промокла от её слез. – Я люблю тебя, я умру без тебя.

Обнимая девушку, Николай чувствовал себя негодяем, воспользовавшимся моментом и греющимся возле чужого счастья.

Как врач, он без труда заметил, что девушка беременна, и даже пример-

но определил срок – немногим более семи месяцев. Стрессы при таком сроке могут быть опасны.

Поэтому, поглаживая девушку по спине, он, как мог, старался её успокоить:

– Всё будет хорошо, не волнуйся, всё будет хорошо.

Девушка оторвала свою голову от плеча Николая и взглянула ему в глаза. Ясный, хрустально чистый взгляд, наполненный небесной синевой, в обрамлении бархатных ресниц с застрявшими в них слезинками, преломляющими лучики света не хуже чистейших алмазов, заставили сердце Николая сжаться от любви и жалости.

– Что со мной происходит? Ведь я вижу эту девушку в первый раз.

– Я знала, я знала, что ты не оставишь меня, – продолжали шептать губы Наташи, всем телом прижимавшейся к Николаю.

Где-то вдаль свирепо залаяли собаки. Нестройный хор собачьих голосов приближался к монастырю со стороны деревни. «Странно, – подумал Николай. – А говорили, что в деревне больше нет собак».

Наталья прореагировала иначе. Соскочив с кровати, она заметалась по крохотной комнатёнке.

– Это Резник со своими служебными овчарками. Он выследил нас. Что делать, Коленька?

– Во-первых, успокойся, – происходящее казалось Николаю нелепым сном, но, не имея возможности проснуться, он был вынужден жить в этом кошмаре.

Подойдя к стене, он отбросил в сторону полуистлевшие рогожи – их глазам открылась нора чуть более метра в диаметре, уходящая круто вниз. Наталья, сжавшись в комок, прижав руки к груди, замотала головой.

– Я не ползу, мне страшно!

По коридору загрохотали кованые сапоги. Николай осторожно взял Наташу за руку:

– Пойдём, я буду рядом.

В запертую дверь застучали кованые приклады – у Наташи и Николая не оставалось выбора.

Передвигаться по неизвестно кем и когда прокопанному лазу оказалось очень трудно. Ползти приходилось на четвереньках. Под колени то и дело попадали камни и коренья, царапавшие кожу в кровь, но останавливаться было нельзя. Наконец впереди забрезжил свет.

Отряхивая одежду от комьев глины и налипшей паутины, Наташа и Николай вылезли из узкой щели, расположенной на отвесной стене обрывистого берега Вычегды. Со спины от посторонних глаз их прикрывал берег, а перед ними стелила свои воды река. Взяв покорную Наталью за руку, Николай повёл её вдоль уреза воды, надеясь как можно дальше уйти от деревни и монастыря. Лаз, в котором они скрылись, Николай как мог прикрыл за собой рогожей. Но надежды, что лаз не обнаружат, он не питал. Набегавшие волны смывали их с Натальей следы. Ветер дул в их сторону, что тоже хорошо.

Ночь, накрывшая округу чёрным покрывалом, надёжно прятала от погони, и, если бы не собаки Резника, бояться нечего.

Поднявшись на береговую кручу, Николай и Наташа оказались в глухом лесу. Пройдя ещё какое-то расстояние, они остановились. Идти дальше было невозможно: деревья смыкались перед ними сплошной стеной. Следовало определяться с ночлегом.

Наломав еловых лап, Николай соорудил мягкое ложе, а рядом, в небольшой ямке, стенки которой закрывали видимость со стороны, разжёг небольшой костёр, чтобы перед сном обогреть руки и создать хоть какой-то уют. Он ещё раздумывал, не постелить ли себе отдельно, но Наташка, покрутившись у костерка, улеглась на еловую перину и, капризно поджав губки, указала ему на место рядом с собой. Проклиная судьбу и к великому своему изумлению испытывая радость, Николай прилёг рядом. Наталья тут же повернулась к нему, обняла за шею и упёрлась ему в бок своим выпуклым животиком.

– Ты что-нибудь слышишь? – спросила она.

Насторожившийся Николай вслушался в шум ночного леса, но ничего не услышал.

– Нет, не слышу.

– Да ты не то слушаешь, – сказала раздосадованная Наталья. – Вот здесь слушай. – И она, плотнее прижавшись к нему, доверчиво взяла его ладонь и приложила её к низу своего живота. – Ножкой бьёт.

Утренний туман, пробиравший сыростью до костей, заставлял Николая и Наташу прижиматься друг к другу всё плотнее и плотнее.

Проснувшись первым, Николай вглядывался в черты девушки, спавшей у него на левом плече, крепко обнявшей его за шею и уткнувшейся милым носиком ему в подмышку. Противоречивые чувства боролись в душе Николая. Он уже любил эту наивную, чистую душой девчонку, и тем неприятнее казался он сам себе, греющийся у чужого счастья.

Отец Серафим! Ты сыграл со мной злую шутку. Ты обманул меня. Ты поманил меня чужим счастьем, не оставив мне ничего, кроме зависти. Ты плохой человек, Серафим.

Осторожно, стараясь не разбудить Наташу, Николай высвободился и присел на еловой постели. Привычно похлопав по карманам в поиске несуществующих сигарет, он обернулся в сторону леса. На его лице застыло изумление. В десятке метров от них стоял скит Серафима.

Лай собак они слышали одновременно. Дрожь, вызванная утренней сыростью, прошла моментально.

– Бежим, бежим скорее, – дёрнула за руку Николая перепутанная Наташка.

– Не торопись. – О чём-то задумавшийся Николай смотрел перед собой в одну точку.

Наконец, встряхнув головой, он взял Наталью за руку и увлёк за собой.

– Что ты делаешь? Они скоро будут здесь!

– В этом времени нам от них не уйти.

Труп Серафима по-прежнему сидел в деревянном кресле, вырубленном из

одного большого чурбака. Только голова мумии казалась слегка наклонённой и смотрящей на вошедших с лёгкой ехидцей.

Увидев Серафима, Наталья ойкнула и попятилась к выходу. Николай не совсем вежливым шлепком по попе привёл её в чувство и усадил на скамью, расположенную вдоль стены.

Сев за стол, Николай на обрывке районной газеты «Ветер тайги» писал письмо. В какой-то момент слёзы градом брызнули из его глаз, и последнюю фразу он написал уже нетвёрдой рукой: «Мама, прости».

Собачьи когти уже скребли дверь.

– Наташенька, моя мама – добрейший человек. Я сильно обидел её. Когда встретишься с ней (я подробно указал, как её найти), передай мои слова: мама, я люблю тебя, прости меня за вазу.

Уже не стесняясь, Николай попытался поглубже протиснуть своё письмо в разрез кофточка на груди Наташи, а затем, целомудренно поцеловав её в нежную переносицу, чем вызвал у неё недоуменный взгляд, достал из кармана кольцо Серафима и одел на палец Натальи.

Дверь распахнулась под мощным ударом – Николай вздрогнул и обернулся ко входу.

На пороге стоял красивый молодой парень в начищенных до блеска сапогах, с тонкой талией, перетянутой португеей. Курчавинка в волосах, горбинка на переносице и хрящеватые уши не оставляли сомнений в определении его национальности. Николай понял, что перед ним тот самый Резник.

Парень шагнул в скит и вскинул наган, направляя его в сторону Николая.

– Ну что, попался, гад?

Николай пренебрежительно посмотрел на него и перевёл взгляд в дальний угол за своей спиной. К своему ужасу, он увидел там перепуганную Наталью.

– Тебя, Путинцев, наверно, надо несколько раз убить.

В памяти Николая всплыл разговор у костра: говорят, человек, нашедший и сумевший соединить обе части Библии...

Резник щёлкнул курком. Николай, бросая последний взгляд на Наташу, рванулся к столу – ладони, словно впечатавшись, легли на разорванные половинки книги и сдвинули их вместе. Тут же раздался выстрел нагана, нацеленного в затылок Николаю.

Раннее утро. Николай с ошеломлённым видом сидел на огромном камне, малая верхушка которого виднелась из-под земли. Рядом, дыша сыростью, чернела комьями земли свежая могила. На кресте, там, где указывают окончание пути, был выжжен 1934 год. По-видимому, повинувшись каким-то неизвестным законам, время, отправив Наташу домой к Николаю, отбросило его назад, на целых три года до его первого появления в этом времени. Теперь для него всё стало понятно. Ему осталось жить три года. Но он не расстраивался.

– Три года, ещё целых три года я буду счастлив. Я встречу свою любовь.

Там, в запутанных лабиринтах времени уже, наверно, родился мой ребёнок. Моя мама, в конце концов, будет счастлива. А может, даже я смогу что-то исправить здесь: ведь сказано же, что человек, соединивший Библию, сможет изменить мир. Для этого у меня есть целых три года.

Николай услышал шорох за своей спиной и оглянулся. Отец Прохор, опираясь на посох, подходил к нему.

– Кто ты, странник? – спросил священник.

Стараясь не улыбаться, Николай ответил:

– Я песчинка, которую, играя и забавляясь, несёт по неведомым лабиринтам время.

На душе Николая было светло и спокойно. Он знал, что эти три года даны ему для счастья.

Май 2018 г.

**ТОМ ГИЖЫСЬЯСЛӨН
ЛИТЕРАТУРНОЇ
ЖУРНАЛ**

Мырпома эрд

КӨНКӨ ылын, нюр шөрын, гоҗся шонді улын садьмис ичөтик мырпом тусь. Тайö нюрас сійö вöлі öтнасөн. Мырпом тусь чеччыштіс югыд кор соддзысь да мөдіс корсьны аслыс ёртөс.

Лунтыр котралөм понда мудзөм мырпом тусь күтіс мөвпавны: «А гашкө, тайö гоҗөм ме öтнам и садьми да?» Тайö кывъяс бөрын сійö пырис пемыд ягө. А сэтысь петіс да, чуймис: сы водзын куйліс мича гөрд сера джодждөра. Мырпом тусь некор на татшөм дивөсö эз аддзыв. Воськовтіс матөджык, а тайö вөлөмаөсь сылөн чойяс – мырпом тусьяс.

«Кутшөм ыджыд да ярьюгыд мырпома эрд! – горөдчис мырпом. – Ме тшөтш кута овны тані!» И сійö ладмөдчис югыд кор соддзö, кытысь мырпомыс вөлі нин войтыштöма.

Кыдзи петук тайкө шыдö эз веськав

ОЛІСНЫ-вылісны кань да руч. Руч бергаліс керка дорын, овмөс дөзьөртіс, а кань пес керавны вөрö мөдөдчис. Вузалис кань ассьыс пессö кöчлы. Сьöмсö босьтöм бöрын мунісны кань да руч базар вылö, медым ньöбны петукöс да пуны госа чöскыд шыд. Сöмын сьöмыс ыджыд петук вылö эз тырмы, ковмис ньöбны дзоляник да кос петукöс. Пуктісны найö ньöбанторсö мешöкö да мөдөдчисны бөр гортлань. Мунöны вөрса туйөд. Руч мыш саяс мешöк нуö, зэв ёна тэрмасьö, кань öдвa вермö суөдны сійöс. Ручлы сэтшöм нин окота петукöс сёйны!

Воисны найö гортаныс, разисны мешöксö, сэтысь петіс петук да кутіс дорласьны то руч вылö, то кань вылö да кыдз тай шыасис ёсь гөлöснас:

– Ки-ку-рул-лю-у-у-у!

Сэсся зэв öдйö пызан вывсьыс öктіс став нянь пыригсö.

Жаль лои каньлы петукöс сёйны да и мөвпыштіс, кыдзи эськö петукöс ловйөн кольны. А руч сійöс тэрмөдлö:

– Босьт черсö да керышт петуклысь юрсö. А ме чугун доз лöсьöда да пач ломта.

Таысь кань ёнджыка шөгö усис да и шуö:

– Кывзы, руч! Кор петукуыс быдмас, сэки и шыдыс чöскыдджык лоас.

– Бура шуин, кань! Тэ сэтшöм сюсь менам! – ошкыштіс руч.

Кутісны найö овны куимөн. Руч горт гөгөр уджалö да петуккөд ноксьö: то гуляйтö, то шыдöс койыштö да вердö-ёнмөдö, то гортас пыртас, то сыланкыв сылас, то небöг лыддяс. А кань вöрысь локтас да велöдö петукöс сигудökөн ворсны.

Лунысь-лун петук ёнмö и ёнмö. Кымын ыджыдджык да ёнджык петукуыс лöö, сымын ёнджыка кань ыджыд дум мөвпалö: кыдзи бара-й кутас керавны юрсö петуклысь.

А петуклы гажа! Быд лун сигудökөн ворсö да сылö. Радейтö сійö каньöс да ручöс. Кок улын гартчö да кокьясö ниртчö. А асывнас медводз петук чеччö да ручлы пеляс сылö. Кань сералö. Сэсся кань дорö матыстчас да сылы сыланкыв сылас. Руч сералö-ваксö. Зэв муса, визув да вильыш быдмö петук.

Öтчыд рытнас руч шуис каньлы:

– Кор нö петукуысь шыдтö пуам?

Кань бергөдчис ручлы мышкөн да кутіс тасьті-паньон гия-голякывны, быттьо оз кыв, весиг оз бергөдчы.

Руч матыстчис кань дорө, а мөдыслөн синваыс доршасьö. Гөгөрвоис руч, мый каньлы вывтї жаль лои петукыс, да и шуис:

– Меным öд жаль жö петуктö сейны.

– Либö огö кутöй петукысь шьдтö пуны! Сійö öд мян зэв мичаа сьылö, – висьталіс кань.

– Да, лөсьыд шьд ми тэкöд «пуим», – кывкөрталіс руч, да öтлаын канькөд кутісны серавны-ваксьыны.

А петук пукалö лабич вылын да сигудökөн ворсö, весиг мөвпыштны оз куж, мый вермис шьдö веськавны.

Журналлөн редколлегия:

Елена Афанасьева, Алёна Шомысова, Любовь Ануфриева, Алёна Старцева.

Экология культуры

Экологический ВЕКТОР

Юлии Печининой

Нередко при знакомстве с творческим человеком удивляешься, насколько же богат и многосторонен его внутренний мир. Сказать это о создателе ряда уникальнейших проектов Юлии Печининой, действующих в рамках разработанной её же командой программы социальных проектов АНО «Экологический вектор современности», не сказать ничего. Юлия – человек, мыслящий глобально, аналитик и практик в одном лице, экономист и знаток моды, она не только настоящий просветитель в области образования, культуры и философии экологии, ей принадлежит идея, уже воплощаемая в практику. Идея, аналогов которой попросту нет. Имя этой идеи – Sequel. Это инновационный подход к моде, дизайну и... сохранению природы, основанный, согласно уставу АНО, на технологии переработки вторичного сырья и товаров народного потребления.

Это симбиоз разума и творчества и новый, если угодно, экологический стиль жизни людей, а также огромное поле для творчески мыслящих, в том числе и тех, кто в силу нынешних обстоятельств в обществе остался без работы.

При чём тут природа, напрашивается вопрос? В том-то и дело, что экология – главная составляющая этого проекта. Что происходит сегодня в мире в одном из важнейших сегментов человечества – одежде? Мода меняется, сезонные коллекции обновляются, гипермаркеты избавляются от старых брендов, от одежды, которая в лучшем случае подлежит переработке, после чего ни о какой экологичности товара говорить

Марина ЩЕРБИНИНА

Марина Викторовна Щербинина родилась в г. Котлас Архангельской области в 1964 году. В 1996 году окончила Литературный институт им. Горького (отделение поэзии). Работала в нескольких газетных изданиях: «Вечерний Сыктывкар», «Столица», 25 лет в газете «Республика», несколько лет являлась членом общественного совета при министерстве здравоохранения Республики Коми. Много лет руководила клубом авторской песни «Крецендо» при СыктГУ им. П. Сорокина. Неоднократно становилась лауреатом республиканской журналистской премии «Признание». Публиковалась в республиканском литературном альманахе «Белый бор», в российских изданиях, нацеленных на тему культуры.

не приходится, да и перепроизводство остаётся одним из самых дорогостоящих (химия, электричество, выхлопы) и наносит невосполнимый урон природе. При этом очень многие бренды не желают выводить остатки на распродажу – не выгодно. Невостребованная одежда, вытесняемая новыми брендами, по-тихому заполняет свалки, где всё так же идёт на сжигание.

Юлия предложила своё уникальное решение этой проблемы.

От ИСКОНО-С

Но чтобы полностью вникнуть в суть вопроса и разобраться, что движет автором проектов, необходимо познакомиться с ним и понять, из чего, собственно, и что произрастает.

Родители Юлии, приехавшие из тёплого Мариуполя в строящийся северный Усинск, были людьми харизматичными. Для настоящих трудоголиков (отец – инженер-энергетик, мама – инженер-строитель) работа не прекращалась и дома, за кухонным столом шли бесконечные споры о цифрах, документах, людях, материалах... Казалось бы, вот он – живой спусковой механизм, пружина, образец для подражания отношения к делу. Отношения – да, но Юлия пошла своим путём, чтобы меньше зависеть от системы. Пошла, как говорит сама, набивая свои шишки и неоднократно наступая на свои же грабли. Пробивалась одна, безо всякой помощи. В 2002 году поучившись на физико-математическом факультете в Сыктывкарском госуниверситете, но в результате закончив экономический факультет по специальности «Бухучёт и анализ хозяйственной деятельности», она создаёт свою аудиторскую фирму. Зачем? Тут, наверное, отчасти и сказался в хорошем смысле «бунгарский» характер родителей, а главное – нежелание быть в подчинении, дабы просиживать в какой-нибудь бухгалтерской конторе, слепо перебирая бумажки и щёлкая калькулятором.

Наступали иные времена, страна начала поворачивать голову к капитализму. К тому же лично у Юлии ещё со времён её поездки в Польшу в качестве пионервожатой, где экономика, «взорвавшая мозг», строилась совершенно по-иному, «не советскому» принципу, вызрело убеждение, что и у нас в стране всё должно быть иначе.

По натуре Юлия – созидатель, и в основе всего, что создано ею в жизни, прежде всего было творчество и искреннее желание сделать этот мир лучше, современнее, свободнее. Её аудиторская компания называлась ИСКОНО-С – искусство налогообложения. Именно команда ИСКОНО-С впервые в республике ввела понятие аутсорсинга (относительно бухгалтерского дела), о котором Юлия рассказывала и в СМИ, и на различных форумах в желании разбудить, раскатать застоявшуюся лодку старой советской бухгалтерии.

ИСКОНО-С нелёгкий, а в чём-то и небезопасный бизнес. Это поездки по всей стране, занятие банкротящимися предприятиями, сопровождение арбитражных управляющих, принятие непростых решений, постановка анамнеза предприятиям, стоящим «на грани» с попыткой спасти то, что можно было спасти, отбой от рейдеров, подбор режима налогообложения и т. д. А ещё, и, возможно, это главное – создание базы франшиз, чтобы дать в руки удочку тем, кто хотел и желал работать. Правда, что естественно, предприятия создавались в основном в сфере услуг, производство никто открывать не желал, такое было время. Между тем знакомство и погружение в разнообразный ореол проблем – от строительства дорог до интернет-услуг – дало огромный круг знаний и опыта, и хотелось двигаться дальше. И более всего, хотелось найти отдушину – без судов и производственных войн.

Так в городе появились магазины «Эгоист».

Люди со вкусом

По работе, что естественно, Юлия часто сталкивалась с сильной половиной человечества и однажды поняла, что обращает внимание на красиво одетых мужчин, кои в то время встречались не так уж и часто. Бюджетники, как правило, придерживались классического стиля, да и одеваться «поперёк всех», по-европейски и выглядеть белой вороной в постсоветском пространстве было не принято. Вот тогда она и попыталась разрушить эти стереотипы, открыв магазины «Эгоист». Ездила по итальянским фабрикам, подбирая коллекции и отдельные гардеробы, причём как дорогой одежды, рассчитанной на определённый класс, так и на бренды «средней руки». По этому же принципу и существовали два её магазина.

И это был вовсе не бизнес купи-продай. Это была попытка – не более и не менее – воспитания вкуса. Как сказала однажды ведущая телепередачи «Модный приговор» Эвелина Хромченко, с которой Юлия совершенно согласна, он подобен мышце, которую нужно тренировать ежедневно. Об этих магазинах, несмотря на не такое уж повальное количество покупателей, в городе помнят и по сей день. Да и как не помнить: где ещё можно было увидеть в те годы бутик с гардеробами из Италии, с подиумом, с современными манекенами и огромными телевизорами, на котором демонстрировались лучшие европейские коллекции. Так, во всяком случае, выглядел один из магазинов «Эгоист». Но ещё до их открытия Юлия проучилась на московских курсах имиджмейкеров, и в этом плане её бутики являлись в какой-то степени и «тренировочным» полем, где можно было подсказать, прикинуть, подобрать соответствующий покупателю гардероб.

И всё же это был не совсем бизнес: интуиция, которая редко подводила

Юлию, подсказывала ей, что это лишь очередной шаг к следующему проекту. Естественно, напрашивается вопрос: а на какие средства? А вот тут-то и работала экономическая жилка, умение вести отношения с банками, выстраивать бизнес-планы, обосновывая каждый свой финансовый шаг.

И тем не менее, магазины пришлось закрыть: прежние офисы в силу разных причин со временем оказались нерентабельными, а большие супермаркеты пускали только те бутики, кто работал в сети – на франшизе, частных же они в то время игнорировали. Офисные проблемы и стали основной причиной закрытия «Эгоистов». Между тем костюмы и рубашки, купленные в этих практически евро-магазинах, благодарные его покупатели носят и по сию пору: качество!

Для Юлии наступил крах, после закрытия своего детища, чтобы рассчитаться с долгами, ей пришлось и самой ужаться: поменять авто на более скромное, продать квартиру и офис. Было больно, и можно было забиться в норку и опустить рукава, но она твёрдо решила двигаться дальше.

В чём суть SegueI?

По замыслу создателей проекта, экотехнология SegueI не только решает проблему реализации устаревших коллекций, от которых, согласно закону, при получении новых брендов торгующим точкам необходимо избавляться. Но это всё – качественные вещи, это замечательное сырьё, из которого благодаря креативным идеям дизайнеров SegueI создаются совершенно новые уникальные одежды. И это новая, умная мода, это иная культура и абсолютно новое слово в технологии создания коллекций. Подобный подход соответствует принципам «зелёной экономики». Причём большая часть коллекции, несмотря на то, что здесь предусмотрена и молодёжная мода, и мужская, и женская, – универсальна. Универсальные брюки, которые великолепно смотрятся как на дамах, так и на мужчинах, пальто, кардиганы, водолазки, кофты, рубашки оверсайз, которые также могут украсить гардероб как модников, так и модниц. Экотехнология SegueI позволяет с минимальными экономическими затратами переработать коллекции мужских вещей в элегантные предметы женского гардероба.

– В наш век безумного затоваривания всевозможными новыми коллекциями товаров уже не может быть однозначного отделения мужского гардероба и женского, – считает автор проекта SegueI.

И что любопытно – порой, чтобы создать эксклюзивный костюм, рубашку или пальто, достаточно просто найти приём, отвернув, например, рукава, или убрав ненужные рюши или плечики, или просто поменяв подклад паль-

то. Или сшить комбинезон из двух замечательных рубашек, или лёгкий кардиган. При этом всё сделано с большим вкусом и с большим знанием дела. «Симбиоз ума и творчества», – так отзывается о своём детище сама Юлия.

Коллекции одежды, как видит в будущем команда Seguel, могли бы стать национальным брендом «Eco Seguel&Creativiti». Также на основе коллекции будет создаваться новая профессия «Эко Крафт Сиквел технолог». То есть творческие личности или просто люди, расположенные к творчеству, станут обучаться новым технологиям – создавать свои коллекции. Команда Юлии готова научить всех желающих трансформации одежды через призму экологического видения. К проекту также предполагается подключить дизайнеров, стилистов, художников, которым будет предоставлено огромное поле деятельности: берите, творите, придумывайте.

Часть новой коллекции при этом, считают авторы проекта, обязательно следует предлагать производителю или продавцу, линия одежды которой была использована как сырьё – с тем, чтобы реализовывать новую одежду в их торговых точках. Это будет мотивировать данные магазины и бутики сдавать для проекта Seguel нереализованные остатки, а то и поддержит их в период экономического спада.

Безусловно, считает Юлия, для того, чтобы создавать и продвигать экологическую культуру, как можно большее количество людей должно узнать о сути этого понятия. Ведь каждый из нас, – подчёркивает она, – живя в привычном мире, порой даже не задумывается, что, изменяя свои ежедневные привычки и своё мировоззрение, он может изменить мир. Для начала – вокруг себя.

– Уверена, что смогу зажечь творческих людей, многие из которых сегодня просто забыты сложившейся в стране ситуацией, жалко, что реально талантливые люди даже не предполагают, как можно реализовать свой талант. Они и не подозревают о том, что для них есть дело и что это дело можно монетизировать, можно найти себя в нём, ведь это новое поле деятельности, которого хватит на всех, – убеждена Юлия.

Сама она готова выступить оператором и отбирать в торговых центрах остатки новой, но не проданной одежды, которую, как уже отмечалось, торговле легче вывезти на свалку, нежели утилизировать по правилам. Дисконт-центров, где, как это широко распространено в Москве, невостребованные товары со склада продаются по низким ценам, в республике нет.

Сайнс-арт или ДНК моды

Убеждения Юлии Печениной об универсальности моды основаны на глубоко погружении в историю вопроса, результатом которого стала собранная ею коллекция винтажных, антикварных и интерьерных гравюр по истории

развития современной моды и её ДНК. Эти гравюры – её особая гордость как дополнительного инструмента в раскрытии научной и исторической составляющей проекта. На первый взгляд эта коллекция, состоящая из 50 гравюр, несколько выбивается из общей концепции SegueI, но это не так, а скорее даже – напротив. Коллекция рассказывает об истории костюмов, о формировании различных направлений – от аутентичного стиля разных народов мира, наложивших отпечаток на европейскую моду, до формирования уже более современного стиля денди (щегол со вкусом), и через сто лет – в конце 20-х гг. прошлого столетия – рождения стиля гарсон – стиля оверсайз, возникновение которого определяется одним словом – революционность. Стиль гарсон – стирание границ между мужской и женской одеждой. А тенденцию в стиль, когда простота мужской одежды соединяется с изяществом женского гардероба, перевела знаменитая сегодня на весь мир Коко Шанель, создав соответствующие костюмы, в которые мы с её легкой руки одеваемся и сегодня.

Универсальность и андрогенность этого стиля дизайнеры проекта SegueI и взяли в основу создания коллекции.

Любопытно, как создавалась коллекция гравюр. Практически по капле: здесь и страницы из старинных журналов, и иллюстрации к спектаклям, случайно обнаруженные где-то на книжных развалах или в грудях списанной библиотечной литературы... Естественно, что-то просто покупалось на соответствующих книжных ярмарках.

По плану коллекция гравюр в ближайшее время может стать дополнительным инструментом раскрытия научной и исторической составляющей проекта SegueI на арт-резиденции, которая будет проводиться в Японии в рамках международной программы резиденциального обмена «Контактные зоны: Дальний Восток» Центром современного искусства «Заря» – Aomori Contemporary Art Centre (г. Аомори).

Сама программа этого мероприятия призвана способствовать развитию исследовательской работы в современном искусстве, поддержке международного культурного обмена и сотрудничества. Команда SegueI надеется принять участие в арт-резиденции Центра современного искусства «Заря» в этом году и представить свою пилотную коллекцию одежды, произведенную по инновационной экотехнологии.

Напиши свою мангу

С японским художником Ютоко Исияма Юлия мечтала познакомиться давно. И о чудо, художник, создавший свой неповторимый стиль мангу (стиль японского комикса), сам приехал в Сыктывкар.

Как отмечает Юлия, герои комиксов художника, выжившие в экологической катастрофе, – представители животного мира, оказываются одни на нашей планете, где жизнь полностью уничтожена деятельностью человека. И в свойственной Ютоко Исияма юмористической и жизнеутверждающей манере герои манги пытаются угадать назначение и использовать различные бытовые предметы уничтожившей себя цивилизации и при этом чаще промахиваются с верным их значением.

Принцип использования вторичного сырья, который является основой технологии Sequel, признан перспективным у японского художника и его коллег. К 2021 году команда проекта Юлии Печининой готова представить на суд жителей Республики Коми коллекцию молодёжной линейки, родившуюся в результате слияния двух идей – манги и, собственно, Sequel. Коллекция должна быть продемонстрирована и в Японии как одно из направлений «экодружелюбной» моды». Одежда будет украшена историями героев Ютоко Исияма. Любопытно, что манга художника – это не только сатира экологической направленности, но и своеобразный мостик дружбы между молодёжью двух стран. Японский художник предлагает подросткам нашей страны принять участие в написании книги.

Ещё одно занимательное предназначение манги – это эффективный метод изучения молодым поколением иностранного языка, ведь сам автор создал своё произведение на русском языке и признался, что придумал русско-японские неологизмы. По сути манга – это короткие бытовые диалоги героев, которые визуально дополнены сюжетной картинкой. То есть всё, что нужно для запоминания слов при изучении языка. Такой подход, по мнению команды Sequel, заинтересует детей и подростков, которые смогут общаться на бытовом уровне. А помимо того, есть уверенность, что дополнительный интерес подростков будет заключаться ещё и в том, что, занимаясь чтением и написанием манги, они станут создавать при помощи проекта Sequel модные вещи, которые сами потом и будут носить. Кстати, созданные вещи можно не только носить, но и учиться их продавать, получая навыки в области предпринимательства.

Метод изучения языка посредством манги с использованием технологии Sequel также является ноу-хау авторов проекта.

Ещё одно неожиданное, но очень важное направление деятельности команды Юлии – услуга в сфере защиты авторских прав, товарных знаков, эмблем, а также защита авторского права в сфере экологии и современной культуры. И родилась эта идея не на пустом месте. Команда Сиквел планирует привлекать огромное количество творческих людей с тем, чтобы помочь им воплотить свои идеи в жизнь. Поэтому проблема сохранения авторского права встанет неизбежно. Команда Сиквел готова предложить свою концепцию – как обезопасить себя художнику от похитителей чужих идей. Если лаконично – все объекты авторского права до момента регистрации можно задепонировать. Депонирование имеет ряд уникальных преимуществ: незначительные затраты на регистрацию авторского права, достаточно короткое время для

проведения процедуры регистрации, что особенно важно для субъектов малого предпринимательства.

Ноу-хау – это ещё один способ закрепления авторского права, который сегодня практически не известен малому и среднему бизнесу, предприниматели почти не используют эту возможность защиты своей интеллектуальной собственности и не отражают ноу-хау в активах компаний. Ноу-хау («знать как») или секрет производства – это результат творческой деятельности, которая выражается в определённом наборе информационных подходов, включающих формулы, методы, схемы и наборы инструментов, которые необходимы для успешного ведения дела в какой-либо области или профессии.

Фест с экологическим лицом. Для всех и каждого

На основе проекта Юлии Печининой её команда планирует ежегодно проводить фестиваль «ЭкоКрафтФест», на котором будут презентоваться современные бренды экологической моды как дизайнеров, так и производителей. К фестивалю станут привлекаться дизайнеры и художники, работающие в этно-стиле, – как одну из задач команда Seguel видит в продвижении национальных брендов. Интеллектуально-производственную ресурсосберегающую технологию переработки вторичного сырья и производства товаров народного потребления Seguel, считает Юлия, можно и нужно использовать для создания современного экологического бренда республики, задействовав при этом все направления этно-творчества: ткачество, шитьё, вышивку, валяние шерсти и т. д. В рамках фестиваля и будет создано отдельное направление национального бренда – товарный знак «Eco Seguel&Creativiti», под эгидой которого в формате продвигаемой ресурсосберегающей технологии переработки вторичного сырья и производства товаров народного потребления Seguel станет производиться одежда на основе национальных ремесленных традиций. Конечно, без поддержки руководства региона эта идея малоосуществима. И всё же есть надежда, что этот красивый и полезный со всех точек зрения проект будет услышан. В Коми немало учебных заведений в области культуры, выпускники которых подчас не находят себя в профессии, а вернее – не находят. Проект Seguel и всё, что связано с ним, – отличный старт для тех, кто связал свою жизнь с творчеством, ведь в нём найдётся место каждому, кто желает сделать этот мир хоть чуточку лучше.

Юлия Печинина и её работы.

Костюмы в авторской графике
и на страницах журналов мод

217

RUSSIA
XVI AND XVII CENTURY

RUSSLAND
XVI UND XVII JAHRHUNDERT

RUSSIE
XVII ET XVIII SIECLE

БЫСТРО! УДОБНО! ДОСТУПНО!

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПОДПИСКА 2020

Дорогие наши читатели!

Теперь вы можете оформить годовую подписку на электронную или печатную версию журнала «Арт» (при условии получения в редакции журнала), не выходя из дома. Достаточно перечислить 200 р. по указанным ниже реквизитам, в сообщении указать e-mail и ФИО подписчика.

Наши реквизиты:

Получатель: АУ РК «Редакция журнала «Арт»
ИНН/КПП 1101485466/110101001 р/с 40603810328004070042
КОМИ ОТДЕЛЕНИЕ № 8617 ПАО СБЕРБАНК
БИК 048702640 к/с 30101810400000000640
e-mail: artkomi@mail.ru

Журнал «Арт» можно приобрести

- в сети магазинов «Ридер»,
- в магазине «Ордым» (Дом печати, г. Сыктывкар, ул. К. Маркса, 229),
- в магазине «Дом книги»,
- в книжном киоске торгового центра «Дом быта».

Оформить подписку вы можете во всех отделениях ФГУП «Почта России».

Подписной индекс:
П4453

www.artlad.ru

